

Published since
2006

1 (71) 2025

ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА

LEGAL SCIENCE AND LAW ENFORCEMENT PRACTICE

ISSN 1998–6963

2025
N 1 (71)

ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА
LEGAL SCIENCE AND LAW ENFORCEMENT PRACTICE
YURIDICHESKAYA NAUKA I PRAVOOKHRANITEL'NAYA PRAKTIKA

16+

Научно-практический журнал.
Учрежден Тюменским институтом повышения
квалификации сотрудников МВД России.
Издается с 2006 г. Выходит ежеквартально

Scientific and Practical Journal. Established
by Tyumen Advanced Training Institute of the
Ministry of the Interior of the Russian Federation.
Published since 2006. Issued quarterly

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

EDITORIAL BOARD

Председатель

Chairman

КОКОРИН Д.Л.,
кандидат юридических наук, доцент,
Тюменский институт повышения
квалификации сотрудников МВД России

KOKORIN D.L.,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Tyumen Advanced Training Institute
of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation

Главный редактор

Chief Editor

ЧЕРНОВА С.С.,
кандидат юридических наук,
Тюменский институт повышения
квалификации сотрудников МВД России

CHERNOVA S.S.,
Candidate of Legal Sciences,
Tyumen Advanced Training Institute
of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation

Ответственный редактор

Executive Editor

ЛЕТАЕВА Е.А.,
кандидат юридических наук, доцент,
Тюменский институт повышения
квалификации сотрудников МВД России

LETAEVA E.A.,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Tyumen Advanced Training Institute
of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation

Члены редакционной коллегии:

Members of the editorial board:

БАРАНОВ В.М.,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки
Российской Федерации, почетный работник
высшего профессионального образования
Российской Федерации,
Нижегородская академия МВД России

BARANOV V.M.,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honoured Scientist of the Russian Federation,
Honorary Worker of Higher Professional
Education of the Russian Federation
Nizhny Novgorod Academy of the Ministry
of the Interior of the Russian Federation

БЕЗРУКОВ А.В.,
доктор юридических наук, профессор,
Сибирский федеральный университет

BEZRUKOV A.V.,
Doctor of Legal Sciences, Associate Professor,
Siberian Federal University

ГЕРАСИМЕНКО Ю.В.,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Российской Федерации,
Уполномоченный по защите прав
предпринимателей в Омской области

GERASIMENKO Yu.V.,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honoured Lawyer of the Russian Federation,
Business Rights Commissioner in the Omsk region

ГРЕЧКИНА О.В.,
доктор юридических наук, профессор,
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте
Российской Федерации

GRECHKINA O.V.,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
The Russian Presidential Academy of National
Economy and Public Administration

ГРИШКО А.Я.,
доктор юридических наук, профессор,
Рязанский государственный
университет им. С.А. Есенина

GRISHKO A.Ya.,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Ryazan State University named after S.A. Yesenin

ИЛЬЯШЕНКО А.Н.,
доктор юридических наук, профессор,
Кубанский государственный университет

IL'YASHENKO A.N.,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Kuban State University

КОЗАЧЕНКО И.Я.,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки
Российской Федерации,
Уральский государственный
юридический университет им. В.Ф. Яковлева

KOZACHENKO I.Ya.,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honoured Scientist of the Russian Federation,
Ural State Law University
named after V.F. Yakovlev

КОМИССАРОВА Е.Г.,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы
Российской Федерации,
Пермский государственный национальный
исследовательский университет

KOMISSAROVA E.G.,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honoured Worker of Higher School
of the Russian Federation,
Perm State National Research University

ЛИПИНСКИЙ Д.А.,
доктор юридических наук, профессор,
Тольяттинский государственный университет

LIPINSKIY D.A.,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Togliatti State University

МАЙОРОВ В.И.,
доктор юридических наук, профессор,
Тюменский институт повышения
квалификации сотрудников МВД России

MAYOROV V.I.,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Tyumen Advanced Training Institute
of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation

МАЛЬКО А.В.,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки
Российской Федерации,
Тольяттинский государственный университет

MAL'KO A.V.,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honoured Scientist of the Russian Federation,
Togliatti State University

СЕРГЕЕВ А.Б.,
доктор юридических наук, профессор,
Челябинский государственный университет

SERGEEV A.B.,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Chelyabinsk State University

СУМАЧЕВ А.В.,
доктор юридических наук, профессор,
Тюменский институт повышения
квалификации сотрудников МВД России

SUMACHEV A.V.,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Tyumen Advanced Training Institute
of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation

ШАРАПОВ Р.Д.,
доктор юридических наук, профессор,
Санкт-Петербургский юридический
институт (филиал)
Университета прокуратуры
Российской Федерации

SHARAPOV R.D.,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
St. Petersburg Law Institute (Branch)
of the University of Prosecutor's Office
of the Russian Federation

ШРУБ М.П.,
кандидат юридических наук, доцент,
Институт повышения квалификации
и переподготовки Следственного комитета
Республики Беларусь

SHRUB M.P.,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Advanced training and retraining Institute
of the Investigating Committee
of the Republic of Belarus (Belarus)

ЮЗИХАНОВА Э.Г.,
доктор юридических наук, профессор,
Санкт-Петербургский
университет МВД России

YUZIKHANOVA E.G.,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
St. Petersburg University of the Ministry
of the Interior of the Russian Federation

**Ответственность за содержание
материалов несут авторы статей.**

**Мнение редакции журнала может
не совпадать с точкой зрения авторов
публикаций.**

**Журнал включен в Перечень российских
рецензируемых научных журналов
и изданий (категория 2 (K2)
по научным специальностям:**

**5.1.1. Теоретико-исторические правовые
науки; 5.1.2. Публично-правовые
(государственно-правовые) науки;
5.1.4. Уголовно-правовые науки**

Партнеры:

Международная ассоциация
содействия правосудию;
Российская криминологическая ассоциация

Partners:

International Union of Assistance to Justice;
Russian Association for Criminology

Адрес редакции, издателя и типографии:

625049, г. Тюмень, Тюменская область,
ул. Амурская, 75.

**Address of the Editorial Board, Publisher
and Printing House:**

Amurskaya str. 75, Tyumen,
Tyumen region, 625049, Russia.

<http://www.naukatipk.ru>; +7 3452 598 484; naukatui@mail.ru

ISSN 1998-6963

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации

ПИ N ФС77-79556 от 07.12.2020 г.

Редакторы: Е.В. Карнаухова, Е.А. Пыжова.

Технический редактор: Е.К. Калашникова.

Перевод на английский язык: Ю.А. Никонова.

Подписано в печать 27.03.2025. Дата выхода в свет 31.03.2025.

Формат 60x84/8. Усл. п. л. 11,2. Уч.-изд. л. 10,5.

Тираж 300 экз. Заказ N 002. Цена свободная.

© ФГКУ ДПО «ТИПК МВД России», 2025.

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

Раздел 1. Методология правоохранительной деятельности

БЛАЖЕВИЧ Н.В. Версия и дискуссия
в процессе принятия следственных решений
как методологическая проблема

6

КАРНАУХОВА Е.В. Суверенитет как признак
государства (закрепление в Конституции
Российской Федерации)

19

Раздел 2. Уголовный закон

ТЫДЫКОВА Н.В., ШАРАПОВ Р.Д. Квалификация
организации занятия проституцией

28

КОРНЕЕВ С.А. Меры пресечения в «огранке»
уголовно-правового воздействия, или Наказание
до обвинительного приговора суда

40

Раздел 3. Совершенствование правоохранительной практики

ГЛУШКОВ М.Р. Технический аспект
применения электронной подписи в уголовном
судопроизводстве

52

Раздел 4. Проблемы юридической науки и правоохранительной практики: взгляд молодых исследователей

ВЕРЕВОШНИКОВ Е.А. Перспективы применения
технологий искусственного интеллекта
в уголовном судопроизводстве

59

АГАРЗАЕВ С.К. Участие органов внутренних дел
Российской Федерации в обеспечении режима
военного положения: правовые категории
и юридическая природа

68

АСТАФЬЕВ И.Н. Ответственность
за неповиновение законному распоряжению
или требованию сотрудника полиции (милиции)
согласно административному законодательству
государств — участников Содружества
Независимых Государств

75

Section 1. Methodology of law enforcement activities

BLAZHEVICH N.V. Version and discussion
in the process of making investigative
decisions as a methodological problem

KARNAUKHOVA E.V. Sovereignty
as a feature of the state (enshrining
in the Constitution of the Russian Federation)

Section 2. Criminal law

TYDYKOVA N.V., SHARAPOV R.D.
Qualification of organizing prostitution
activities

KORNEEV S.A. Preventive measures
in terms of criminal legal impact
or punishment prior to conviction

Section 3. Improving law enforcement practice

GLUSHKOV M.R. Technical aspect
of using the electronic signature
in criminal proceedings

Section 4. The problems of legal science and law enforcement practice: young researchers' view

VEREVOSHNIKOV E.A. Prospects
of applying the artificial intelligence
technologies in criminal proceedings

AGARZAEV S.K. Participation of
the internal affairs bodies of the Russian
Federation in ensuring martial law regime:
legal categories and juridical nature

ASTAFYEV I.N. Liability for disobedience
to a lawful order or demand of a police
(militia) officer under the administrative
legislation of the member-states of the
Commonwealth of Independent States

Раздел 5. Обзоры, рецензии, критика

МАЙОРОВ В.И. Рецензия на учебник
В.Е. Горюнова «Организационные основы
защиты информации»

83

МОРОЗОВ В.И. Отзыв на диссертацию
И.В. Матвеева «Использование лицом
служебного положения как признак состава
коррупционного преступления»

90

Section 5. Reviews, critiques

MAYOROV V.I. Review of the textbook
by V.E. Goryunov "Organizational principles
of data protection"

MOROZOV V.I. Review of the dissertation
by I.V. Matveev "Abuse of official position
as a sign of a corruption crime"

Раздел 1. Методология правоохранительной деятельности

Научная специальность: 5.1.1, 5.1.4

Версия и дискуссия в процессе принятия следственных решений как методологическая проблема

Николай Викторович Блажевич,

доктор философских наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, Тюменский институт повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации, Тюмень, Россия, bin7704@rambler.ru

Аннотация. Статья посвящена аргументации точки зрения о том, что согласованное применение методов выдвижения версий и ведения дискуссии позволяет внести уточнения в существующие технологии принятия следственных когнитивных решений, делая их эффективнее. Доказывается, что следователь, принимая нетипичное решение, неизбежно анализирует и моделирует следственную ситуацию, выдвигает предположения, ведет дискуссию, строит версии, осуществляет их фальсификацию и верификацию, принимает когнитивные и правовые решения. Исследуется отношение алгоритмов формирования версий и ведения дискуссий следователем, на этой основе конструируется интегральный алгоритм. Выделяются внутренние и внешние условия, которые определяют формирование версий и ведение дискуссий. Сделан вывод о том, что профессиональный следователь для преодоления сложной следственной ситуации стремится использовать системные технологии применения методов выдвижения версий и ведения дискуссии для поиска и выбора истинного когнитивного и справедливого правового решения.

Ключевые слова: когнитивное следственное решение, процесс принятия следственного решения, проблемная следственная ситуация, алгоритм формирования следственной версии, алгоритм ведения дискуссии

Для цитирования: Блажевич Н.В. Версия и дискуссия в процессе принятия следственных решений как методологическая проблема // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2025. N 1 (71). С. 6-18.

Version and discussion in the process of making investigative decisions as a methodological problem

Nikolay V. Blazhevich,

Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Honored worker of higher education of the Russian Federation, Tyumen Advanced Training Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Tyumen, Russia, bin7704@rambler.ru

Abstract. The article deals with arguing the point of view that the coherent application of the methods for suggesting versions and conducting discussions allows to specify the existing technologies for making investigative cognitive decisions, rendering them more efficient. It is proved that the investigator, when making an atypical decision, inevitably analyzes and simulates the investigative situation, makes assumptions, conducts a discussion, constructs different versions, falsifies and verifies them, makes cognitive and legal decisions. The relation of the algorithms for forming versions and conducting discussions by the investigator is analyzed, based on this, an integral algorithm is constructed. The internal and external conditions that determine both forming versions and conducting discussions are distinguished. It is concluded that in order to overcome a difficult investigative situation a professional investigator strives to use systemic technologies of applying the methods for suggesting versions and conducting a discussion to seek and choose both a true cognitive decision and a fair legal decision.

Keywords: cognitive investigative decision, process of making investigative decisions, problematic investigative situation, algorithm for forming an investigative version, algorithm for conducting a discussion

For citation: Blazhevich N.V. Version and discussion in the process of making investigative decisions as a methodological problem // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2025. No. 1 (71). P. 6-18.

В настоящее время проблема принятия следственных решений, как отмечается отечественными криминалистами, приобретает особое значение для развития криминалистики и теории оперативно-розыскной деятельности [1, с. 89]. Она фактически превращается в комплексное научное направление. По этой теме активно ведутся диссертационные исследования. Например, А.Е. Шуклин доказывает, что принятие решений является «базовой функцией следователя при раскрытии преступлений» [2, с. 3]. Очевидно, что исследовательский интерес к проблеме вызван стремлением повысить эффективность данной деятельности, поскольку следователю часто приходится принимать решения «в сложных следственных и оперативно-розыскных ситуациях, обусловленных негативными факторами информационной неопределенности, конфликта и риска» [1, с. 89].

Под эффективностью принятого решения понимают отношение результата к затратам, необходимым для достижения этого результата, а также повышенные качества принятого решения. Например, М.В. Молдавский и А.В. Клинов, размышляя о качествах принимаемых решений, отмечают, что «оперативно-тактические решения должны быть актуальными, обоснованными и соответствующими общим задачам оперативно-розыскной деятельности, оперативными, полными и компетентными, основывающимися на требованиях закона» [3, с. 76]. Следует подчеркнуть, что в цитируемом тексте речь идет об оперативно-тактических решениях, но они не появляются без вспомогательных когнитивных решений, так как принятие правового решения «аккумулирует в себе сложную и многофакторную познавательную деятельность» [4, с. 231]. К эффективным результатам расследования относятся правильные правовые и когнитивные решения, принятые с минимальными затратами средств и времени. Когнитивные решения можно признать правильными, если они логически состоятельны, соответствуют поставленным задачам и установленным обстоятельствам.

Когнитивные решения обусловлены применением адекватных познавательных методов. Полагаем, что инструментальным стержнем поиска правильных когнитивных решений следователем, который оказался в проблемной следственной ситуации, является согласованное применение методов выдвижения версий и ведения дискуссии. К сожалению, в криминалистической литературе акцентируется внимание лишь на методе выдвижения версий, а рациональное применение метода ведения дискуссии и других логических приемов и методов не учитывается. В частности, авторы современного учебника по криминалистике называют метод выдвижения версий в качестве основного специального метода для решения задач «в рамках криминалистического познания» [5, с. 13]. Рассматривая применение этого метода, они уточняют, что в основе процесса выдвижения криминалистических версий используются и другие логические приемы и методы, но метод ведения дискуссии не называют, а также не разъясняют технику применения названных ими логических приемов (анализа и синтеза) и методов (дедукции, индукции и аналогии) [5, с. 188]. В настоящей статье предпринята попытка раскрыть технику применения метода дискуссии в процессе выдвижения следственных версий, так как организованное применение метода ведения дискуссии способствует развитию самого метода выдвижения версий и в целом ведет к рационализации процесса принятия следственных решений.

Действительно, следователь для принятия правильного правового решения должен получить достаточные доказательства по делу. Следователь анализирует и синтезирует имеющиеся доказательства, строит следственные версии. «В рамках следственной деятельности их может быть любое количество, в зависимости от объема имеющейся информации, требующей проверки» и необходимости получения новой информации [5, с. 189]. Следственные версии создают условия для получения новых данных и выбора окончательного

когнитивного решения. Принцип множественности версий обязывает следователя рассматривать одновременно не одну версию, что создает необходимые условия для ведения дискуссии, поскольку разногласие, как доказывается эристикой (наукой о споре), является основой возникновения любого спора, его «необходимым, субстанциальным элементом» [6, с. 24].

В криминалистическом познании важен культурный спор, потому что только такой спор может привести к согласованному адекватному решению. Видом культурного спора является дискуссия. Кроме того, метод ведения дискуссии (от лат. *discussio* — рассмотрение, исследование) предназначен для проверки и поиска истинных суждений о предмете спора. Следственные версии должны проходить испытание, чтобы была выбрана одна из них, наиболее вероятная. Эта задача эффективно решается при применении метода дискуссии. Важно учитывать, что метод дискуссии используется не только для проверки версий, но и для их поиска. В этом случае он оформляется как эвристический метод (например, как метод мозгового штурма или синектического штурма). А.Е. Шуклин обращает внимание на то, что эффективность принимаемых следователем решений «в значительной степени предопределяется используемыми при этом логическими, эвристическими и психологическими операциями» [2, с. 3]. Метод дискуссии эффективен на всех этапах процесса принятия следственных решений, особенно в случаях проблемных следственных ситуаций. К принятию заключительного следственного решения следователь приходит через вспомогательные когнитивные решения следственной проблемы.

Следственная версия — это развитое предположительное когнитивное решение следственной проблемы. Следственная версия является видом криминалистических версий. Под версией (от лат. *versio* — видоизменение, поворот) в криминалистике понимается предположительное объяснение, истолкование события преступления в целом или его обстоятельств [5, с. 189]. В криминалистике выделяют общие и частные версии. Согласно «Юридическому энциклопедическому словарю» общая

версия «...относится к предмету доказывания по уголовному делу в целом и содержит предположение о наличии события преступления и о виновных лицах. Частная версия относится к отдельным сторонам и элементам предмета доказывания, содержит предположение об отдельных сторонах исследуемого события (например, о мотиве преступления, его месте, времени, орудии)» [7, с. 34].

Как отмечает Х.П. Павлов, «следственные версии определяют направленность процесса расследования преступления и его составных частей, они обуславливают его логическим способом, являясь ориентирующим началом» [8, с. 51]. Следственные версии не только являются когнитивными решениями следственной проблемы, они выражают аргументированные позиции сторон следственной дискуссии. Стороны дискуссии могут быть представлены членами следственной группы. Однако сам следователь в процессе обоснования позиций (предположений), ведения дискуссии продолжает осуществлять выбор более вероятной следственной версии, оценивая позиции сторон. Цель следственной дискуссии — поиск или проверка истинности суждений о предмете расследования.

Следственные версии и дискуссии определяют направление поиска правильных когнитивных решений следственной проблемы, поэтому их разработка является важнейшей частью алгоритма принятия решений следователем. «В ходе разработки и проверки следственных версий дело постепенно конкретизируется. Проверка предположений позволяет, в конце концов, исключить все сомнительные предположения, оставить более вероятную версию. Эта версия и формулируется в постановлении о привлечении лица в качестве обвиняемого и в обвинительном заключении по делу» [9, с. 7]. Данная версия прошла оперативное испытание в организованной следователем дискуссии. Версия, которая прошла испытание, является окончательным когнитивным решением следователя.

При этом метод дискуссии применяется не только тогда, когда решение принимает следственная группа, но и тогда, когда решение принимается следователем индивидуально. Следователь в этом случае рефлексировывает, критически оценивая

возможные версии, выстраивает более реальную картину преступного события. Следователь ведет дискуссию с самим собой, последовательно представляя разные стороны, разные версии, оценивая состояние аргументации в каждой версии. Безусловно, групповое ведение дискуссии усиливает критическое и эвристическое значение метода дискуссии. Каждый участник дискуссии выдвигает и защищает свою версию, а также конструктивно критикует другие версии, участвует в поиске более вероятной версии. Групповое ведение дискуссии создает лучшие условия для реализации принципа множественности версий, позволяет наиболее всесторонне и объективно анализировать следственную ситуацию.

Таким образом, методы выдвижения версий и ведения дискуссии являются основой поиска следователем правильных когнитивных решений. Следователь должен владеть технологией выдвижения версий и ведения дискуссии, знать их методологические возможности. Там, где идет поиск фактов, причины преступления, там всегда присутствуют следственные версии и ведутся следственные дискуссии. При этом важно отметить, что в процессе принятия решений следователем выдвигаются самые разные общие и частные следственные версии и ведутся общие и частные следственные дискуссии.

В общей версии содержится когнитивное предположительное решение о наличии события преступления и о виновных лицах. Общая следственная дискуссия вызывается поиском оптимальной общей версии. Частные следственные версии направлены на поиск недостающей необходимой информации для квалификации преступления и установления виновности подозреваемого лица. Частные следственные версии сопровождаются частными дискуссиями, мозговыми штурмами. В процессе принятия решений явно или неявно ведутся общая и вспомогательные дискуссии. Общая дискуссия направлена на формирование адекватного представления о событии преступления в целом и виновных лицах. Вспомогательные дискуссии способствуют поиску недостающей достоверной информации для квалификации преступления и установления виновности подозреваемого лица.

По когнитивным функциям в процессе поиска решений все версии можно разделить на три группы: экзистенциальные, описательные и объяснительные [10, с. 275-276]. Все названные виды версий выполняют эвристическую функцию, способствуют приросту нового знания. Поскольку выдвижение всех видов версий сопровождается дискуссиями, по когнитивным функциям в процессе поиска решений все дискуссии также подразделяются на экзистенциальные, описательные и объяснительные. При этом дискуссии проводятся для проверки истинности знаний или поиска истины. Например, экзистенциальные дискуссии возникают при выяснении существования какого-либо факта в следственной ситуации. Описательные дискуссии возникают, когда идет поиск ответов на вопросы о свойствах, структуре, функциях объекта и субъекта преступления. Объяснительные дискуссии вызываются предположениями о причинах события преступления в целом или о каких-либо его обстоятельствах. Объяснительные дискуссии возникают в ответах на вопрос о том, почему произошло это преступление. Таковы, например, дискуссии о побудительных причинах и мотивах совершения обвиняемым конкретного преступления. Следственные версии и дискуссии упорядочиваются алгоритмом принятия следственных решений. Вначале возникают экзистенциальные версии и дискуссии, направленные на выяснение факта существования конкретных объектов в следственной ситуации. Затем возникают описательные версии и дискуссии, направленные на выяснение свойств этих объектов. Последняя ступень — построение объяснительных версий и ведение дискуссий, раскрывающих механизм и причины возникновения расследуемого преступления.

Предложенная классификация следственных версий отражается в их определениях. Например, М.С. Строгович называет версией «одно из возможных объяснений какого-либо отдельного факта, явления, события» [11, с. 308]. Используя в качестве определяющего понятия объяснение, он ведет речь об общей объяснительной версии. По-другому подходит к определению А.А. Старченко, отмечая, что следственная версия — это «одно из возможных пред-

положений, объясняющих происхождение или свойства отдельных обстоятельств преступления либо событие преступления в целом» [12, с. 186]. Он имеет в виду все многообразие версий: общих и частных, экзистенциальных, описательных и объяснительных. Современные авторы пытаются строить обобщенные определения версии, абстрагируясь от ее назначения. В частности, А.М. Ларин рассматривает версию как «предположительный ответ на вопрос» [13, с. 116], а С.В. Корнакова называет версией «объективно обусловленное предположение» [14, с. 104]. Определения, сформулированные А.М. Лариным и С.В. Корнаковой, могут быть конкретизированы применительно к экзистенциальным, описательным и объяснительным следственным версиям.

Следственная версия как форма теоретического знания является системным образованием. При работе с ней необходимо учитывать ее внутреннюю и внешнюю структуру. Во внутренней структуре следственной версии выделяются элементы, представляющие ее ядро и периферию. При определении предмета мысли стремятся назвать его явные и существенные элементы. Например, М.С. Строговичем и А.А. Старченко при определении следственной версии акцентируется внимание на том, что она является «возможным объяснением». В этом словосочетании интегрируются элементы ядра следственной версии, ее явные и существенные элементы.

Следует отметить, что в «Словаре русского языка» С.И. Ожегова слово «объяснение» ассоциируется со словами «оправдание чего-либо», «разъяснение чего-либо» [15, с. 377]. В научной лексике ему близки по значению термины «обоснование», «аргументация», которые обозначают и формы мысли, и познавательные действия. В логической науке в составе объяснения как познавательного действия выделяется три элемента: 1) то, что надлежит объяснить, 2) совокупность объясняющих положений, 3) «наличие в нем отношения логического следования» (демонстрация) [16, с. 403]. При этом первый элемент объяснения имеет дуальную природу: с одной стороны, речь идет о самом предмете мысли, предмете объяснения, а с другой — о форме мысли, кото-

рая представляет этот предмет и которую предстоит объяснить, сделать ясной.

Таковыми формами мысли являются вопрос или предположение (суждение). Эти формы мысли непосредственно называются А.М. Лариным и С.В. Корнаковой, когда они строят определения следственной версии. Второй элемент объяснения А.М. Лариным называется ответом (суждением), а у С.В. Корнаковой используется понятие «условие». А.М. Ларин учитывает, что вопрос и ответ — соотносительные понятия. В предположительный объясняющий ответ включаются предположение и его основания. В дефиниции, которую дает С.В. Корнакова, опираясь на принцип причинности, выражается диалектика условий (оснований) и следствия (предположения). Очевидно, что причина складывается из совокупности условий, а социальное явление вызывается объективными и субъективными условиями. Следует отметить, что М.С. Строгович в теории состава преступления это учитывает, выделяя в составе преступления объективное и субъективное. Однако С.В. Корнакова, определяя версию, акцентирует внимание только на объективных условиях возникновения предположения. С этим можно согласиться, если иметь в виду, что следователь должен выдвигать предположения непредвзято. Безусловно, следственное предположение является результатом познавательной активности следователя, его умственных и чувственных способностей, опыта, поставленной им следственной задачи. По этой причине следственное предположение, как и любая форма знания, имеет субъективные основания. Необходимо отметить, что дефиниция, предложенная С.В. Корнаковой, не противоречит толкованию следственной версии как возможного объяснения. М.С. Строгович сам связывает объяснение с «процессом выяснения причины явления», с познанием его объективных и субъективных условий [11, с. 304].

Поскольку объяснение как познавательное действие адекватно аргументации, постольку следственную версию можно рассматривать и как возможную аргументацию. Это позволяет выдвижение следственной версии структурно сблизить с ведением дискуссии. В структуру следственной версии и дискуссии включается

три существенных элемента: тезисы (предположения), найденные аргументы (основания) и их логические связки (демонстрации). Среди этих элементов явными элементами версии и дискуссии являются предположения (тезисы) и их основания (аргументы). Они образуют ядро версии и дискуссии.

Например, А.А. Старченко в своих более поздних публикациях по логике представляет версию двумя основными элементами: основаниями предположения (аргументами) и самим предположением (тезисом). Он пишет, что «любая гипотеза имеет исходные данные, или основания, и конечный результат рассуждения — предположение» [17, с. 222]. Однако следственная версия и дискуссия как сложные системы функционируют и развиваются при взаимодействии всех элементов, так как периферийные элементы версии и дискуссии создают предпосылку для возникновения и развития ядра. В связи с этим при построении версии и ведении дискуссии необходимо учитывать все их элементы. Периферийные элементы также существенны, но имеют неявный характер, подразумеваются и принимаются по умолчанию.

Действительно, следственная версия без предмета расследования, догадки, следственных вопросов, логической связи тезиса и аргументов, выведенных следствий (полученных новых данных), верификации, фальсификации и интерпретации существовать и развиваться не может. Элементы следственной версии находятся в системной связи. Каждый элемент следственной версии предполагает существование других ее элементов. Эта системная связь элементов следственной версии позволяет ее определять через периферийные элементы. Они являются существенными элементами версии и взаимосвязаны с элементами ее ядра. Например, в дефиниции, сформулированной А.М. Лариным, используется периферийный элемент версии — следственный вопрос. Все версии являются предположительными ответами на вопросы, которые возникают в ходе расследования. В качестве ответов могут выступать элементы следственной версии, например ее идея (предположение) или какое-то основание. В связи с этим в яв-

ном и строгом определении следственной версии необходимо непосредственно называть ее ядерные элементы. Как требует логика, в явных определениях должны «прямо называться отличительные признаки предмета мысли» [10, с. 63].

Следует отметить, что метод выдвижения версии работает эффективно, если учитываются все ее элементы, причем не только внутренней, но и внешней структуры, если учитываются элементы ее контекста. В контексте следственной версии особую роль играют ареал и проблемное поле. Ареал создает непосредственные предпосылки для формирования данной следственной версии, ее внутренних элементов. Проблемное поле образуют следственные версии, близкие к данной версии, ее элементам. Проблемное поле также обуславливает формирование следственной версии. Очевидно, что элементы внешней и внутренней структуры следственной версии находятся в отношении корреляции. Все элементы внутренней и внешней структуры версии выявляются в должной последовательности, когда анализируется алгоритм ее формирования [9, с. 12].

Представления об алгоритме формирования следственной версии в науке исторически развиваются и углубляются. Следует сравнить три периода в истории решения этой проблемы: первую половину XX века, вторую половину XX века и начало XXI века. В частности, в 40-х годах XX века классик теории уголовного процесса М.С. Строгович в указанном алгоритме выделял пять стадий: 1) «изучение обстоятельств рассматриваемых явлений»; 2) «высказывание предположения относительно того, какая причина могла вызвать это явление»; 3) «выведение из этой предполагаемой причины ее следствий, т.е. определение того, какие следствия получились бы, если бы действовала именно эта причина»; 4) «проверка по обстоятельствам изучаемых явлений, имеется ли налицо это следствие или его нет»; 5) «заключение о том, какова же причина изучаемых явлений» [11, с. 304-305].

В 80-х годах XX века А.А. Старченко, автор многих работ по логике судебного исследования, пишет, что построение версии в судебном исследовании складывается из двух этапов: анализа фактов и син-

теза фактов. Цель анализа — выделить среди множества фактических обстоятельств такие, которые «прямо или косвенно, явно или неявно, близко или отдаленно связаны с преступным событием», а синтез фактов является основной предпосылкой построения версии — «обоснованного предположения о событии преступления» [17, с. 225, 226]. Дальнейшее развитие версии А.А. Старченко связывает с ее проверкой и логическим доказыванием, отмечая при этом, что проверка версии осуществляется в два этапа: 1) дедуктивное выведение из нее следствий и 2) сопоставление их с фактами [17, с. 230], а способ логического доказывания может быть в форме косвенного или прямого доказательства [17, с. 234]. Г.В. Арцишевский стремится показать, что этапы выдвижения и проверки следственных версий дополняют и обуславливают друг друга. Он подчеркивает, что выдвижение следственных версий не только обеспечивает систематизацию и объективный поиск доказательств по делу, но и «содействует правильной оценке всего собранного доказательного материала с точки зрения его достоверности, относимости и полноты» [18, с. 70-71].

Таким образом, в 80-х годах XX века представление об алгоритме формирования следственной версии конкретизируется, при этом сохраняется преемственность в понимании алгоритма и идет процесс его обновления. Например, А.А. Старченко и Г.В. Арцишевский вычленяют новые логические операции, приемы и методы в процессе формирования следственной версии, не учитывая, однако, в своей схеме роли третьей стадии, которую выделяет М.С. Строгович.

М.С. Строгович рассматривает выведение следствий из предположения как особую стадию формирования версии. По мнению ученого, она занимает центральное место в построении версии, так как выражает ее смысл. Следствия, выведенные из предположения, дают новые данные о преступлении. На этой стадии реализуется эвристическое предназначение метода выдвижения версии, которое состоит в отыскании нового доказательного материала о преступлении. А.А. Старченко изменяет этот порядок, включает выведение следствий из пред-

положения в процесс проверки версии. Однако это ограничивает значение метода выдвижения версии. Кроме того, в схеме А.А. Старченко не учитываются все способы получения следствий из предположения. Следствия из предположения (новый доказательный материал) могут быть получены не только дедуктивным методом, как отмечает А.А. Старченко. Для их получения могут быть использованы методы индукции и аналогии.

В XXI веке проблема формирования следственной версии также интересует отечественную криминалистическую и логическую науку. Изучение криминалистической литературы показывает, что некоторые современные исследователи этой проблемы не опираются должным образом на опыт предшественников. Например, В.В. Катькова, раскрывая логику построения следственной версии, выделяет в ней три этапа. При этом на первом этапе анализируются отдельные факты и отношения между ними; на втором этапе осуществляется синтез фактов, их обобщение; на третьем этапе идет выдвижение предположения [19, с. 37]. Данная схема отличается от схем построения версии, предложенных М.С. Строговичем и А.А. Старченко. Она в названии и содержании первого и второго этапа построения следственной версии воспроизводит идею А.А. Старченко о том, что такие логические приемы, как анализ, синтез и обобщение фактов, приводят следователя к выдвижению предположения. В то же время, характеризуя второй этап, В.В. Катькова разъясняет, что «при синтезе фактов происходит рождение обоснованного предположения о событии преступления» [19, с. 38].

А.А. Старченко правомерно связывает выдвижение предположения с синтезом фактов, то есть со вторым этапом. Предположение обобщает собранные факты, объединяет их и представляет. В данном случае возникает вопрос о необходимости выделения В.В. Катьковой в своей схеме третьего этапа — этапа выдвижения предположения. Подобный этап (второй по счету) выделяет в своей схеме М.С. Строгович и называет его высказыванием предположения. А.А. Старченко эту идею М.С. Строговича повторяет. Для того чтобы высказанное предположение приблизилось к

истине, следует продолжить его обоснование, строить умозаключения, согласно М.С. Строговичу, переходить к третьему этапу — выводить следствия из предположения. Если бы В.В. Катькова учла идеи М.С. Строговича, то третий этап построения версии назвала бы точнее. Это завершающий этап построения версии. Он предполагает дальнейшее обоснование предположения, поиск новых аргументов посредством выведения следствий из предположения, а также установление развернутой логической связи аргументов и предположения, демонстрацию версии.

Действительно, построение следственной версии — сложный, нелинейный и хаотичный процесс [10, с. 277]. При погружении в него открываются неявные элементы следственной версии, которые были скрыты за ее явными элементами и обуславливали их существование. Без этих элементов процесс построения следственной версии невозможен. Легализация и признание всех элементов версии оптимизируют ее построение и позволяют следователю исключить ошибки. В частности, при построении следственной версии нельзя не учитывать такие ее неявные, но существенные элементы, как предмет расследования, следственная догадка, следственный вопрос, демонстрация следственной версии. Если углубиться в процесс построения версии, то можно обнаружить, что предположение и аргументы порождаются предметом расследования, догадками и следственными вопросами.

Ранее автором настоящей статьи уже уточнялось представление о неявных и явных элементах следственной версии, поэтому допустимо ограничиться лишь их констатацией*. При построении следствен-

ной версии должна быть учтена последовательность ее элементов. Следовательно необходимо знать, что они располагаются в определенном порядке. Последовательность элементов следственной версии такова: 1) предмет расследования; 2) первичные данные о нем; 3) следственные догадки; 4) следственные вопросы; 5) предположение (тезис); 6) вторичные данные — следствия, полученные из предположения (новый доказательный материал — полученные аргументы); 7) развернутая демонстрация версии (способ установления логической связи аргументов и предположения) [9, с. 12].

В начале XXI века интересное решение проблемы формирования следственной версии предлагает Х.П. Павлов, который создает разветвленный алгоритм формирования следственной версии, выделяя в нем фазы и стадии. Он также стремится учитывать контекст следственной версии (опыт в расследовании аналогичных уголовных дел самого следователя и других следователей). Х.П. Павлов делит алгоритм формирования следственной версии на три фазы, рассматривая первую фазу как предпосылку построения следственной версии, ее пролог. Вторая фаза посвящается самому построению следственной версии. Третья фаза является эпилогом построения следственной версии.

Первая фаза у него складывается из двух стадий: 1) исследования следственной ситуации; 2) анализа и оценки проблемной ситуации и разработки заданий. Основная фаза проходит четыре стадии познавательных действий: 1) анализ и синтез данных по делу, которыми располагает следователь; 2) анализ обобщенного опыта в расследовании аналогичных уголовных дел; 3) анализ личных знаний и опыта в расследовании аналогичных уголовных дел; 4) заключительную стадию, на которой осуществляется: а) логический процесс построения следственной версии и б) процесс конкретизации следственной версии. Заключительная, третья фаза содержит три стадии познавательных действий: 1) получение логических выводов из следственной версии; 2) анализ результатов проверки логических выводов из следственной версии; 3) оценку результатов проверки следственной версии [8, с. 52].

* Алгоритм формирования следственной версии и характеристика ее элементов рассматривались в следующих работах автора: Блажевич Н.В. Алгоритм формирования следственной версии как методологическая проблема // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2021. N 3. С. 6-15; Его же. Логика для следователей: учебник. 2-е изд. Тюмень: Тюменский ин-т повышения квалификации сотрудников МВД России, 2013. С. 277-278; Его же. Логика в следственной практике: учеб. пособие: в 2 ч. Ч. 2. Тюмень: Тюменский юрид. ин-т МВД России, 2003. С. 38-40.

Безусловно, алгоритм формирования следственной версии, построенный Х.П. Павловым, можно усовершенствовать. Он станет более конкретным, если в нем показать место элементов ядра и периферии версии, а также представить познавательные (логические) действия следователя по аналогии с А.А. Старченко. Представляется, что алгоритм формирования следственной версии и принятия когнитивного решения следователем с учетом ее внешней и внутренней структуры складывается из трех фаз и девяти стадий.

В первую фазу — фазу постановки следственных задач включается три стадии: 1) анализ следственной ситуации — выделение предмета расследования и первичных данных о нем (оснований предположения, по А.А. Старченко); 2) выдвижение следственной догадки; 3) постановка следственных вопросов. Во вторую фазу — фазу построения следственной версии — включается три стадии: 1) формулирование идеи-предположения о предмете расследования; 2) сбор нового доказательного материала, вторичных данных (получение следствий из предположения, по М.С. Строговичу); 3) установление логической связи доказательного материала и идеи-предположения, то есть оформление развернутой демонстрации следственной версии. В третью, заключительную фазу, которую, учитывая выполняемые логические операции, можно назвать фазой верификации, фальсификации и интерпретации следственной версии, включается три стадии: 1) получение следствий из версии и их проверка; 2) фальсификация версии; 3) интерпретация следственной версии. При этом следователю необходимо учитывать, что все его познавательные действия обуславливаются ареалом и проблемным полем каждого элемента следственной версии [9, с. 13]. В этом алгоритме формирования следственной версии продуктивнее раскрывается технология применения методов выдвижения версий и ведения дискуссии.

В алгоритм формирования следственной версии вписывается процесс ведения дискуссии участниками следственной группы. Для разработки технологии совместного применения методов выдви-

жения версии и ведения дискуссии в процессе поиска и выбора следственного решения следует кратко охарактеризовать метод ведения дискуссии. Очевидно, что он имеет определенную логику применения в расследовании преступлений. Прежде чем рассматривать логику ведения следственной дискуссии, целесообразно уточнить понятие дискуссии, сравнить дискуссию с версией и обозначить основные элементы ее внутренней и внешней структуры*.

В «Словаре русского языка» С.И. Ожегова дискуссия называется спором, «обсуждением какого-нибудь вопроса» [15, с. 143]. На особенность дискуссии указывает Н.И. Кондаков, подчеркивая, что это «обсуждение компетентными лицами проблемы с целью установления путей ее достоверного решения» [16, с. 155]. А.А. Ивин и А.Л. Никифоров отмечают, что дискуссия «позволяет лучше понять то, что не является в полной мере ясным и не нашло еще убедительного обоснования» [20, с. 91]. Действительно, дискуссия — это идеальная форма принципиального спора [6, с. 22]. Она через разногласие приводит участников спора к согласию и принятию единой позиции. При этом участники дискуссии (оппоненты и пропоненты) не нарушают логических и нравственных принципов и законов, используют лишь позволенные уловки [6, с. 96]. И главное — в дискуссии оппонентами ведется конструктив-

* Понятие дискуссии, характеристика ее элементов и алгоритм ведения дискуссии рассматривались в следующих работах автора: Блажевич Н.В. Дискуссия как способ поиска истины и преодоления заблуждения // Культура и антикультура: истина и заблуждение, красота и благо: монография / науч. ред. Л.Н. Захарова, Л.Н. Шабатура. Тюмень: ТИУ, 2018. С. 22-30; Его же. Проблемная лекция как логическая проблема // Вестник Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России. 2017. N 1. С. 151-157; Его же. Интерактивные формы и методы в гуманитарной подготовке слушателей курсов повышения квалификации // Там же. 2014. Вып. 2. С. 176-184; Его же. Судебная эристика: монография. Тюмень: Тюменский юрид. ин-т МВД России, 2005. С. 9-11; Его же. Универсальная модель учебной дискуссии // Учебная дискуссия: монография / под ред. Н.В. Блажевича. Тюмень: Тюменский юрид. ин-т МВД России, 2004. С. 8-11.

ная критика [6, с. 35]. Достоверное решение любой проблемы может быть найдено тогда, когда диалог перерастает в дискуссию, а дискуссия не превращается в полемику. Решение следственных вопросов не является исключением для дискуссии.

Версии и дискуссии имеют много общих черт. Версия и дискуссия являются методами поиска и проверки истины. У них как методов познания есть общие когнитивные функции. Они описывают, объясняют и предсказывают состояние предмета познания. Они выполняют в познании эвристическую и критическую роль. Но у версии и дискуссии есть и отличия. У версии как метода приоритетом является эвристическая функция, а у дискуссии — критическая функция. По этой причине признаком дискуссии является наличие конструктивной критики. Чаще спорят ради проверки истины. Далее, версия является формой знания, а дискуссия — формой познания. Наконец, дискуссия является формой общения. Как форма общения дискуссия выполняет ряд функций (информативную, интегративную, интерактивную, нормативно-регулятивную и т.п.). Версия же в процессе общения является информацией, которая может обсуждаться. В процессе дискуссии версия или ее элементы подвергаются конструктивной критике с целью установления их достоверности и развития. Следственная дискуссия, включенная в процесс принятия следственного решения, реализует все функции дискуссии.

У следственной версии и дискуссии есть общее и различное во внутренней и внешней структуре. Прежде всего, у них есть сходство в существенных и явных компонентах. Разногласия (наличие разных мнений, тезисов) и аргументы каждой стороны являются существенными и явными компонентами следственной дискуссии. Они составляют ядро следственной дискуссии, которое номинально и содержательно совпадает с ядром следственной версии. Только в структуру следственной версии входит одно предположение (тезис) и аргументы к нему, а в следственной дискуссии рассматривается не менее двух тезисов. В следственной дискуссии можно установить пять неявных элементов, подобных элементам версии, но существен-

ных для развития и функционирования дискуссии: предмет дискуссии, первичные данные о предмете дискуссии, дискуссионные догадки, дискуссионный вопрос и принятый участниками дискуссии ответ. Предметом следственной дискуссии могут быть первичные или вторичные данные о предмете расследования (основания версии), предположения или демонстрация любой следственной версии по данному делу.

Кроме названных элементов в алгоритм ведения следственной дискуссии включается мыслительная активность участников следственной группы. В процессе ведения дискуссии она проявляется в шести формах: 1) стремление участников следственной группы оправдать, доказать свои мысли о фактах и предположениях; 2) стремление опровергнуть альтернативное мнение; 3) стремление к осведомлению, вопрошанию, взаимному обмену мыслями, взаимопониманию; 4) стремление к верификации промежуточных и конечных результатов поиска ответа; 5) стремление к фальсификации промежуточных и конечных результатов поиска ответа; 6) стремление интерпретировать промежуточные и конечные результаты поиска ответа на спорный следственный вопрос. Стремление спорящих сторон доказать свои мысли, предположения и опровергнуть мнения противных сторон (аргументация) относится к ядру следственной дискуссии, а стремление к осведомлению, верификации, фальсификации и интерпретации промежуточных и конечных результатов поиска ответа на спорный следственный вопрос относится к периферии следственной дискуссии.

Если упорядочить элементы дискуссии и мыслительные действия участников следственной группы, то алгоритм ведения ими дискуссии составят восемь шагов: 1) определение предмета следственной дискуссии (сомнение в использованных аргументах или предположении); 2) возникновение следственных догадок о противоречии в предмете дискуссии; 3) формулирование спорного следственного вопроса; 4) установление пунктов разногласия (тезисов); 5) осведомление; 6) аргументация участников следственной группы (доказывание или опровержение);

7) верификация и фальсификация промежуточных и конечных результатов поиска ответа на спорный следственный вопрос; 8) интерпретация результатов следственной дискуссии. Все эти мыслительные действия вписываются в алгоритм формирования следственной версии, в алгоритм принятия следственного когнитивного решения.

Таким образом, системный подход к анализу применения методов выдвижения версий и ведения дискуссии в процессе поиска, выбора и проверки следственного решения позволяет сформулировать следующие положения:

1. Методология принятия решений следователем реализуется как в явном, дискурсивном виде, так и неявно, интуитивно. В проблемных нестандартных ситуациях следователь сознательно обращается к методологии принятия решений, поскольку это повышает эффективность его деятельности. В процессе принятия когнитивных решений следователем используется богатый арсенал логических и эвристических приемов и методов. При этом основу данного инструментария составляют методы выдвижения следственной версии и ведения следственной дискуссии.

2. Согласованное применение методов выдвижения версий и ведения дискуссии повышает эффективность принятия следователем решений. Применение метода ведения следственной дискуссии позволяет внести уточнения в существующие технологии принятия следственных когнитивных решений. Организованное применение метода ведения дискуссии способствует развитию самого метода выдвижения следственной версии и в целом ведет к рационализации процесса принятия следственных решений.

3. В процессе принятия решений следователем выдвигаются разные следственные версии и следственные дискуссии. Формируются общие и частные версии, соответственно, ведутся общие и частные следственные дискуссии. В общей версии содержится когнитивное предположительное решение о наличии события преступления и о виновных лицах. Общая следственная дискуссия вызывается поиском оптимальной общей версии. Частные следственные версии направлены на поиск

недостающей необходимой информации для квалификации преступления и установления виновности подозреваемого лица. Частные следственные версии сопровождаются частными дискуссиями.

4. Метод ведения следственной дискуссии предназначен для проверки и поиска истинных суждений о предмете расследования. Метод дискуссии эффективен на всех этапах процесса принятия следственных решений, особенно при разрешении проблемных следственных ситуаций. Как форма общения дискуссия в процессе принятия следственного решения выполняет информативную, интегративную, интерактивную, нормативно-регулятивную функции. В процессе дискуссии версия или ее элементы подвергаются конструктивной критике с целью установления их достоверности и развития. Следователь должен обращать внимание не только на сущность и функции методов выдвижения версий и ведения дискуссии, но и на технологию и логическую правильность их применения в процессе принятия решений.

5. При системном анализе в структуре следственной версии и дискуссии выделяются ядро и периферия. Ядро составляют элементы, которые интегрируют периферийные элементы. Наличие разных мнений (тезисов) и аргументов у сторон образует ядро дискуссии. Оно номинально и содержательно совпадает с ядром следственной версии. Только в структуру следственной версии входит одно предположение (тезис) и аргументы к нему. В следственной дискуссии можно установить пять неявных элементов, подобных элементам версии, но существенных для развития и функционирования дискуссии: предмет дискуссии, первичные данные о предмете дискуссии, дискуссионные догадки, дискуссионный вопрос и принятый участниками дискуссии ответ. В качестве предмета следственной дискуссии могут быть первичные или вторичные данные о предмете расследования (основания версии), предположения или демонстрация любой следственной версии по данному делу.

6. Элементы внутренней структуры следственной версии и дискуссии находятся в отношении корреляции с элементами их внешней структуры. Контекст складывается из ареала версии, дискуссии и их

проблемного поля. В ареал включаются те следственные догадки, идеи-предположения, версии и дискуссии, из которых выводятся данная версия и дискуссия (их можно назвать преддогадками, предыдеями и предверсиями), а также следственные догадки, идеи и версии, которые возникают на основе данной версии и дискуссии (эпидогадки, эпидеи и эпиверсии). Проблемное поле образуют близкие к данным следственным догадкам, идеям, версиям и дискуссиям накопившиеся следственные догадки, идеи, версии и дискуссии. В ареал и проблемное поле включаются сходные по другим следственным делам предметы расследования, вопросы, аргументы, демонстрации, следствия версий и их интерпретации.

7. Алгоритм формирования следственной версии и принятия когнитивного решения следователем с учетом ее внешней и внутренней структуры складывается из трех фаз и девяти стадий. В первую фазу — фазу постановки следственных задач

— включается три стадии: 1) анализ следственной ситуации — выделение предмета расследования и первичных данных о нем; 2) выдвижение следственной догадки; 3) постановка следственных вопросов. Во вторую фазу — фазу построения следственной версии — включается три стадии: 1) формулирование идеи-предположения о предмете расследования; 2) сбор нового доказательного материала, вторичных данных; 3) установление логической связи доказательного материала и идеи-предположения, то есть оформление развернутой демонстрации следственной версии. В третью, заключительную фазу, включается три стадии: 1) верификация версии; 2) фальсификация версии; 3) интерпретация версии. Все познавательные действия обуславливаются ареалом и проблемным полем следственной версии. Каждая стадия сопровождается дискуссией. Предложенные алгоритмы формирования версии и ведения дискуссии имеют циклический и универсальный характер.

Список источников

1. Драпкин Л.Я., Шуклин А.Е. Принятие оперативно-розыскных и следственных решений в ситуациях информационной неопределенности, конфликта и риска // Российский юридический журнал. 2006. N 3. С. 89-97.
2. Шуклин А.Е. Особенности принятия информационных и тактических решений в сложных следственных ситуациях: автореферат дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Екатеринбург, 2012. 27 с.
3. Молдавский М.В., Клинов А.В. Логика принятия решений оперативным сотрудником // Профессиональное юридическое образование и наука. 2023. N 1. С. 74-77.
4. Жарасов А.С. Проблемы совершенствования управления органами внутренних дел в ходе проведения специальных операций // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. 2019. N 1. С. 230-233.
5. Гриненко А.В., Дударев В.А., Маевский С.С. Криминалистика: учебник / под ред. А.В. Гриненко. Москва: Проспект, 2024. 432 с.
6. Блажевич Н.В., Селиванов Ф.А. Эристика: курс лекций. Тюмень: Тюменский юрид. ин-т МВД России, 1999. 224 с.
7. Юридический энциклопедический словарь / гл. ред. А.Я. Сухарев. Москва: Сов. энц., 1984. 415 с.
8. Павлов Х.П. Логические выводы из следственных версий // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2012. N 4. С. 48-58.
9. Блажевич Н.В. Алгоритм формирования следственной версии как методологическая проблема // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2021. N 3. С. 6-15.
10. Блажевич Н.В. Логика для следователей: учебник. 2-е изд. Тюмень: Тюменский ин-т повышения квалификации сотрудников МВД России, 2013. 317 с.
11. Строгович М.С. Логика. Москва: Госполитиздат, 1949. 364 с.
12. Логика: учебник / В.И. Кириллов, П.Г. Зыков, А.А. Старченко, Ю.Д. Чураков. Москва: Высшая школа, 1964. 208 с.
13. Ларин А.М. От следственной версии к истине. Москва: Юрид. лит., 1976. 197 с.
14. Корнакова С.В. Логика уголовно-процессуального доказывания // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2014. N 2. С. 101-106.
15. Ожегов С.И. Словарь русского языка. Москва: Рус. яз., 1986. 797 с.
16. Кондаков Н.И. Логический словарь-справочник. Москва: Наука, 1976. 720 с.
17. Кириллов В.И., Старченко А.А. Логика: учебник. Москва: Высшая школа, 1987. 271 с.
18. Арцишевский Г.В. Выдвижение и проверка следственных версий. Москва: Юрид. лит., 1978. 104 с.

19. Катькова В.В. Логика построения версии в процессе расследования преступлений в местах лишения свободы: теоретический аспект // Вестник Саратовского юридического института. 2011. N 1. С. 35-40.

20. Ивин А.А., Никифоров А.Л. Словарь по логике. Москва: ВЛАДОС, 1997. 384 с.

References

1. Drapkin L.Ya., Shuklin A.E. Making operational-search and investigative decisions in situations of information uncertainty, conflict and risk. Russian Law Journal, 2006, no. 3, pp. 89-97. (In Russ.).
2. Shuklin A.E. Features of making information and tactical decisions in complex investigative situations. Autoabstract Cand. Diss. Yekaterinburg, 2012. 27 p. (In Russ.).
3. Moldavskiy M.V., Klinov A.V. Logic of decision-making by an operational officer. Professional legal education and science, 2023, no. 1, pp. 74-77. (In Russ.).
4. Zharasov A.S. Problems of improving the management of internal affairs bodies during special operations. Bulletin of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus, 2019, no. 1, pp. 230-233. (In Russ.).
5. Grinenko A.V., Dudarev V.A., Maevskiy S.S. Forensic Science. Moscow, Prospect Publ., 2024. 432 p. (In Russ.).
6. Blazhevich N.V., Selivanov F.A. Eristics. Tyumen, Tyumen Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 1999. 224 p. (In Russ.).
7. Legal Encyclopedic Dictionary. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1984. 415 p. (In Russ.).
8. Pavlov Kh.P. Logical Conclusions from Investigative Versions. Bulletin of the Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation, 2012, no. 4, pp. 48-58. (In Russ.).
9. Blazhevich N.V. Algorithm for Forming an Investigative Version as a Methodological Problem. Legal Science and Law Enforcement Practice, 2021, no. 3, pp. 6-15. (In Russ.).
10. Blazhevich N.V. Logic for investigators. Tyumen, Tyumen Advanced Training Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, 2013. 317 p. (In Russ.).
11. Strogovich M.S. Logic. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1949. 364 p. (In Russ.).
12. Kirillov V.I., Zykov P.G., Starchenko A.A., Churakov Yu.D. Logic. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1964. 208 p. (In Russ.).
13. Larin A.M. From the investigative version to the truth. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1976. 197 p. (In Russ.).
14. Kornakova S.V. Logic of Criminal Procedure Proof. Legal Science and Law Enforcement Practice, 2014, no. 2, pp. 101-106. (In Russ.).
15. Ozhegov S.I. Dictionary of the Russian language. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 1986. 797 p. (In Russ.).
16. Kondakov N.I. Logical dictionary-reference book. Moscow, Nauka Publ., 1976. 720 p. (In Russ.).
17. Kirillov V.I., Starchenko A.A. Logic. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1987. 271 p. (In Russ.).
18. Artsishevskiy G.V. Putting forward and checking investigative versions. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1978. 104 p. (In Russ.).
19. Kat'kova V.V. Logic of constructing a version in the process of investigating crimes in places of deprivation of liberty: theoretical aspect. Bulletin of the Saratov Law Institute, 2011, no. 1, pp. 35-40. (In Russ.).
20. Ivin A.A., Nikiforov A.L. Dictionary of logic. Moscow, VLADOS Publ., 1997. 384 p. (In Russ.).

Научная специальность: 5.1.1

Суверенитет как признак государства (закрепление в Конституции Российской Федерации)

Елена Викторовна Карнаухова,

кандидат юридических наук, Тюменский институт повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации, Тюмень, Россия, ev26k@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению суверенитета как одного из основных признаков государства. С этой целью осуществлено изучение точек зрения теоретиков государства и права, а также проведен контент-анализ Конституции Российской Федерации. Констатируется реальность изучаемого признака для российского государства. Делается вывод о том, что основные положения концепции суверенитета государства о таких его характеристиках, как верховенство, независимость, единство, неотчуждаемость, нашли отражение в конституционных нормах. Отмечается, что изменения, одобренные в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. и внесенные в Конституцию Российской Федерации, направлены и на усиление суверенитета страны.

Ключевые слова: суверенитет государства, признак государства, верховенство государства, независимость государства, единство государственной власти, неотчуждаемость суверенитета, Конституция Российской Федерации

Для цитирования: Карнаухова Е.В. Суверенитет как признак государства (закрепление в Конституции Российской Федерации) // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2025. N 1 (71). С. 19-27.

Sovereignty as a feature of the state (enshrining in the Constitution of the Russian Federation)

Elena V. Karnaukhova,

Candidate of Legal Sciences, Tyumen Advanced Training Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Tyumen, Russia, ev26k@yandex.ru

Abstract. The article focuses on the sovereignty as one of the main features of the state. To this end, different viewpoints of theorists of state and law are studied, as well as a content analysis of the Constitution of the Russian Federation is carried out. The reality of the studied feature for the Russian state is ascertained. It is concluded that the main provisions of the state sovereignty concept on such state's characteristics as supremacy, independence, unity, inalienability are reflected in the constitutional norms. It is noted that the amendments, approved during the all-Russian voting on July 1, 2020 and introduced into the Constitution of the Russian Federation, are also aimed at strengthening the state sovereignty.

Keywords: state sovereignty, feature of the state, supremacy of the state, independence of the state, unity of state power, inalienability of sovereignty, Constitution of the Russian Federation

For citation: Karnaukhova E.V. Sovereignty as a feature of the state (enshrining in the Constitution of the Russian Federation) // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2025. No. 1 (71). P. 19-27.

В отечественной теории государства и права существует множество дефиниций государства. Исследователями выделяется разное количество признаков, характеризующих данное понятие. Ряд определений включает такой основной признак государства, как его суверенитет [1, с. 44; 2, с. 90; 3, с. 28, 4, с. 43]. При этом сложно

не согласиться с В.Н. Жуковым в том, что «суверенитет не является неотъемлемым свойством государства, были и есть не-суверенные или полусуверенные государства» [5, с. 20].

Суверенитет взаимосвязан с другими признаками государства, например такими, как аппарат публичной власти, терри-

тория и население. В частности, суверенитет распространяется на всю территорию государства, а сокращение численности населения «...создает реальную угрозу территориальной целостности государства» [6, с. 391] и, следовательно, его суверенитету. Суверенитет государства традиционно соотносится с государственной властью и рассматривается как ее верховенство внутри страны и независимость в международных отношениях*. На протяжении всей истории государственно организованного человечества проблема суверенитета государственной власти сохраняет свою актуальность.

Утверждается, что «суверенитет как политический и правовой феномен может рассматриваться в трех аспектах: 1) как идея, то есть некий умопостигаемый образ, взятый в его потенциально имманентной цели и возможностей существования; 2) реально существующее явление, взятое в его историческом развитии; 3) юридическая конструкция, правовая форма закрепления, реально или идеально отображенная в конституционно-правовых нормах того или другого государства» [9, с. 37].

Первые два аспекта суверенитета государства разрабатываются отечественными и зарубежными учеными на протяжении длительного времени (основоположником концепции считается французский мыслитель, юрист и политический деятель XVI века Ж. Боден). Менее изучен третий аспект анализируемого феномена применительно к Российской Федерации. Источниками конституционно-правовых норм является ряд нормативных правовых актов федерального, регионального, муниципального уровня, а также общепризнанные нормы и принципы международного права, международные договоры Российской Федерации.

В рамках одной статьи рассмотрение всех обозначенных положений не пред-

ставляется возможным. Конституция государства определяет его государственно-политическую сферу в наиболее «концентрированном» виде, в том числе то, каким образом вопросы наличия и сохранения суверенитета закрепляются нормами Конституции Российской Федерации** (далее – Конституция РФ).

Исследователями отмечаются неоднократные попытки на протяжении последних десятилетий заявить и обосновать позицию об исчезновении, отрицании, трансформации суверенитета государства [см. об этом: 8, с. 23-25; 10, с. 53; 11, с. 195-197; 12, с. 63, 65]. Однако одной из основных черт конституции является реальность, то есть соответствие ее положений действительности, а к юридическим свойствам конституции отнесены ее прямое действие, высшая юридическая сила, учредительный характер.

Соответственно, анализ положений Конституции РФ позволит сделать вывод не только о степени отражения в них выработанных доктриной ключевых характеристик суверенитета государства, таких как верховенство, независимость, единство, неотчуждаемость, но и о реальности суверенитета Российской Федерации.

Важно отметить, что в Преамбуле Конституции РФ в качестве одной из исторических предпосылок и цели принятия последней названо возрождение суверенной государственности России. Из этих слов даже для человека, не знающего о событиях, происходивших до 12 декабря 1993 г., становится очевидным, что суверенитет российского государства как минимум подвергался негативному воздействию.

1. **Верховенство** как характеристика суверенитета государственной власти (то есть главенство, преобладание) предполагает следующее:

1) государственная власть распространяется на всю территорию и население страны, ей подчинены все остальные

* Слово «суверенитет» происходит от французского *souverainete* – верховная власть, английского *sovereignty*, немецкого *Souveranitat* и означает верховенство и независимость власти [7, с. 431]. Следует, однако, отметить, что некоторыми учеными высказывается точка зрения, согласно которой суверенитет – это «качественная категория и основополагающий признак государства (но не государственной власти)» [8, с. 63].

** Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г., с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Рос. газ. 1993. 25 дек.; Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

власти. По словам Н.И. Грачева, «...в пределах территории одного и того же государства не может существовать власти, стоящей выше ее» [9, с. 43].

В Российской Федерации закреплена республиканская форма правления (ч. 1 ст. 1 Конституции РФ), которая предполагает, что высшие органы государственной власти избираются или назначаются на определенный срок, а также различаются по сферам деятельности (ст. 10 Конституции РФ). Перечень субъектов, осуществляющих в Российской Федерации государственную власть, определен в ст. 11 Конституции РФ:

а) Президент Российской Федерации (далее – Президент РФ), являющийся главой государства (ч. 1 ст. 80 Конституции РФ);

б) Федеральное Собрание Российской Федерации (далее – Федеральное Собрание РФ), являющееся представительным и законодательным органом Российской Федерации (ст. 94 Конституции РФ);

в) Правительство Российской Федерации (далее – Правительство РФ), осуществляющее исполнительную власть под общим руководством Президента РФ (ч. 1 ст. 110 Конституции РФ);

г) суды Российской Федерации. Высшие судебные органы – Конституционный Суд Российской Федерации (далее – Конституционный Суд РФ) и Верховный Суд Российской Федерации (далее – Верховный Суд РФ) (ст.ст. 118, 125, 126 Конституции РФ);

2) государственной власти принадлежит монополия на законотворчество. В Российской Федерации, провозглашенной правовым государством, государственно-властные полномочия реализуются на основе права, главным источником которого являются нормативные правовые акты. Среди последних высшей юридической силой обладают законы. Конституция РФ и федеральные законы имеют верховенство на всей территории страны (ч. 2 ст. 4 Конституции РФ). Принятие и изменение, а также контроль за их соблюдением находятся в ведении Российской Федерации (п. «а» ст. 71 Конституции РФ), а законодательным органом Российской Федерации, как уже отмечалось, является Федеральное Собрание РФ.

При этом в перечень субъектов законодательной инициативы, за исключением законодательных (представительных) органов субъектов Российской Федерации, входят только высшие органы государственной власти и их представители (сенаторы, депутаты Государственной Думы РФ) (ч. 1 ст. 104 Конституции РФ). По предметам ведения Российской Федерации (ст. 71 Конституции РФ) принимаются федеральные конституционные законы и федеральные законы, имеющие прямое действие на всей территории страны. Кроме того, нормативные правовые акты, принимаемые Президентом РФ (указы и распоряжения), обязательны для исполнения на всей территории Российской Федерации (ч. 2 ст. 90 Конституции РФ), как и нормативные правовые акты Правительства РФ (постановления и распоряжения) (ч. 2 ст. 115 Конституции РФ).

В.Н. Жуков, раскрывая данную характеристику, пишет о надзаконности суверенной государственной власти, которая «...предполагает ее способность самостоятельно устанавливать, изменять и отменять законы... Любая власть (даже в правовом государстве) руководствуется не принципом законности, а целесообразностью. Если государственная власть считает возможным и необходимым нарушить собственные законы, она это делает, и в этом тоже выражается ее суверенитет» [5, с. 21].

Применительно к современному российскому государству первая часть приведенной цитаты сомнений не вызывает. Законодательство не только «оформляет» порядок регулирования фактически сложившихся общественных отношений, но и предвещает их появление или развитие. Конституцией РФ предусмотрены ограничения полномочий главы государства и высших органов государственной власти, а также их ответственность. Например, согласно ч. 3 ст. 90 Конституции РФ указы и распоряжения Президента РФ не должны противоречить Конституции РФ и федеральным законам, а ст. 93 Конституции РФ предусматривает процедуру отрешения главы государства от должности в случае совершения им государственной измены или иного тяжкого преступления;

3) суверенная государственная власть самостоятельно формирует свои органы и определяет их компетенцию.

Положения, связанные с данной характеристикой суверенитета государственной власти, также содержатся в Конституции РФ. Прежде всего следует назвать п. «г» ст. 71, согласно которому в ведении Российской Федерации находятся организация публичной власти; установление системы федеральных органов законодательной, исполнительной и судебной власти, порядка их организации и деятельности, формирования федеральных органов государственной власти.

Данное положение конкретизируется в других статьях Конституции РФ. В частности, Президент РФ по предложению Председателя Правительства РФ утверждает структуру федеральных органов государственной власти, вносит в нее изменения (п. «б.1» ст. 83 Конституции РФ), «формирует Государственный Совет Российской Федерации в целях обеспечения согласованного функционирования и взаимодействия органов публичной власти» (п. «е.5» ст. 83), «формирует Совет Безопасности Российской Федерации» (п. «ж» ст. 83);

4) наличие у государственной власти таких средств воздействия, которыми не обладает никакая другая власть. В трактовке В.Н. Жукова данная характеристика означает наличие у государства монополии на насилие [5, с. 21]. Однако более точная формулировка предложена Л.А. Морозовой: «Государство располагает такими средствами воздействия, охраны и защиты, которыми не обладает никакая другая власть: армия, полиция, тюрьмы, внутренние войска и др.» [10, с. 58].

О том, что суверенитет государственной власти в Российской Федерации обеспечен системой указанных средств, косвенно свидетельствует ряд норм Конституции РФ:

а) нормы, составляющие так называемые основы судопроизводства (ст.ст. 20, 22, 45-54);

б) положение о полномочии Президента РФ назначать на должность и освобождать от должности «руководителей федеральных органов исполнительной власти (включая федеральных министров), ведающих вопросами обороны, безопасности государства, внутренних дел, юстиции, общественной безопасности» (п. «д.1» ст. 83);

в) положение о полномочиях Правительства РФ относительно осуществления мер по обеспечению обороны страны и государственной безопасности, законности, прав и свобод граждан, охране собственности и общественного порядка, борьбе с преступностью (пп. «д», «е» ч. 1 ст. 114);

г) положения о помиловании, осуществляемом Президентом РФ (п. «в» ст. 89), и амнистии, объявляемой Государственной Думой РФ (п. «ж» ч. 1 ст. 103), и др.

2. **Независимость**, по образному выражению Н.И. Грачева, — это «визитная карточка государства» в международных отношениях. «"Внешний" суверенитет может относиться только к государству как целому и ни в коем случае к его отдельным частям или уровням власти. Он, по сути, равнозначен здесь понятию государства, поскольку в международном праве оно мыслимо только как суверенное» [9, с. 66].

Данная характеристика предполагает, что государство, во-первых, не допускает какого-либо вмешательства извне в свои внутренние дела, во-вторых, оно самостоятельно, руководствуясь собственными экономическими, политическими, иными интересами, соблюдая нормы международного права, строит отношения с другими государствами и международными организациями.

В научной литературе суверенитет государства называется «средством оппортирования» процессам глобализации [13, с. 16], главной силой сопротивления созданию мирового сетевого гегемона. Такие государства стремятся к укреплению своего суверенитета и международно-правового веса, отражая изоощренные нападки и атаки любых коалиций [11, с. 198]. Следует также согласиться с точкой зрения Е.В. Виноградовой о том, что Россия на протяжении многих лет противостоит «...агрессивной трансформации принципов и норм международного права в формате срочного изменения процедур оценок постфактум, толкования, принятия решений, отличающихся от признанных ранее, что можно рассматривать как посягательство на правосубъектность государства» [14, с. 43].

Вопросам независимости государства посвящен ряд конституционных норм. Многие из них были введены в Конституцию РФ или представлены в новой ре-

дакции по результатам общероссийского голосования, проводившегося с 25 июня по 1 июля 2020 г.

Российская Федерация провозглашена правопреемником (правопродолжателем) СССР в отношении членства в международных организациях, их органах, участия в международных договорах, а также в отношении предусмотренных международными договорами обязательств и активов СССР за пределами территории Российской Федерации (ч. 1 ст. 67.1 Конституции РФ).

В частности, СССР был членом ООН с 24 октября 1945 г. «В письме от 24 декабря 1991 г. Президент РФ Б.Н. Ельцин проинформировал Генерального секретаря о том, что членство Советского Союза в Совете Безопасности и всех других органах Организации Объединенных Наций будет продолжено Российской Федерацией при поддержке 11 стран — членов Содружества Независимых Государств»*. С 8 декабря 1991 г., дня создания СНГ, Российская Федерация состоит в этой региональной межгосударственной организации. С момента фактического основания в июне 2006 г. БРИКС (до 2011 г. — БРИК) российское государство активно участвует в деятельности данного содружества государств. Российская Федерация была членом Совета Европы. После прекращения членства Российской Федерации в Совете Европы, которое продолжалось с 26 февраля 1996 г. по 16 марта 2022 г., ряд международных договоров в отношении ее прекратил действие**.

Исследователями отмечается, что независимость и, соответственно, суверенитет государства ограничиваются международными договорами, в которых оно участвует [5, с. 22; 10, с. 58; 12, с. 61]. Вместе с тем необходимо учитывать, что любой договор предполагает наличие как прав, так и обязанностей сторон. Важна добровольность заключения договора государ-

ством, отсутствие давления на него извне, фактическое равноправие участников договора, соответствие целей организации интересам государства.

В Конституции РФ общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры Российской Федерации признаются составной частью правовой системы государства. При этом предусмотрен приоритет правил международных договоров Российской Федерации, если ими устанавливаются иные правила, чем предусмотренные законом (ч. 4 ст. 15). Данная норма относится к положениям, составляющим основы конституционного строя, и может быть изменена только посредством принятия новой конституции, проект которой разрабатывается Конституционным Собранием***. В связи с этим в 2020 году была изменена редакция ст. 79 Конституции РФ, расположенной в главе 3 «Федеративное устройство».

Таким образом, участие Российской Федерации в межгосударственных объединениях и передача им части своих полномочий в соответствии с международными договорами возможны при условии, что это не влечет ограничения прав и свобод человека и гражданина, не противоречит основам конституционного строя Российской Федерации. Кроме того, если решения межгосударственных организаций приняты на основании положений международных договоров Российской Федерации в истолковании, противоречащем Конституции РФ, то они не подлежат исполнению в Российской Федерации****. При этом не соответствующие Конституции РФ международные договоры Российской Федерации не могут быть введены в действие (ч. 6 ст. 125).

*** В настоящее время это невозможно в силу отсутствия федерального конституционного закона о Конституционном Собрании (см.: О Конституционном Собрании Российской Федерации: законопроект N 630585-8 // Система обеспечения законодательной деятельности: официальный сайт. URL: <http://sozd.duma.gov.ru>. Проект закона зарегистрирован 22 мая 2024 г., в настоящее время имеет статус «на рассмотрении»).

**** См. также п. «б» ч. 5.1 ст. 125 Конституции РФ.

* ООН: официальный сайт. URL: <http://un.org>

** О прекращении действия в отношении Российской Федерации международных договоров Совета Европы: федер. закон от 28 февр. 2023 г. N 43-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

На обеспечение независимости российского государства направлен и ряд иных конституционных норм, например:

- о распространении суверенитета Российской Федерации на всю ее территорию и обеспечении целостности и неприкосновенности данной территории (чч. 1 и 3 ст. 4, ч. 2.1 ст. 67);

- суверенных правах и осуществлении юрисдикции на континентальном шельфе и в исключительной экономической зоне Российской Федерации (ч. 2 ст. 67);

- об отнесении к ведению Российской Федерации внешней политики и международных отношений, международных договоров Российской Федерации, вопросов войны и мира, обороны и безопасности, внешнеэкономических отношений Российской Федерации (чч. «к», «л», «м» ст. 71);

- о принятии мер по поддержанию и укреплению международного мира и безопасности, обеспечению мирного сосуществования государств и народов, недопущению вмешательства во внутренние дела государства (ст. 79.1 Конституции РФ);

- принятии Президентом РФ мер по охране суверенитета Российской Федерации, ее независимости и государственной целостности (ч. 2 ст. 80, ч. 1 ст. 82),

- полномочиях в международных отношениях главы государства (ст. 86), Правительства РФ (п. «д» ч. 1 ст. 114);

- полномочии Совета Федерации на утверждение указа Президента РФ о введении военного положения и решении вопроса о возможности использования Вооруженных Сил РФ за пределами ее территории (пп. «б», «г» ч. 1 ст. 102) и др.

Таким образом, уже в первоначальной редакции Конституции РФ содержались нормы, направленные на защиту суверенитета государства. В условиях осложнения международной обстановки, конституционные средства защиты независимости государства были усилены.

3. Верховенство и независимость государственной власти неразрывно связаны с ее **единством**, под которым понимается то, что «суверенитет не может быть ни полностью, ни частично передан субъектам политико-правовых отношений, по-

делен между ними. Он принадлежит исключительно одному субъекту — государству» [10, с. 58], в том числе имеющему федеративную форму территориального устройства.

Норма о неделимости суверенитета в Российской Федерации закреплена в ч. 1 ст. 4, ч. 3 ст. 5 Конституции РФ. При этом обеспечивается верховенство Конституции РФ и федеральных законов на всей территории страны (ч. 2 ст. 4 Конституции РФ).

Провозглашается равноправие субъектов Российской Федерации во взаимоотношениях с федеральными органами государственной власти и между собой (ч. 4 ст. 5, ч. 2 ст. 72 Конституции РФ), несмотря на то, что республика как разновидность субъектов федерации имеет второе название, заключенное в скобки, — государство (ч. 2 ст. 5 Конституции РФ). В отличие от других субъектов Российской Федерации, принимающих уставы, республики имеют свои конституции (ч. 2 ст. 5 Конституции РФ), а также вправе устанавливать свои государственные языки, которые наравне с русским языком употребляются в органах государственной власти, органах местного самоуправления, государственных учреждениях в пределах территорий данных республик (ч. 2 ст. 68 Конституции РФ). Таким образом, суверенитет отдельных субъектов Российской Федерации не предусматривается, он един, принадлежит государству в целом.

Несколько отступая от темы, следует отметить, что, например, ч. 1 ст. 1 Конституции Республики Татарстан от 6 ноября 1992 г. провозглашала суверенитет Татарстана, который выражался «...в обладании всей полнотой государственной власти (законодательной, исполнительной и судебной) вне пределов ведения Российской Федерации и полномочий Российской Федерации и Республики Татарстан» и объявлялся «неотъемлемым качественным состоянием Республики Татарстан». Кроме того, признавалась высшая юридическая сила Республики Татарстан в правовой системе республики (ч. 1 ст. 24 Конституции Республики Татарстан). Лишь 26 января 2023 г. Законом Республики Татарстан была закреплена новая редакция

ст. 1 Конституции Республики Татарстан, в которой слова о суверенитете республики отсутствуют*.

Кроме того, указанным законом наименование высшего должностного лица (Президент Республики Татарстан) было изменено на Главу (Раиса) Республики Татарстан. Главы всех субъектов Российской Федерации называются высшими должностными лицами**.

Наиболее значимые вопросы жизнедеятельности государства отнесены к ведению Российской Федерации, а следовательно, решения по ним принимаются высшими органами государственной власти (18 пунктов ст. 71 Конституции РФ). Ряд вопросов отнесен к совместному ведению Российской Федерации и ее субъектов, то есть высшие органы государственной власти принимают непосредственное участие в их решении (15 пунктов ст. 72 Конституции РФ). И лишь по вопросам, не относящимся к первым двум категориям, субъекты Российской Федерации «обладают всей полнотой государственной власти» (ст. 73 Конституции РФ).

По мнению В.Н. Жукова, «...верховенство государственной власти и ее независимость в международных отношениях предполагает некое единое целое (лицо, орган), от которого исходит власть. Источник власти должен быть один, в противном случае государство разваливается и перестает существовать» [5, с. 22]. Последнее предложение сомнений не вызывает. Конституцией РФ закреплено, что единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ (ч. 1 ст. 3), осуществляющий свою власть непосредственно, а также через

органы государственной власти и органы местного самоуправления (последние в систему органов государственной власти не входят). Однако «единое целое (лицо или орган)», скорее, характеризует антидемократический политический режим.

Следует отметить закрепление в Конституции РФ норм, соответствующих доктринальным положениям о разграничении полномочий трех ветвей власти и системе сдержек и противовесов, обеспечивающей взаимоконтроль и взаимодействие высших органов власти. Главой российского государства, как уже отмечалось, является Президент РФ, который, в частности, принимает меры по охране суверенитета Российской Федерации, ее независимости и государственной целостности... обеспечивает согласованное функционирование и взаимодействие органов, входящих в единую систему публичной власти. При этом Президент РФ не относится ни к одной из трех ветвей власти (ч. 1 ст. 11 Конституции РФ), а лишь реализует определенные Конституцией РФ полномочия в исполнительной и законодательной сфере, в сфере судебной власти.

Важной для характеристики единства суверенитета государственной власти представляется точка зрения В.И. Червонюка и М.И. Каракулько: «Власти должны быть не только разделены, но и действовать солидарно, согласованно; власти должны выступать не конкурентами, а партнерами... Власти разделены, а значит, у каждой есть свой "возделываемый участок", за положение дел на котором она ответственна. Принцип разделения властей, таким образом, соединяется с ответственностью властных структур за качество и результативность осуществляемых ими дел» [15, с. 28].

Как представляется, солидарность, согласованность деятельности разных ветвей государственной власти обеспечивает единство ее суверенитета. В качестве подтверждения можно привести законодательный процесс. Законодательным органом является Федеральное Собрание РФ, однако право законодательной инициативы имеют Президент РФ и представители всех ветвей власти (Конституционный Суд РФ и Верховный Суд РФ — по вопросам их ведения) (ч. 1 ст. 104

* О внесении изменений в Конституцию Республики Татарстан: закон Республики Татарстан от 26 янв. 2023 г. N 1-ЗРТ // Официальный портал правовой информации Республики Татарстан. URL: <http://pravo.tatarstan.ru>

** См.: часть 2 ст. 4 Федерального закона от 21 декабря 2021 г. N 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации», ч. 5 ст. 20 Указа Президента РФ «Об утверждении перечня типовых государственных должностей субъектов Российской Федерации» (Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>).

Конституции РФ). Кроме того, законопроекты, предусматривающие расходы, покрываемые за счет федерального бюджета (о налогах, государственных займах и др.), не могут быть внесены в Государственную Думу РФ без заключения Правительства РФ.

4. **Неотчуждаемость** суверенитета государства. Как отмечают Т.В. Милушева и С.Р. Гадисов, «...суверенитет не отчуждается и не делится, потому что утрата суверенитета приводит к неизбежному исчезновению государства» [8, с. 27]. Данная характеристика суверенитета государства означает, что никому не дано право посягательства на него ни извне, ни изнутри страны. Во-первых, государственная власть является легитимной — население государства (или его большая часть) признает, поддерживает ее и подчиняется принимаемым ею правовым нормам и управленческим решениям. Во-вторых, она признается мировым сообществом.

Л.А. Морозова выделяет еще один аспект неотчуждаемости суверенитета: «никто не вправе изъять, ограничить суверенитет государства, но и само государство не может отказаться от своего суверенитета, так как оно в таком случае теряет статус государства» [10, с. 59].

В соответствии с ч. 4 ст. 3 Конституции РФ «Никто не может присваивать власть в Российской Федерации. Захват власти или присвоение властных полномочий преследуются по федеральному закону», то есть УК РФ (прежде всего на защиту государства от попыток отчуждения его суверенитета направлены нормы раздела X «Преступления против государственной власти» УК РФ).

Провозглашая идеологическое и политическое многообразие, многопартийность, Конституция РФ запрещает создание и деятельность общественных объединений, цели или действия которых связаны с насильственным изменением основ конституционного строя и нарушением целостности Российской Федерации (ч. 5 ст. 13). Очевидно, что деятельность подобных общественных объединений направлена на ограничение или изъятие

суверенитета государства, соответственно, установленный конституционный запрет оправдан.

Выше уже назывались конституционные нормы, регламентирующие деятельность главы государства и высших органов государственной власти по защите суверенитета государства в целом и его неотчуждаемости в частности. В дополнение к ним следует назвать:

— пункт «ж» ст. 83 Конституции РФ, посвященный Совету Безопасности РФ, который содействует Президенту РФ в реализации полномочий последнего в охране суверенитета Российской Федерации, ее независимости и государственной целостности, предотвращения внутренних и внешних угроз;

— часть 2 ст. 87 и ст. 88 Конституции РФ, предусматривающие введение на территории страны или в отдельных ее местностях военного и чрезвычайного положения соответственно, и др.

Вышеизложенное позволяет сформулировать выводы:

1. Результаты анализа норм Конституции РФ как нормативного правового акта, имеющего высшую юридическую силу и прямое действие, а также являющегося основой для всего отечественного права, свидетельствуют о том, что российскому государству присущ такой признак, как суверенитет.

2. Наиболее значимые характеристики суверенитета государства (верховенство, независимость, единство, неотчуждаемость), наличие которых обосновано доктриной, нашли закрепление в положениях Конституции РФ.

3. Внесенные в Конституцию РФ в 2020 году изменения, которые связаны с защитой суверенитета государства, показывают, что данная категория не является неизменной. К сожалению, суверенитет российского государства не перестает подвергаться негативным воздействиям. Одним из значимых средств противодействия им является совершенствование положений Конституции РФ (в соответствии с требованиями о конституционных поправках и пересмотре конституции).

Список источников

1. Теория государства и права: учебник для вузов / отв. ред. В.Д. Перевалов. 3-е изд., перераб. и доп. Москва: Норма, 2005. 496 с.
2. Червонюк В.И. Теория государства и права: учебник. Москва: ИНФРА-М, 2009. 704 с.
3. Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права: учебник. Москва: Юристъ, 2004. 511 с.
4. Рассказов Л.П. Теория государства и права: углубленный курс: учебник. Москва: РИОР: ИНФРА-М, 2015. 559 с.
5. Жуков В.Н. Понятие государства: возвращение к классике // Государство и право. 2023. N 5. С. 9-23.
6. Боков А.Н. Демографические вызовы национальной безопасности России // Экономика, статистика и информатика. Вестник УМО. 2014. N 6-2. С. 390-393.
7. Тихомирова Л.В., Тихомиров М.Ю. Юридическая энциклопедия / под ред. М.Ю. Тихомирова. Москва, 1998. 526 с.
8. Милушева Т.В., Гадисов С.Р. Суверенитет государства как основной принцип российской Конституции // Правовая культура. 2018. N 4. С. 21-27.
9. Грачев Н.И. Государственный суверенитет и формы территориальной организации современного государства. Основные закономерности и тенденции развития: монография. Москва: Книгодел, Волгоградский ин-т экономики, социологии и права, 2009. 468 с.
10. Морозова Л.А. Современное прочтение теории государственного суверенитета // Государство и право. 2017. N 2. С. 53-59.
11. Скрипник Л.А., Скрипник А.В. Теоретико-правовой анализ трансформации суверенитета // Право и государство: теория и практика. 2021. N 1. С. 195-198.
12. Талапина Э.В. Государственный суверенитет в информационном пространстве: новые задачи права // Государство и право. 2018. N 5. С. 60-67.
13. Подосинникова Л.А. Суверенитет государства: современное понимание и его виды // Ученые труды Российского университета адвокатуры и нотариата имени Г.Б. Мирзоева. 2024. N 2. С. 16-25.
14. Виноградова Е.В. Проекция когнитивных технологий трансформации ценностей на суверенную российскую государственность // Государство и право. 2024. N 7. С. 40-49.
15. Червонюк В.И., Каракулько М.И. Принцип разделения властей и квазиидея самостоятельности и неделимости власти в «мифологии» современных интерпретаторов // Право и государство: теория и практика. 2024. N 7. С. 28-32.

References

1. Theory of State and Law. Moscow, Norma Publ., 2005. 496 p. (In Russ.).
2. Chervonyuk V.I. Theory of State and Law. Moscow, INFRA-M Publ., 2009. 704 p. (In Russ.).
3. Matuzov N.I., Mal'ko A.V. Theory of State and Law: textbook. Moscow, Jurist Publ., 2004. 511 p. (In Russ.).
4. Rasskazov L.P. Theory of State and Law: Advanced Course. Moscow, RIOR: INFRA-M Publ., 2015. 559 p. (In Russ.).
5. Zhukov V.N. The concept of the state: a return to the classics. State and Law, 2023, no. 5, pp. 9-23. (In Russ.).
6. Bokov A.N. Demographic challenges to Russia's national security. Economy, statistics and informatics. Bulletin of UMO, 2014, no. 6-2, pp. 390-393. (In Russ.).
7. Tikhomirova L.V., Tikhomirov M.Yu. Legal Encyclopedia. Moscow, 1998. 526 p. (In Russ.).
8. Milusheva T.V., Gadisov S.R. State sovereignty as the main principle of the Russian Constitution. Legal Culture, 2018, no. 4, pp. 21-27. (In Russ.).
9. Grachev N.I. State sovereignty and forms of territorial organization of the modern state. Main patterns and trends of development. Moscow, Knigodel Publ., Volgograd Institute of Economics, Sociology and Law, 2009. 468 p. (In Russ.).
10. Morozova L.A. Modern reading of the theory of state sovereignty. State and Law, 2017, no. 2, pp. 53-59. (In Russ.).
11. Skripnik L.A., Skripnik A.V. Theoretical and legal analysis of the transformation of sovereignty. Law and states: theory and practice, 2021, no. 1, pp. 195-198. (In Russ.).
12. Talapina E.V. State sovereignty in the information space: new tasks of law. State and law, 2018, no. 5, pp. 60-67. (In Russ.).
13. Podosinnikova L.A. State sovereignty: modern understanding and its types. Scientific works of the Russian University of Advocacy and Notaries named after G.B. Mirzoev, 2024, no. 2, pp. 16-25. (In Russ.).
14. Vinogradova E.V. Projection of cognitive technologies of value transformation onto sovereign Russian statehood. State and law, 2024, no. 7, pp. 40-49. (In Russ.).
15. Chervonyuk V.I., Karakul'ko M.I. The principle of separation of powers and the quasi-idea of independence and indivisibility of power in the "mythology" of modern interpreters. Law and state: theory and practice, 2024, no. 7, pp. 28-32. (In Russ.).

Раздел 2. Уголовный закон

Научная специальность: 5.1.4

Квалификация организации занятия проституцией

Надежда Владимировна Тыдыкова,

доктор юридических наук, доцент, Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия, academnauka@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7889-9314>

Роман Дмитриевич Шарапов,

доктор юридических наук, профессор, Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации; Санкт-Петербургская академия Следственного комитета Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия, Srd72@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9834-1174>

Аннотация. Использование в конструкции основного состава преступления, предусмотренного статьей 241 Уголовного кодекса Российской Федерации, оценочных понятий, описывающих альтернативные противоправные деяния, затрудняет квалификацию таких деяний. В статье анализируются вопросы, не получившие однозначного решения в правоприменительной практике и малоисследованные в науке уголовного права. Проблему разграничения вовлечения в занятие проституцией и организации занятия проституцией посредством подбора лиц для занятия проституцией предлагается устранить путем включения в содержание организации занятия проституцией действий по подбору лиц, намеревающихся оказывать сексуальные услуги на постоянной основе, из числа тех, кто уже выразил желание участвовать в проституции. По мнению авторов, решение вопроса о возможности вменения группового вовлечения в занятие проституцией в условиях дополнительной квалификации организации занятия проституцией группой лиц по предварительному сговору или организованной группой зависит от формы соучастия, в которой совершена организация занятия проституцией. Приводятся аргументы в поддержку позиции правоприменительной практики, в рамках которой исполнителями в организации занятия проституцией признаются лица, выполняющие не только административно-хозяйственные или финансово-управленческие функции, но и иные (диспетчерские, охранные и т.п.).

Ключевые слова: вовлечение в занятие проституцией, организация занятия проституцией, совершение преступления организованной группой, группа лиц по предварительному сговору, пособничество в организации занятия проституцией

Для цитирования: Тыдыкова Н.В., Шарапов Р.Д. Квалификация организации занятия проституцией // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2025. N 1 (71). С. 28-39.

Qualification of organizing prostitution activities

Nadezhda V. Tydykova,

Doctor of Legal Sciences, Associate Professor, Altai State University, Barnaul, Russia, academnauka@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7889-9314>

Roman D. Sharapov,

Doctor of Legal Sciences, Professor, St. Petersburg Law Institute (Branch) of the University of Prosecutor's Office of the Russian Federation; St. Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia, Srd72@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9834-1174>

Abstract. It is noted that the use of estimated concepts, describing the alternative unlawful acts in the construction of the basic elements of crime under Article 241 of the Criminal Code of the Russian Federation, impedes the qualification of such acts. The article analyzes the issues that have not received an unambiguous solution in law enforcement practice and are poorly researched in the criminal law

science. It is proposed to solve the problem of distinguishing involvement in prostitution from organizing prostitution activities by selecting persons for prostitution through including in the content of organizing prostitution activities also the actions of selecting persons, intending to provide sexual services on regular basis from among those who have already expressed a desire to participate in prostitution. Authors believe that resolving the issue on the possibility of ascribing group involvement in prostitution under the conditions of additional qualification of organizing prostitution activities by a group of persons in a preliminary conspiracy or by an organized group depends on the form of complicity when organizing prostitution activities. Arguments in favor of the law enforcement practice position that implies defining the persons performing not only administrative and economic or financial management functions, but also other functions (dispatch, security and so on) as perpetrators in organizing prostitution activities, are provided.

Keywords: involvement in prostitution, organizing prostitution activities, commission of a crime by an organized group, group of persons in a preliminary conspiracy, complicity in organizing prostitution activities

For citation: Tydykova N.V., Sharapov R.D. Qualification of organizing prostitution activities // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2025. No. 1 (71). P. 28-39.

Уголовная ответственность за вовлечение в занятие проституцией и за организацию занятия проституцией предусматривается соответственно статьями 240 и 241 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ).

Правовая определенность первого из уголовно-правовых запретов достигается как использованием в конструкции основного состава преступления уже апробированных в уголовном праве терминов («вовлечение», «принуждение»), которые получили достаточное и во многом единообразное истолкование в доктрине и правоприменительной практике*, так и релевантным описанием альтернативных деяний, образующих объективную сторону состава преступления («вовлечение в занятие» и «принуждение к продолжению занятия»). Вследствие этого, в частности, стало возможным решение вопроса о разграничении вовлечения и принуждения применительно к ст. 240 УК РФ — потерпевшим от принуждения к продолжению занятия проституцией, в отличие от вовлечения в занятие проституцией, может являться лицо, уже занимающееся проституцией, однако выразившее намере-

ние отказаться от дальнейшего занятия этой деятельностью [1, с. 280]. Такая позиция разделяется и правоприменительной практикой**.

Напротив, правовая определенность уголовно-правового запрета ст. 241 УК РФ снижается по причине использования в конструкции основного состава преступления оценочных понятий, описывающих альтернативные противоправные деяния («деяния, направленные на организацию занятия проституцией», «содержание притонов»). Кроме того, в отличие от ст. 240 УК РФ, уголовная ответственность за организацию занятия проституцией не дифференцирована в зависимости от видов соучастия в преступлении (групповых форм), что приводит к затруднениям при квалификации преступления, совершенного несколькими лицами.

Значимой является уголовно-правовая характеристика ряда вопросов квалификации указанных преступлений, которые не получают однозначного решения в правоприменительной практике и являются малоисследованными в науке уголовного права.

1. *Разграничение вовлечения в занятие проституцией и организации занятия проституцией путем подбора лиц для занятия проституцией*

Анализ судебной практики показывает, что под деяниями, направленными

* О понятии «вовлечение» применительно к ст.ст. 150 и 151 УК РФ см. пункт 42 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 1 февр. 2011 г. N 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» (Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2011. N 11).

** Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 13 февр. 2012 г. N 51-О12-2. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

на организацию занятия проституцией другими лицами, применительно к ст. 241 УК РФ понимаются любые действия по созданию условий, упорядочению занятия проституцией и руководству им одним или несколькими другими лицами (поиск клиентуры, реклама, прием и распределение заказов, определение распорядка оказания услуг и отдыха проституток, доставка проституток или клиентов к месту оказания сексуальных услуг, получение от клиентов оплаты сексуальных услуг и т.п., а также подбор кандидатур лиц, занимающихся проституцией)*.

Под вовлечением, учитывая уже имеющееся нормативное толкование Пленума Верховного Суда Российской Федерации для ст.ст. 150 и 151 УК РФ, следует понимать действия виновного, направленные на возбуждение у другого лица желания заниматься проституцией, совершенные любым способом (предложение, уговор, подкуп, обещание чего-либо, обман, шантаж, применение насилия или угроза его применения, угроза уничтожением, повреждением или изъятием имущества, использование материальной или иной зависимости потерпевшего, угроза причинением иного вреда правам и законным интересам потерпевшего или его близких (например, угроза незаконным возбуждением уголовного дела) и др.).

В этом случае возникает вопрос о том, по какой статье УК РФ — 240 или 241 — квалифицировать подбор лиц для занятия проституцией. Проблема усугубляется наличием основания уголовной ответственности за торговлю людьми в форме вербовки человека для использования занятия проституцией (ст. 127.1 УК РФ), учитывая, что «вербовкой является поиск, отбор и прием по найму лиц для выполнения в интересах нанимателя или иных лиц каких-либо работ, оказания услуг либо осуществления иной деятельности, в том числе на территории ино-

странного государства, совершенные в целях дальнейшей эксплуатации вербуемого человека»**.

Например, К. с целью набора девушек для занятия проституцией руководила размещением в публичном доступе текстов объявлений о приеме на работу лиц женского пола, в которых завуалировала понятное заинтересованному кругу лиц предложение о занятии проституцией, а затем подбирала и непосредственно привлекала лиц к занятию проституцией. Помимо этого, К. осуществляла общее руководство и координацию деятельности организованной группы, вела поиск потенциальных клиентов, выполняла функцию диспетчера, доставляла девушек, занимающихся проституцией, к местам оказания интимных услуг, разрабатывала принципы конспирации, устанавливала стоимость интимных услуг, производила сбор и распределение доходов, полученных в результате преступной деятельности. Однако действия К. были квалифицированы только по ч. 1 ст. 241 УК РФ***.

Аналогичным образом только по ст. 241 УК РФ были квалифицированы деяния С., который наряду с другими действиями, получившими правовую оценку как организация занятия проституцией, подбирал и непосредственно привлекал лиц женского пола к занятию проституцией****.

Поскольку фактически имевшее место вовлечение в занятие проституцией было этапом организации занятия проституцией, постольку правоприменитель не придает значения отдельной уголовно-

** Пункт 13 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 дек. 2019 г. N 58 «О судебной практике по делам о похищении человека, незаконном лишении свободы и торговле людьми» (Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2020. N 3).

*** Приговор Индустриального районного суда г. Барнаула Алтайского края от 27 мая 2022 г. по делу N 1-435/2022 // Индустриальный районный суд г. Барнаула Алтайского края: официальный сайт. URL: <https://industrialny--alt.sudrf.ru/>

**** Приговор Индустриального районного суда г. Барнаула Алтайского края по делу N 1-349/2022 от 3 авг. 2022 г. // Там же.

* Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 14 авг. 2012 г. N 32-О12-16сп; постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 10 окт. 2012 г. N 122-П12; апелляционное определение Верховного Суда Российской Федерации от 20 дек. 2016 г. N 11-АПУ16-36. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

правовой оценке этих действий виновного по ст. 240 УК РФ, квалифицируя содеянное в целом по ст. 241 УК РФ. Такой подход представляется небесспорным в связи с тем, что он не позволяет учитывать фактическую опасность двух разных деяний, признанных законодателем самостоятельными преступлениями, а кроме того, с учетом особенностей конструкции ст. 241 УК РФ не позволяет назначить справедливое наказание, если деяние было совершено группой лиц или организованной группой, так как санкция ч. 1 ст. 241 УК РФ менее строгая, чем санкции частей 2 и 3 ст. 240 УК РФ. В практике Верховного Суда Российской Федерации имеется позиция, согласно которой преступление, предусмотренное ст. 240 УК РФ, имеет формальный состав и считается оконченным с момента совершения действий, направленных на вовлечение в занятие проституцией*.

В связи с этим предложение в форме публикации объявлений о приеме на работу, в которой завуалировано понятное заинтересованному кругу лиц предложение о занятии проституцией, может быть квалифицировано как оконченное вовлечение в занятие проституцией. На практике имеются решения, в которых в сходных с вышеупомянутыми случаях деяния виновных были квалифицированы по совокупности преступлений, предусмотренных ст.ст. 240 и 241 УК РФ**, в том числе когда вовлечение каждого потерпевшего в отдельности было квалифицировано как самостоятельное преступление***. Однако такой подход в правоприменительной практике нельзя назвать преобладающим, о чем косвенно свидетельствует судебная статистика, демонстрирующая меньшую долю лиц, осужденных по ст. 240 УК РФ, в сравнении с количеством осужденных по ст. 241 УК РФ (см. табл.).

Таблица

**Данные о количестве лиц, осужденных по ст.ст. 240 и 241 УК РФ
в 2020–2023 годах в Российской Федерации******

	2020 год	2021 год	2022 год	2023 год
ст. 240 УК РФ	43	55	65	34
ст. 241 УК РФ	231	239	319	335

Представляется верной позиция, выраженная в некоторых судебных решениях, о том, что состав организации занятия проституцией, предусмотренный ст. 241 УК РФ, предполагает, в частности, подбор лиц, желающих оказывать сексуальные услуги на постоянной основе****. Вследствие этого подбор не должен включать действия по вовлечению, в том числе путем предложения, а должен осуществляться лишь путем выбора из лиц, которые уже выразили желание участвовать в проституции.

* Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 18 июля 2017 г. N 49-АПУ17-9. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

**** См., например: Апелляционное определение Московского городского суда от 30 авг. 2017 г. N 10-13286/2017. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Таким образом, подбор других лиц для занятия проституцией, связанный с вовлечением их в данную деятельность (действия виновного, направленные на возбуждение у другого лица желания заниматься проституцией), следует квалифицировать по ст. 240 УК РФ. Последующие

** Постановление Президиума Омского областного суда от 16 окт. 2017 г. N 44У-118/2017 // Там же.

*** Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Свердловского областного суда от 12 марта 2014 г. N 22-2085/2014; апелляционное определение Свердловского областного суда от 17 марта 2015 г. по делу N 22-2139/2015 // Там же.

**** Отчеты о видах наказания по наиболее тяжкому преступлению (без учета сложения) за 2020-2023 годы // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации: официальный сайт. URL: <http://www.cdep.ru/>

действия виновного, направленные на организацию занятия проституцией отобранными лицами, требуют дополнительной квалификации по ст. 241 УК РФ.

Подбор лиц, уже занимающихся проституцией, для организации их дальнейшей деятельности следует квалифицировать только по ст. 241 УК РФ.

Критерии разграничения составов вовлечения в занятие проституцией и торговли людьми в форме вербовки человека в целях его эксплуатации, которая может выражаться и в использовании занятия проституцией другими лицами, заключаются в различных признаках составов данных преступлений [см. об этом подробно: 2, с. 25-26].

2. Вменение группового вовлечения в занятие проституцией (п. «в» ч. 2 и ч. 3 ст. 240 УК РФ) в условиях дополнительной квалификации организации занятия проституцией группой лиц по предварительному сговору или организованной группой

Если правоприменитель приходит к выводу о необходимости квалификации организации занятия проституцией, совершенной группой лиц по предварительному сговору или организованной группой по совокупности с вовлечением в занятие проституцией, то нередко возникает вопрос о том, обязательно ли такое вовлечение должно квалифицироваться также как вовлечение, совершенное группой лиц по предварительному сговору или организованной группой.

Например, по одному из уголовных дел суд первой инстанции, придя к выводу о том, что организация занятия проституцией подсудимой была осуществлена в составе группы лиц по предварительному сговору, учел это же обстоятельство в качестве отягчающего при назначении наказания* за все вменяемые подсудимой случаи вовлечения в занятие проституцией. Однако суд вышестоящей инстанции указал, что совершение преступления группой лиц по предварительному сговору не может быть признано обстоятельством, отяг-

чающим наказание за совершение подсудимой единолично 6 преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 240 УК РФ, и смягчил назначенное наказание**.

В решении анализируемого вопроса следует исходить из широко известных позиций судебной практики в части уголовно-правовой оценки преступлений, совершенных группой лиц по предварительному сговору или организованной группой: 1) совершение преступления группой лиц по предварительному сговору возможно только в форме соисполнительства; 2) все участники организованной группы, независимо от характера их участия в преступлении, должны признаваться соисполнителями преступления, совершенного организованной группой, и нести за него ответственность без ссылки на ст. 33 УК РФ.

Таким образом, если лицо выполняло объективную сторону вовлечения в занятие проституцией единолично, то даже при наличии договоренности с другими соучастниками организации занятия проституцией, совершаемой ими в составе группы лиц по предварительному сговору, вовлечение в занятие проституцией не может быть квалифицировано как совершенное группой лиц по предварительному сговору.

Иначе следует решать вопрос о квалификации действий члена организованной группы, совершающей организацию занятия проституцией, который в рамках реализации общей преступной цели вовлекал в занятие проституцией других лиц. Его действия следует квалифицировать по ч. 3 ст. 240 УК РФ, предусматривающей ответственность за совершение этого преступления организованной группой, при условии, что хотя бы один из остальных участников организованной группы выполнял функцию организатора, подстрекателя или пособника в совершении вовлечения в занятие проституцией.

Если умыслом остальных участников организованной группы такое вовлечение не охватывалось, то действия непосредственного исполнителя вовлечения в занятие проституцией не могут быть квали-

* В судебном решении отсутствует объяснение того, почему содеянное не было квалифицировано по п. «в» ч. 2 ст. 240 УК РФ, а групповой характер преступления учтен в качестве обстоятельства, отягчающего наказание (п. «в» ч. 1 ст. 63 УК РФ).

** Апелляционное определение Свердловского областного суда от 17 марта 2015 г. по делу N 22-2139/2015. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

фицированы как совершенные в составе организованной группы. По этой причине следует приветствовать практику, согласно которой при вменении анализируемого квалифицирующего признака вовлечения в занятие проституцией приводится обоснование того, что все члены преступной группы, обладающей признаками, предусмотренными ч. 3 ст. 35 УК РФ, предварительно обсудив между собой совершаемые преступления, были объединены одним преступным умыслом, направленным на достижение общих преступных намерений, связанных с организацией занятия проституцией и осуществлением вовлечения женщин в занятие проституцией, согласно распределению ролей*.

3. Уголовно-правовая оценка роли соучастника в организации занятия проституцией

В связи с тем, что объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 241 УК РФ, в части совершения деяний, направленных на организацию занятия проституцией другими лицами, описана при помощи оценочной конструкции, в правоприменительной практике остро стоит вопрос об отграничении действий пособников от действий исполнителей данного преступления, на что обращалось внимание в доктринальных источниках [3]. В частности, действия лиц, участвующих в организации занятия проституцией в качестве водителей, охранников, диспетчеров, администраторов, на практике квалифицируются по-разному — как пособничество этому преступлению либо как соисполнительство в нем.

Например, как пособничество в организации занятия проституцией были квалифицированы:

— действия Б., которая предлагала другим лицам оказывать интимные услуги, обеспечивала деятельность притона, вела учет клиентов и получала от них денежные средства за оказанные ими интимные услуги**;

* См., например: Постановления Краснодарского краевого суда от 29 нояб. 2013 г. по делу N 4у-7353/13; от 22 нояб. 2013 г. по делу N 4у-7193/13; от 5 дек. 2013 г. N 4у-7704/13. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

** Апелляционное постановление Московского городского суда от 22 авг. 2018 г. по делу N 10-13984/2018 // Там же.

— действия С., которая осуществляла прием звонков клиентов, получала от них заказы на предоставление платных сексуальных услуг, обеспечивала быт и функционирование притона, получала от клиентов денежные средства за предоставленные им услуги сексуального характера, вела учет полученных денежных средств от осуществлявших занятие проституцией лиц, а также выплачивала исполнителям сексуальных услуг ранее оговоренное денежное вознаграждение***;

— действия К., которая предоставляла информацию о месте нахождения и времени работы притона, стоимости услуг сексуального характера, а также получала денежные средства от лиц, осуществлявших занятие проституцией, для дальнейшей передачи организатору****.

В приведенных примерах пособником признавалось лицо, которое выполняло функции администратора. С учетом того, что организация любой деятельности предполагает администрирование, представляется, что вышеприведенные действия образуют объективную сторону преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 241 УК РФ. На основании этого указанных лиц следовало считать исполнителями преступления.

В частности, как соисполнительство в организации занятия проституцией были квалифицированы действия О. В кассационной жалобе защитник выразил несогласие с такой квалификацией, приводя доводы о том, что О. выполняла вспомогательные функции, направленные на организацию занятия проституцией, в связи с чем должна нести уголовную ответственность за соучастие в форме пособничества в этом преступлении. Установлено, что осужденная, выполняя отведенную ей организатором преступления роль, следила за порядком в доме, отвечала на телефонные звонки, встречала клиентов, делала записи в тетради, помещение не арендо-

*** Апелляционное постановление Московского городского суда от 15 июля 2015 г. по делу N 10-8430/2015 // Там же.

**** Апелляционные постановления Московского городского суда от 26 марта 2014 г. N 10-2919/2014; от 27 авг. 2014 г. N 10-11519/2014 // Там же.

вала, объявление о предоставлении платных сексуальных услуг не распространяла, на работу девушек не принимала, сама занималась проституцией. Суд кассационной инстанции признал правильной квалификацию преступления О. по ч. 1 ст. 241 УК РФ*.

Аналогичным образом квалифицированы действия С., которая выполняла функции администратора и диспетчера. Суды кассационной и надзорной инстанций не согласились с доводами защиты о переквалификации ее действий на пособничество в совершенном преступлении**.

Неоднородной является практика квалификации действий лиц, которые обеспечивали безопасность (охрану) в процессе занятия проституцией. Например, действия Е., который следил за порядком в притоне, не допускал присутствия в нем посторонних лиц, оказывал моральное воздействие на проституток, входя к ним в доверие и добывая таким образом информацию, которую затем сообщал руководителю притона, а также доставлял других проституток в дом к руководителю притона, который понуждал их к занятию проституцией под своим руководством, первоначально квалифицированные по ч. 1 ст. 241 УК РФ, были переквалифицированы на ч. 5 ст. 33, ч. 1 ст. 241 УК РФ***.

При квалификации действий таких лиц необходимо учитывать, что они, согласно договоренности с другими лицами, на постоянной основе находились непосредственно в месте осуществления незаконной деятельности, исполняли в качестве повседневных указанные функции, принимали самостоятельные решения о нахождении тех или иных лиц в месте оказания незаконных услуг, влияли на взаимоотношения, складывающиеся внутри группы лиц, принимавших участие

в незаконной деятельности, осуществляли подбор и доставку к организатору потенциальных исполнителей незаконных услуг, что свидетельствует о выполнении действий, которые, наряду с действиями других лиц, были направлены на достижение такой общей цели, как организация занятия проституцией другими лицами.

Например, по ч. 5 ст. 33, п. «б» ч. 2 ст. 241 УК РФ были квалифицированы действия Б., который, осознавая, что руководитель организованной группы занимается организацией занятия проституцией другими лицами, подыскивал лиц женского пола для занятия проституцией, информировал о них руководителя группы, перевозил данных лиц из различных регионов страны под разными предложениями, выполнял действия по вовлечению девушек в занятие проституцией путем уговоров, обещаний материальных благ, угроз, в том числе применения насилия, шантажа, осуществлял розыск и похищение девушек, которые самовольно прекратили занятие проституцией в организованном салоне по оказанию интимных услуг и покинули его, с целью их принуждения к дальнейшему занятию проституцией****.

На практике вызывает сложности также квалификация действий водителей, особенно в тех случаях, когда они выполняли и другие функции в организации занятия проституцией. В научной литературе предложено транспортировку лиц, оказывающих услуги сексуального характера, к «заказчику» относить к административным действиям, которые образуют объективную сторону организации занятия проституцией [4, с. 95].

Так, З. признан виновным в пособничестве в деянии, направленном на организацию занятия проституцией другими лицами. Областной суд отменил приговор в отношении З. и направил дело на новое рассмотрение, поскольку установил, что суд первой инстанции необоснованно переквалифицировал действия З. с ч. 1 ст. 241 УК РФ на ч. 5 ст. 33, ч. 1 ст. 241 УК РФ. До-

**** Приговор Самарского областного суда от 3 дек. 2012 г. N 2-82/2012 (Кассационным определением Верховного Суда Российской Федерации от 28 февр. 2013 г. N 46-013-8 оставлен без изменения) // Там же.

* Кассационное определение Московского городского суда от 17 дек. 2012 г. по делу N 22-16958. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

** Постановление Московского городского суда от 14 мая 2012 г. N 4у/6-3488/12 // Там же.

*** Постановления президиума Московского областного суда от 9 марта 2011 г. N 60 по делу N 44у-33/11; от 26 мая 2010 г. N 172 по делу N 44у-98/10 // Там же.

казано, что З. отвозил девушек к клиентам и привозил их обратно, получал от клиентов деньги, распределял денежные суммы и осуществлял охрану, то есть исполнял действия, составляющие объективную сторону преступления*.

В приведенном примере лицо выполняло несколько функций, которые в совокупности обеспечивают организацию занятия проституцией, что требует квалификации действий виновного как соисполнительство в преступлении.

В теории к числу действий, которые могут быть расценены как организация занятия проституцией, относят подбор лиц, занимающихся проституцией, помещений, клиентов, обеспечение охраны, организация обслуживания клиентов, а также подбор персонала, обеспечивающего занятие проституцией [5, с. 113]. Очевидно, что такой подход с необходимой полнотой отражает объем рассматриваемого понятия, которое должно охватывать все возможные действия, позволяющие признать процесс занятия проституцией организованным, то есть регулярно осуществляемым на определенных условиях (временных, финансовых), с соблюдением определенных требований (дислокация, безопасность). При ином, узком, подходе организация занятия проституцией связывалась бы только с действиями лица, которое руководит вышеописанными процессами, что не позволило бы давать адекватную уголовно-правовую оценку действиям лиц, выполнявших часть функций единого процесса организации занятия проституцией, предварительно распределив роли. Анализ судебной практики показывает, что такой подход является предпочтительным для правоприменителя.

В частности, действия Р., Ц., Ц-к, С. и М. были квалифицированы как организация занятия проституцией другими лицами, совершенная организованной группой. Р. приискал других участников организованной группы, распределив между ними обязанности, а также девушек, же-

лающих оказывать услуги сексуального характера за денежное вознаграждение. Ц. и Ц-к обеспечивали доставку девушек в места оказания интимных услуг и получение от клиентов денежных средств с дальнейшей передачей денег Р. При этом С. заменяла Р. в осуществлении руководства организованной им деятельностью во время его отсутствия, а также осуществляла поиск клиентов. М. выполняла функции телефонного диспетчера, координировала деятельность девушек, оказывающих интимные услуги, инструктировала их, производила сбор, учет и распределение доходов, полученных в результате преступной деятельности.

В приговоре указано, что данная группа характеризовалась: наличием руководителя; устойчивостью и сплоченностью, основанными на стабильном составе группы в течение длительного времени, тесной взаимосвязи между ее членами, наличии между ними доверительных отношений и общих преступных замыслов, неоднократности совершения преступлений членами группы; организованным характером, постоянством форм и методов преступной деятельности, планированием преступлений и подготовкой к их совершению, распределением ролей и обязанностей между членами преступной группы, согласованностью их действий при совершении преступлений; объединением участников организованной группы умыслом на совместное совершение преступлений. В качестве обстоятельства, отягчающего наказание каждого из подсудимых, суд учел совершение преступления в составе организованной группы**.

Из приведенного примера следует, что только Р. и С. выполняли функции организаторов в узком смысле этого понятия (отождествляемого с руководством), Ц. и Ц-к — функции водителей и кассиров, М. — функции диспетчера. Но слаженная деятельность этих лиц позволяла осуществлять организацию занятия про-

* Обзор законодательства и судебной практики Вологодского областного суда за 2-е полугодие 2009 года. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

** Приговор Октябрьского районного суда г. Барнаула Алтайского края от 23 янв. 2020 г. по делу N 1-50/20 // Октябрьский районный суд г. Барнаула Алтайского края: официальный сайт. URL: <http://oktabrsky--alt.sudrf.ru/>

ституцией другими лицами*. Если предположить, что преступление указанных лиц совершено в соучастии при отсутствии признаков организованной группы (что исключает применение правила об уголовно-правовой оценке деяний всех участников организованной группы вне зависимости от выполняемой ими роли в преступлении как соисполнительства), то это не изменило бы квалификацию их действий как соисполнительства. В судебной практике имеются материалы уголовных дел, в которых при подобных обстоятельствах действия лиц квалифицируются как организация занятия проституцией, совершенная группой лиц по предварительному сговору**.

В этом контексте следует решать вопрос о квалификации действий лиц, обеспечивающих создание и техническое сопровождение информационно-телекоммуникационных ресурсов, в частности в сети «Интернет», с помощью которых осуществляется деятельность по организации занятия проституцией. Такие действия в зависимости от обстоятельств могут образовать пособничество в организации занятия проституцией или требовать квалификации в качестве деятельности исполнителя или соисполнителя этого преступления. Если организация деятельности осуществлялась лицом путем продвижения в сети «Интернет», например, сайта

с информацией о незаконной услуге и лицах, ее оказывающих, без привлечения третьих лиц (технических исполнителей), это же лицо осуществляло другие действия, необходимые для организации деятельности (привлекало исполнителей предлагаемых незаконных услуг, осуществляло функции диспетчера, распределяло полученные денежные средства и т.п.), то такие действия наряду с перечисленными образуют объективную сторону состава преступления, предусмотренного ст. 241 УК РФ. Так же должен решаться вопрос и в случае распределения ролей между соучастниками, когда только один из них обеспечивает размещение соответствующей информации в сети «Интернет» или совершает иные подобные действия. Кроме того, некоторые исследователи, анализируя возможное содержание деятельности по организации занятия проституцией, отмечают, что в него может входить и распространение рекламы [6, с. 73; 7, с. 187].

Подход, в рамках которого деятельность исполнителей в организации занятия проституцией может включать выполнение различных функций, сформулирован Верховным Судом Российской Федерации. В частности, признано обоснованным осуждение по ч. 1 ст. 241 УК РФ К., Р., С., Ш. и П., которые совершили это преступление в составе организованной группы. Судом установлено, что каждый из подсудимых в ходе совершения данного преступления действовал в соответствии с определенной индивидуальной ролью, выполняя конкретные, закрепленные именно за ним функции, направленные на достижение единой цели — организации занятия проституцией другими лицами. К. и Р. создали устойчивую группу, направленную на совершение организации занятия проституцией другими лицами, а каждый из остальных подсудимых в последующем присоединялся к указанной группе, понимая, что именно входит в его обязанности, порядок, условия и алгоритм осуществления своих обязанностей, действовал в соответствии с установленным графиком (например, водители, диспетчер, администраторы действовали посменно), осознавал наличие других членов группы (диспетчеров, водителей, руководителей) и понимал их функции, роль и задачи для достижения

* См. также: Приговоры Индустриального районного суда г. Барнаула Алтайского края от 3 авг. 2022 г. по делу N 1-349/2022; от 27 мая 2022 г. по делу N 1-435/2022; от 30 нояб. 2020 г. по делу N 1-734/2020 // Индустриальный районный суд г. Барнаула Алтайского края: официальный сайт. URL: <https://industrialny--alt.sudrf.ru/>; постановление Президиума Самарского областного суда от 20 дек. 2012 г. N 44у-206/2012. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

** Приговор Индустриального районного суда г. Барнаула Алтайского края от 31 марта 2017 г. по делу N 1-13/2017/2020 // Индустриальный районный суд г. Барнаула Алтайского края: официальный сайт. URL: <https://industrialny--alt.sudrf.ru/>; апелляционное постановление Московского городского суда от 6 мая 2019 г. N 10-4858/2019; определение Московского городского суда от 21 марта 2011 г. по делу N 22-3281. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

общего результата — организации занятия проституцией другими лицами*.

Предлагаемое квалификационное решение ставит вопрос о том, какие действия могут признаваться пособничеством в организации занятия проституцией. В соответствии с ч. 5 ст. 33 УК РФ пособником является лицо, в частности, содействовавшее совершению преступления советами, указаниями, предоставлением информации, средств или орудий совершения преступления либо устранением препятствий. Это позволяет квалифицировать как пособничество в совершении рассматриваемого преступления деятельность лиц, которые предоставили информацию о заинтересованных в том, чтобы заниматься проституцией или получать услуги таких лиц, оказали консультативные услуги, например, по вопросам повышения финансовой эффективности такой деятельности, поставляли продукцию для обеспечения деятельности по организации занятия проституцией, размещали информацию о соответствующих незаконных услугах, например, в сети «Интернет».

Следует оговориться, что и перечисляемые действия в некоторых случаях требуют квалификации как действия соисполнителя. Часть 1 ст. 241 УК РФ устанавливает ответственность не только за организацию занятия проституцией другими лицами, но и за содержание притонов для занятия проституцией. Например, согласно одному из судебных решений под содержанием притона понимается деятельность по оплате расходов, связанных с осуществлением деятельности притона после его организации (владение помещением или аренда помещения либо иного места, снабжение оборудованием, продуктами, спиртными напитками, регулирование посещаемости, охрана)**.

Однако необходимо разграничивать систематическую деятельность по снабжению, то есть по поддержанию обе-

спеченности, что образует объективную сторону содержания притона, и деятельность лиц, осуществляющих поставки товаров по требованию лица, которое организует занятие проституцией или содержит притон для занятия проституцией, что не может быть определено как действия по содержанию притона, а требует квалификации как пособничество в содержании притона (при осознании лицом соответствующих признаков).

Выводы:

1. Неоднородность правоприменительной практики в части квалификации деяний, ответственность за которые предусмотрена ст. 241 УК РФ, обусловлена использованием в конструкции основного состава преступления оценочных понятий, описывающих альтернативные противоправные деяния.

2. Решение проблемы разграничения вовлечения в занятие проституцией и организации занятия проституцией путем подбора лиц для занятия проституцией возможно путем уточнения сложившегося в доктрине толкования признаков организации занятия проституцией. Состав организации занятия проституцией, предусмотренный ст. 241 УК РФ, предполагает, в частности, подбор лиц, намеревающихся оказывать сексуальные услуги на постоянной основе. При этом действия по подбору не должны включать действия по вовлечению, в том числе путем предложения, а могут осуществляться лишь путем выбора из лиц, которые уже выразили желание участвовать в проституции.

3. Если лицо выполняло объективную сторону вовлечения в занятие проституцией единолично, даже при наличии договоренности с другими соучастниками организации занятия проституцией, совершаемой ими в составе группы лиц по предварительному сговору, вовлечение в занятие проституцией не может быть квалифицировано как совершенное группой лиц по предварительному сговору. Действия члена организованной группы следует квалифицировать по ч. 3 ст. 240 УК РФ, предусматривающей ответственность за совершение этого преступления организованной группой, при условии, что хотя бы один из остальных участников организованной группы выполнял функцию орга-

* Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 18 марта 2015 г. N 81-АПУ15-7. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

** Постановление Московского городского суда от 24 авг. 2018 г. N 4у-5086/2018. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

низатора, подстрекателя или пособника в совершении вовлечения в занятие проституцией.

4. Следует признать обоснованным подход, в рамках которого деятельность

исполнителей в организации занятия проституцией может включать выполнение различных функций (административно-хозяйственных, финансово-управленческих, диспетчерских, охранных и т.п.).

Список источников

1. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 3 т. Т. 3. Особенная часть (разделы IX-XII) / под науч. ред. К.В. Образиева, Н.И. Пикурова. Москва: Проспект, 2023. 983 с.
2. Шарапов Р.Д. Вопросы квалификации преступлений, связанных с эксплуатацией проституции и незаконным оборотом порнографических материалов // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2023. N 1. С. 22-30.
3. Алихаджиева И.С. Квалификация посредничества в организации занятия проституцией (ст. 241 УК РФ) // Актуальные проблемы российского права. 2015. N 8. С. 123-128.
4. Бидзян Д.Р. Об уголовно-правовой оценке деяний, составляющих организацию занятия проституцией // Известия Юго-Западного государственного университета. Сер.: История и право. 2019. N 2. С. 92-101.
5. Яшин А.В. Совершенствование методики расследования преступлений, связанных с организацией занятия проституцией // Современное право. 2019. N 5. С. 112-116.
6. Готчина Л.В., Курилова Е.Н. О некоторых аспектах квалификации преступлений, предусмотренных статьей 241 УК РФ // Проблемы правоохранительной деятельности. 2016. N 1. С. 72-75.
7. Шалагин А.Е. Дифференциация уголовной ответственности за организацию занятия проституцией // Вестник экономики, права и социологии. 2013. N 2. С. 187-189.

References

1. Commentary to the Criminal Code of the Russian Federation. In 3 vols. Vol. 3. Special part (sections IX-XII). Moscow, Prospect Publ., 2023. 983 p. (In Russ.).
2. Sharapov R.D. Issues of qualification of offences related to the exploitation of prostitution and illicit trafficking in pornographic materials. Legal Science and Law Enforcement Practice, 2023, no. 1, pp. 22-30. (In Russ.).
3. Alikhadzhieva I.S. Qualification of mediation in the organisation of prostitution (Art. 241 of the Criminal Code of the Russian Federation). Actual problems of Russian law, 2015, no. 8, pp. 123-128. (In Russ.).
4. Bidzyan D.R. On the criminal-legal assessment of acts constituting the organisation of prostitution. News of South-West State University. Series: History and Law, 2019, no. 2, pp. 92-101. (In Russ.).
5. Yashin A.V. Improving the methodology of investigation of crimes related to the organisation of prostitution. Modern Law, 2019, no. 5, pp. 112-116. (In Russ.).
6. Gotchina L.V., Kurilova E.N. On some aspects of qualification of offences under Article 241 of the Criminal Code of the Russian Federation. Problems of law enforcement activity, 2016, no. 1, pp. 72-75. (In Russ.).
7. Shalagin A.E. Differentiation of criminal responsibility for the organisation of prostitution. Bulletin of Economics, Law and Sociology, 2013, no. 2, pp. 187-189. (In Russ.).

Вклад авторов:

Тыдыкова Н.В. — проанализирована юридическая литература, посвященная проблемам квалификации преступлений, связанных с вовлечением в занятие проституцией и организацией занятия проституцией; собраны и исследованы материалы правоприменительной практики, затрагивающие вопросы квалификации преступлений, предусмотренных ст.ст. 240 и 241 УК РФ; обозначена проблема разграничения вовлечения в занятие проституцией и организации занятия проституцией путем подбора лиц для занятия проституцией, решение которой предложено посредством уточнения сложившегося в доктрине толкования признаков организации занятия проституцией; выявлена неоднородность практики в части определения роли соучастников в организации занятия проституцией; сформулированы выводы исследования;

Шарапов Р.Д. — разработаны теоретические предпосылки и основные направления исследования; изучены материалы правоприменительной практики, затрагивающие вопросы квалификации преступлений, предусмотренных ст.ст. 240 и 241 УК РФ; обозначена проблема неоднородности подходов при вменении группового вовлечения в занятие проституцией в условиях дополнительной квалификации организации занятия

проституцией группой лиц по предварительному сговору или организованной группой, предложен алгоритм квалификации деяний в таких ситуациях, способный обеспечить единство правоприменительных решений; аргументирован предлагаемый подход к определению круга действий, которые могут входить в объективную сторону организации проституции, что положено в основу решения вопроса о роли соучастника в организации занятия проституцией.

Contribution of the authors:

Tydykova N.V. — analyzing the legal literature devoted to the problems of qualification of crimes related to involvement in prostitution and organization of prostitution activities; collecting and studying the materials of law enforcement practice concerning the issues of qualification of crimes under Articles 240 and 241 of the Criminal Code of the Russian Federation; indicating the problem of distinguishing involvement in prostitution from organization of prostitution activities by selecting persons for prostitution; proposing solution of this problem through clarifying the doctrinal interpretation of the signs of organizing prostitution activities; revealing the heterogeneity of practice in terms of determining the role of accomplices in organizing prostitution activities; formulating the study's conclusions;

Sharapov R.D. — developing the theoretical background and main directions of the research; studying the materials of law enforcement practice concerning the issues of qualification of crimes under Articles 240 and 241 of the Criminal Code of the Russian Federation; identifying the problem of heterogeneity of approaches when ascribing group involvement in prostitution under the conditions of additional qualification of organizing prostitution activities by a group of persons in a preliminary conspiracy or by an organized group; proposing the algorithm for qualification of acts in such situations, capable of ensuring the unity of law enforcement decisions; justifying the proposed approach to determining the range of actions that may be included in the objective side of organizing prostitution activities, which is the basis for resolving the issue of the role of an accomplice in organizing prostitution activities.

Научная специальность: 5.1.4

Меры пресечения в «огранке» уголовно-правового воздействия, или Наказание до обвинительного приговора суда

Сергей Александрович Корнеев,

кандидат юридических наук, Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, Рязань, Россия, kornei_lam@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-9555-1195>

Аннотация. Настоящая статья посвящена определению социально-правовых основ разграничения уголовно-процессуального и уголовно-правового воздействия, реализуемых от имени государства в отношении лица, предположительно нарушившего уголовно-правовой запрет. Анализ норм действующего законодательства, доктринальных исследований в области заявленных отраслей права, материалов следственно-судебной практики позволил констатировать, что в современной действительности вопреки объективным причинам происходит полное или частичное отождествление мер процессуального принуждения с совокупностью норм, определяющих меры уголовно-правового воздействия в целом и уголовное наказание в частности. Вследствие этого нарушается процесс деления права на отрасли и возникает противоречие с общеправовыми принципами права. Делается вывод о том, что признание меры пресечения формой реализации уголовно-процессуальной или уголовной ответственности свидетельствует о существовании возможности привлечения лица к юридической ответственности дважды за одно и то же преступление, причем в первом случае без установления его вины в определенном законом порядке.

Ключевые слова: уголовная политика, уголовно-правовое воздействие, наказание, иные меры уголовно-правового характера, уголовно-процессуальное воздействие, меры пресечения

Для цитирования: Корнеев С.А. Меры пресечения в «огранке» уголовно-правового воздействия, или Наказание до обвинительного приговора суда // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2025. N 1 (71). С. 40-51.

Preventive measures in terms of criminal legal impact or punishment prior to conviction

Sergey A. Korneev,

Candidate of Legal Sciences, Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation, Ryazan, Russia, kornei_lam@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9555-1195>

Abstract. The article focuses on defining the socio-legal basis for distinguishing between criminal procedural and criminal legal impact implemented on behalf of the state in relation to a person who allegedly violated a criminal legal prohibition. Analyzing the norms of the current legislation, the doctrinal researches in the field of these branches of law, as well as the materials of investigative and judicial practice allowed to state that in modern reality, contrary to objective reasons, there is a complete or partial identification of coercive procedural measures with a set of norms stipulating the measures of criminal legal impact in general and criminal punishment in particular. Therefore, the process of dividing the law into branches is disrupted, and thus there is a contradiction with the general legal principles of law. It is concluded that the recognition of a preventive measure as a form of implementation of criminal procedural or criminal liability testifies to the existence of a possibility of bringing a person to legal liability twice for the same crime, and in the first case without establishing his/her guilt in accordance with the law.

Keywords: criminal policy, criminal legal impact, punishment, other criminal law measures, criminal procedural impact, preventive measures

For citation: Korneev S.A. Preventive measures in terms of criminal legal impact or punishment prior to conviction // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2025. No. 1 (71). P. 40-51.

Каждая отрасль российского права имеет определенные цели, задачи и приоритеты, стоящие перед обществом и государством. Достижение нормативно регламентированного вектора осуществляется посредством выбора имеющихся правовых средств и методов, применяемых от имени государства в отношении конкретного гражданина. При этом модель надлежащего поведения члена социума может быть сопряжена с ограничениями прав и свобод, в том числе определяемыми Конституцией Российской Федерации (ч. 3 ст. 55). Как правило, наиболее существенные, но в то же время справедливые, пропорциональные, а равно соразмерные обременения возникают при наличии юридического факта в виде нарушения уголовно-правового запрета. Испытываемый объем лишений и ограничений, заключенный в категорию «мера», есть результат законодательного разрешения коллизии между правом каждого на свободу и обязанностью государства обеспечить посредством правосудия защиту наиболее значимых для социума ценностей.

Нормы Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ) определяют исчерпывающий перечень мер пресечения, избираемых в отношении лица, предположительно нарушившего уголовно-правовой запрет (ст. 98 УПК РФ). Система анализируемых мер предусматривает определенный набор средств государственного принуждения, сформированный в точной последовательности (иерархии) от менее строгого к более строгому в зависимости от заложенного в них объема лишений и ограничений, испытываемых подозреваемым или обвиняемым.

Несмотря на правовую природу рассматриваемого института, в современной действительности имеют место предпосылки его полного или частичного отождествления с совокупностью норм, определяющих меры уголовно-правового воздействия в целом и уголовное наказание в частности.

Стирание имеющихся отраслевых границ обусловлено сложившимися на практике стереотипами идентичного основания применения, продиктованного характером и степенью общественной опас-

ности совершенного деяния, общих целей реализации, что не в полной мере коррелирует с общепризнанными постулатами, выработанными доктриной уголовно-процессуального и уголовного права.

Исходя из тенденции уголовной политики к гуманизации действующего законодательства, либерализации, а также «справедливизации» современного правосудия, меры пресечения в целом и заключение под стражу в частности неоднократно выступали предметом обсуждения со стороны высших органов государственной власти, официальных средств массовой информации, научного сообщества. Несмотря на широкую дискуссию относительно значимости исследуемого уголовно-процессуального явления, многие вопросы не нашли своего законодательного разрешения и однозначного одобрения на страницах юридических изданий, что создает определенного рода сложности в правоприменительной деятельности. Речь прежде всего идет о назревшей необходимости определения социально-правовой природы мер пресечения. Решение заявленного вопроса позволит сформулировать критерии разграничения межотраслевых средств государственного принуждения, избираемых (назначаемых) в связи с юридическим фактом в виде совершения преступления.

Представляется, что в настоящее время накоплен значительный эмпирический материал в теории уголовно-процессуального и уголовного права, имеется достаточный объем следственно-судебной практики по исследуемому вопросу, позволяющий уточнить конечный результат, преследуемый посредством избрания мер пресечения, основания их избрания, а равно проанализировать их сущность через призму уголовно-правового воздействия, форм его практической реализации.

Энциклопедическое (лексическое) толкование меры государственного принуждения

Категория «мера» широко используется в тексте процессуального, материального, а также исполнительного права. Например, в уголовно-процессуальном законодательстве она отождествляется со средством государственного принуждения, реализуемым с определенными це-

лями в отношении лица, предположительно совершившего преступление (разд. IV УПК РФ), способом обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства (ч. 3 ст. 11 УПК РФ), комплексом проводимых мероприятий, необходимых для уголовного преследования (ст. 21 УПК РФ).

В уголовном законе искомое понятие представлено в качестве формы реализации уголовно-правового воздействия в отношении лица, нарушившего уголовно-правовой запрет (ст.ст. 2, 6, 7, 21, 90-92; разд. VI Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), объема наказания, то есть его вида и размера (ст. 43 УК РФ). В уголовно-исполнительном законодательстве мера выступает как способ осуществления безопасности осужденного и сотрудников уголовно-исполнительной системы (ст.ст. 13, 86 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (далее – УИК РФ), а также как родовое понятие применительно к видам поощрения и взыскания в отношении лица, отбывающего назначенное по приговору суда наказание (ст.ст. 57, 59, 60.13, 60.14 УИК РФ).

С учетом многогранности интерпретации категории «мера» в законотворческой деятельности исследование вопроса, связанного с определением ее понятия и истинной сущности, не представляется возможным без лексического, а равно энциклопедического осмысления.

Глубокая разработка проблематики, связанной с характеристикой категории «мера», была осуществлена Г. В. Ф. Гегелем. Он показал возможность использования меры как средства сопоставления фактически любых предметов, поскольку мера выражает их абстрактную, одностороннюю сущность. Особое значение этой категории в мышлении и познании немецкий философ связывает с ее функцией выражать качественное количество, фиксирующее своеобразие предмета [1, с. 281]. Таким образом, мера является категорией, выражающей диалектическое единство качественных и количественных характеристик объекта.

Представленное умозаключение нашло свое отражение в различных отраслях науки. Например, в естественных, технических и точных, а равно социально-гумани-

тарных науках «мера» традиционно отождествляется с понятием длины отрезка, площади плоской фигуры, объема тела (в математике) [2, с. 362], а также со средством измерения, предназначенным для воспроизведения физической величины заданного размера (в физике) [3, с. 406]. Отождествление рассматриваемой категории с единицей измерения констатируется в энциклопедических управленческих, исторических, социологических, социоэкономических словарях [4, с. 275].

Идентичное по смыслу, но более широкое по содержанию понятие меры представлено в «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова. Кроме единицы измерения (веса, объема, длины), в данном издании под ней понимается предмет материального мира, предназначенный для измерения (линейку), а равно то, что служит основанием для оценки чего-либо или для сравнения с чем-либо [5, с. 585].

Обобщая представленные доводы относительно категории «мера», целесообразно сделать заключение о ее многофункциональной измерительной (качественное количество) сущности. Универсальность меры видится в имеющейся возможности определения размера заданного объекта в точных и технических науках и одновременно – в выборе правильной, необходимой пропорции обременительных средств, применяемых от имени государства, если речь идет о науках юридического цикла в целом и криминального в частности.

Вследствие распространенности в юриспруденции категории «мера», в том числе на законодательном уровне, некоторые составители справочных изданий не обособляют искомое слово, исключая его самостоятельное значение, в связи с чем дают определения понятий таким категориям, как «мера пресечения» или «мера наказания».

В социоэкономических, юридических, энциклопедических изданиях мера пресечения определяется как способ предотвращения оказания лицом, предположительно совершившим преступление, негативного воздействия как на расследование уголовного дела, так и на членов социума. Мера же наказания есть наказание определенного вида и размера, назначаемое на основании решения суда в отноше-

нии лица, совершившего преступление [4, с. 275; 6, с. 325; 7, с. 174; 8, с. 337].

Следует отметить, что государственное принуждение в рамках уголовно-правовых отношений, измеряемое некоторым объемом ограничений, не исчерпывается наказанием. Лицо, нарушившее уголовно-правовой запрет, может испытывать субсидиарные по отношению к наказанию обременения — при условном осуждении (ч. 5 ст. 73 УК РФ) или отсрочке отбывания наказания (ст.ст. 82, 82.1 УК РФ). Кроме этого, нормы уголовного закона определяют иные, отличные от наказания меры уголовно-правового характера, ограничивающие права и свободы лица, совершившего запрещенное уголовным законом деяние, — принудительные меры медицинского характера (гл. 15 УК РФ) и принудительные меры воспитательного воздействия (ст. 90 УК РФ). Таким образом, в контексте реализации государственного принуждения в связи с юридическим фактом в виде совершения запрещенного уголовным законом деяния целесообразно использовать категорию «мера уголовно-правового воздействия», которая является родовой по отношению к уголовной ответственности, наказанию, иным мерам уголовно-правового характера.

Обобщая вышесказанное, полагаем, что категория «мера», используемая в тексте уголовно-процессуального и уголовного законодательства, — есть концепт, выражающий единство качественной и количественной определенности воздействия со стороны уполномоченных органов государственной власти. Искомое воздействие измеряется в денежном эквиваленте (залог, штраф, судебный штраф), часах (обязательные работы), днях (заключение под стражу, лишение свободы и др.). Объем лишений и ограничений прав и свобод лица обусловлен целями и задачами, стоящими перед той или иной отраслью права. Как правило, он зависит от характера и степени общественной опасности содеянного, обстоятельств его совершения, а равно характеристики лица, предположительно совершившего запрещенное уголовным законом деяние.

Конечный результат, преследуемый мерами уголовно-процессуального и уголовно-правового принуждения

В юридической литературе высказывается мнение, согласно которому меры

пресечения и меры уголовно-правового воздействия, несмотря на их отличную правовую природу, имеют идентичные цели, реализация которых коррелирует с задачами, стоящими перед уголовным законодательством, регламентированными ст. 2 УК РФ [9, с. 32].

Целевая установка наказания как меры государственного принуждения неоднократно выступала предметом ряда специализированных исследований, в том числе фундаментального характера. Не вдаваясь в критический анализ имеющихся доктринальных подходов относительно целесообразности, эффективности, утопичности или возможной достигаемости целей наказания посредством реализации его видов, следует отметить, что конечный результат рассматриваемого института определен на законодательном уровне и является ориентиром, который необходимо достичь посредством того или иного воздействия на лицо, нарушившее уголовно-правовой запрет. В соответствии с положениями УК РФ наказание назначается в целях восстановления социальной справедливости, исправления осужденного, а равно превенции совершения новых преступлений (ст. 43 УК РФ).

Относя к иным мерам уголовно-правового характера лишь принудительные меры медицинского характера и принудительные меры воспитательного воздействия, полагаем, что их реализация связана прежде всего с излечением, улучшением психического состояния лиц, страдающих психическим расстройством, воспитанием несовершеннолетних, а равно предупреждением совершения новых общественно опасных деяний.

Цели же мер пресечения на законодательном уровне должным образом не урегулированы. Следует отметить, что в УПК РФ нашли отражение конечные результаты лишь некоторых мер процессуального принуждения. Например, залог избирается в целях обеспечения явки лица, предположительно совершившего преступление, в уполномоченные органы государственной власти, предупреждения совершения новых преступлений, а также действий, препятствующих производству по уголовному делу (ст. 106 УПК РФ). Иные меры процессуального принуждения при-

званы обеспечить установленный порядок уголовного судопроизводства, а равно исполнение приговора суда (ст. 111 УПК РФ).

Подчеркивая недостаточную законодательную регламентацию конечных результатов, на достижение которых направлено избрание мер пресечения, отдельные представители доктрины придерживаются расширительного толкования целей применения мер уголовно-процессуального принуждения. Некоторые специалисты связывают их с обеспечением личного участия подозреваемого или обвиняемого в уголовном процессе, реализацией в отношении его процессуального наказания, а также с возмещением материального ущерба, причиненного содеянным [10, с. 16]. Другие отождествляют цели мер пресечения с задачами, стоящими перед уголовно-процессуальным правом [11, с. 105], относят их к мерам безопасности, направленным на нивелирование опасности или ее угрозы для социума [12, с. 95].

Третья группа исследователей, обобщая имеющиеся точки зрения, а также учитывая превентивный характер мер пресечения, относит к их конечному результату надлежащее поведение обвиняемого, подозреваемого при производстве по уголовному делу [13, с. 120].

В унисон представленной, а равно законодательной позиции некоторые составители специализированных справочных изданий склонны полагать, что меры пресечения избираются в отношении подозреваемого или обвиняемого в целях воспрепятствования:

- уклонению от суда, следствия и ответственности [4, с. 275];
- сокрытию следов преступления, повторению или продолжению преступлений [6, с. 325];
- установлению истины по уголовному делу, обеспечению исполнения приговора [7, с. 174];
- негативному воздействию на свидетелей, иных участников уголовного судопроизводства, уничтожению доказательств [8, с. 337].

Приведенное толкование конечных результатов, достигаемых посредством мер пресечения, коррелирует с лексическим (энциклопедическим) значением слова «пресечение» — действия по глаго-

лу «пресечь». По мнению специалистов, пресечь — значит прекратить, остановить течение, развитие чего-либо, искоренить, уничтожить, положить конец какому-либо явлению [5, с. 585].

Подводя итог вышесказанному, следует констатировать, что цели, достигаемые посредством мер пресечения, отличны от конечных результатов, возлагаемых на меры уголовно-правового воздействия. Порицание, восстановление нарушенного баланса в обществе, исправление лица, в отношении которого вступил в силу обвинительный приговор суда, его излечение или воспитание — ориентир, достигаемый уголовно-правовыми средствами. Реализация же меры пресечения направлена на прекращение лицом, предположительно нарушившим уголовно-правовой запрет, противозаконной деятельности, а равно обеспечение объективного производства по уголовному делу.

Основания и условия реализации мер уголовно-процессуального и уголовно-правового принуждения

В соответствии с уголовным законодательством основанием уголовной ответственности является юридический факт в виде совершения деяния, содержащего в себе все признаки состава преступления (ст. 8 УК РФ). Лицу, признанному виновным в совершении преступления, назначается справедливая мера государственного принуждения в пределах санкции статьи с учетом положений Общей части УК РФ (ч. 1 ст. 60 УК РФ). При этом объем лишений и ограничений обусловлен характером и степенью общественной опасности преступления, личностью виновного, смягчающими и отягчающими наказание обстоятельствами, а также влиянием назначенного наказания на исправление осужденного и на условия жизни его семьи (ч. 3 ст. 60 УК РФ).

Назначение других мер уголовно-правового характера связано с иным юридически значимым фактом. В частности, основанием реализации принудительных мер медицинского характера является психическое расстройство, связанное с возможностью причинения лицом существенного вреда либо с его опасностью для себя и третьих лиц (ч. 2 ст. 97 УК РФ). Нарушение же уголовно-правового запрета является

условием применения рассматриваемых мер государственного принуждения.

В соответствии с уголовно-процессуальным законодательством основанием для избрания меры пресечения служит достоверная информация о лице, предположительно совершившем преступление. Речь идет о сведениях, носящих прогностический характер и свидетельствующих о том, что обвиняемый скроется от уполномоченных органов государственной власти, продолжит заниматься преступной деятельностью, окажет негативное воздействие на участников уголовного судопроизводства или иным образом воспрепятствует производству по уголовному делу (ст. 97 УПК РФ).

Как справедливо отмечает А.Р. Чикulina, основанием избрания меры пресечения служит совокупность объективно установленных и подтвержденных фактических данных, формирующих у субъекта доказывания обоснованное предположение о будущем негативном поведении лица. Условия же избрания меры пресечения, по мнению автора, необходимо классифицировать на условия, подтверждающие: 1) законность ее избрания и 2) обоснованность принятия такого решения [14, с. 10].

Согласно разъяснениям Конституционного Суда Российской Федерации* (далее — Конституционный Суд РФ), Пленума Верховного Суда Российской Федерации отсутствие вышеуказанной информации свидетельствует о невозможности избрания мер пресечения, регламентированных ст. 97 УПК РФ**. В противном случае до-

стоверно не установленные сведения являются поводом для обжалования судебного решения.

В частности, Верховный Суд Республики Дагестан отменил постановление Советского районного суда г. Махачкалы, которым удовлетворено ходатайство следователя о продлении срока содержания под стражей. По мнению уполномоченного органа государственной власти, представленные следователем сведения, являющиеся основанием сохранения ранее избранной меры пресечения, *несостоятельны*, так как не подтверждаются какими-либо представленными и исследованными в судебном заседании материалами, *то есть являются голословными****.

В дополнение к вышеизложенному следует отметить, что часть исследователей считает сам факт предоставления заведомо ложных либо не нашедших подтверждения сведений о лице, предположительно совершившем преступление, деянием, обладающим признаком общественной опасности. Например, Х.М. Дадаев полагает целесообразным криминализовать внесение заведомо сфальсифицированной информации уполномоченными лицами в постановление о возбуждении перед судом ходатайства об избрании меры пресечения [15, с. 9].

Систему мер пресечения образуют восемь средств государственного реагирования, расположенных, как и наказание, в определенной (иерархичной) последовательности — от менее строгих к более строгим. Вариативность формы реализации уголовно-процессуального принуждения зависит от тяжести совершенного преступления, сведений о личности подозреваемого или обвиняемого, его возраста, состояния здоровья, семейного положения, рода занятий и иных обстоятельств (ст. 99 УПК РФ). При этом, как отмечает Конституционный Суд РФ, уголовно-процессуальный закон не допускает возможности применения меры пресечения ис-

* Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ефименко Сергея Александровича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 255 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 20 окт. 2005 г. N 372-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

** О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 дек. 2013 г. N 41: ред. от 11 июня 2020 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

*** Апелляционное постановление Верховного Суда Республики Дагестан N 22К-2888/2023 от 30 дек. 2023 г. по уголовному делу N 3/2-709/2023 // Судебные и нормативные акты РФ: сайт. URL: <https://sudact.ru/>

ключительно на основании тяжести вменяемого преступления*.

Действительно, назначение той или иной меры пресечения не находится в жесткой корреляции с категорией совершенного преступления. В законодательстве не исключается возможность, например, избрания залога (ст. 106 УПК РФ), запрета определенных действий (ст. 105.1 УПК РФ) и иных мер уголовно-процессуального принуждения в отношении лица, предположительно совершившего особо тяжкое преступление. Как справедливо отмечается в материалах судебной практики, мера

пресечения имеет цель *не покарать подозреваемого за содеянное, а лишь обеспечить нормальный ход предварительного расследования и судебного разбирательства в будущем***.

К сожалению, вопреки приведенным доводам заключение под стражу как наиболее строгая мера пресечения остается весьма популярной и востребованной в практической деятельности уполномоченных органов государственной власти (см. рис. 1). Как сообщила И.Л. Подносова, за 9 месяцев 2024 года суд избрал заключение под стражу в качестве меры пресечения в отношении 61 тыс. граждан***.

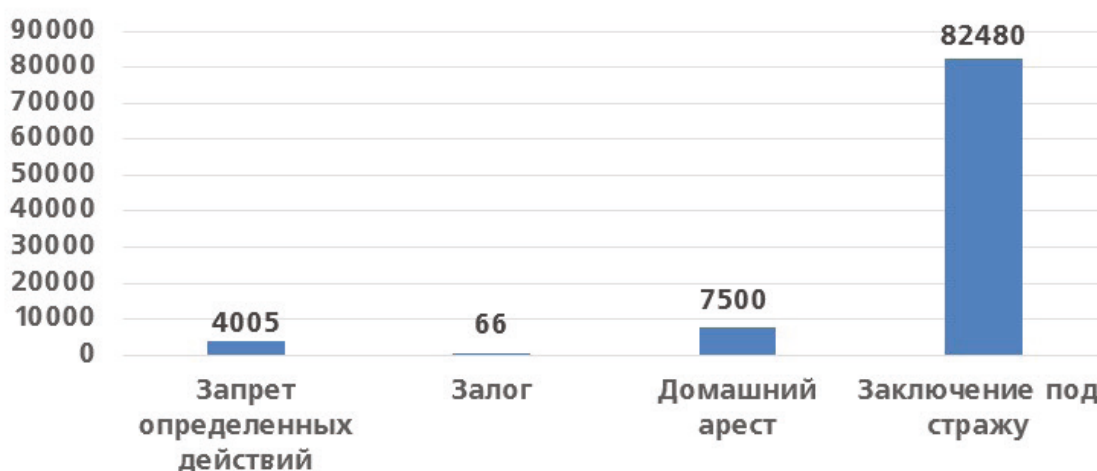

Рис. 1. Количество удовлетворенных ходатайств об избрании меры пресечения, рассмотренных в ходе досудебного производства в 2023 году****

В соответствии с действующим законодательством заключение под стражу применяется в отношении лица, которое подозревается или обвиняется в нарушении уголовно-правового запрета. При этом оно может быть избрано за совершение не только преступления средней тяжести, тяжкого или особо тяжкого в случае невозможности реализации иной, более мягкой, меры пресечения, но и преступления небольшой тяжести при

констатации определенных обстоятельств (ч. 1 ст. 108 УПК РФ), что подтверждается официальными статистическими данными (см. рис. 2). Как отмечает заместитель министра юстиции Российской Федерации,

** Апелляционное постановление Орловского областного суда N 22К-1435/2021 от 22 окт. 2021 г. по уголовному делу N 3/1-98/2021 // Судебные и нормативные акты РФ: сайт. URL: <https://sudact.ru/>

*** Подносова: за девять месяцев суды в РФ отправили в СИЗО 61 тыс. лиц // ТАСС: сайт. URL: <https://tass.ru/>

**** Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 2023 г. Раздел 4. Рассмотрение представлений, ходатайств и жалоб (по числу лиц) // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации: официальный сайт. URL: <http://www.cdep.ru/>

* Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ефименко Сергея Александровича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 255 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 20 окт. 2005 г. N 372-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

по состоянию на 1 января 2024 г. в следственных изоляторах содержалось более 100 тыс. подозреваемых и обвиняемых,

половина из которых — подозреваемые в совершении преступлений небольшой тяжести*.

Рис. 2. Количество ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, удовлетворенных в 2023 году (по категориям преступлений)***

На чрезмерную репрессивность содержания под стражей как меры пресечения и необоснованно широкую ее реализацию неоднократно обращал внимание председатель Верховного Суда Российской Федерации (далее — Верховный Суд РФ), акцентируя внимание судов на поиске альтернативных средств уголовно-процессуального принуждения**.

Пренебрежение к ежегодным рекомендациям высшей судебной инстанции явилось предпосылкой создания законопроекта, определяющего запрет на необоснованное избрание заключения под стражу в отношении лица, предположительно совершившего преступление, не сопряженное с применением насилия или угрозой его применения, если данное деяние не посягает на общественные отношения, представляющие особую социальную ценность. Обоснованием субъекта законодательной инициативы явились проблемы переполненности следственных изоляторов, а также условий содержания в них,

статистические данные, свидетельствующие об излишнем использовании судами заключения под стражу и низких показателях реализации альтернативных мер****.

Несоответствие представленного законопроекта норме УПК РФ, направленной на пресечение необоснованного уголовного преследования предпринимателей, минимизацию нарушений их прав в уголовном судопроизводстве (ч. 1.1 ст. 108 УПК РФ), повышенная общественная опасность ряда ненасильственных преступлений, относящихся к категории тяжких и особо тяжких, явились основанием от-

* Замглавы Минюста раскрыл статистику по арестантам, содержащимся в СИЗО // РИА Новости: сайт. URL: <https://ria.ru/>

*** Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 2023 год. Раздел 9. Сведения о рассмотрении судами ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу // Судебный департамент при Верховном Суде РФ: официальный сайт. URL: <http://www.cdep.ru/>

**** О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: пояснительная записка к законопроекту N 301930-8 // Система обеспечения законодательной деятельности: официальный сайт. URL: <http://sozd.duma.gov.ru>

** Глава Верховного Суда РФ призвал судей не пренебрегать возможностью смягчения мер пресечения; Верховный Суд РФ требует реже заключать обвиняемых под стражу // Верховный Суд РФ: официальный сайт. URL: <https://www.vsrfr.ru> и др.

рицательного отзыва при рассмотрении законопроекта в первом чтении*.

Думается, что отсылка к степени общественной опасности как основанию, препятствующему избранию менее строгих мер пресечения в сравнении с заключением под стражу, нуждается в доктринальном анализе и законодательном уточнении. Учитывая данные следственно-судебной практики, можно заключить, что использование подобной аргументации в описательно-мотивировочной части постановления судов общей юрисдикции является поводом для изменения решения судами высшей инстанции. Например, Верховный Суд Республики Дагестан, рассмотрев апелляционную жалобу адвоката на постановление Ленинского районного суда г. Махачкалы об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении Ф., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 228.1 УК РФ, пришел к выводу о необходимости отказа в ее удовлетворении. Обжалуемое постановление было изменено лишь в части исключения вывода суда о корреляции меры пресечения в виде заключения под стражу со *степенью общественной опасности вмененного преступления*, что не предусмотрено нормами уголовно-процессуального законодательства**.

Подводя промежуточный итог данной части исследования, необходимо отметить, что заключение под стражу, несмотря на имеющиеся альтернативные меры пресечения, а также определенную законодательством возможность их избрания вне зависимости от категории совершенного преступления, является самой распространенной и востребованной в правоприменительной практике мерой. Акцентирование внимания высших органов государственной власти на общественной

опасности деяния как условия, влияющего на выбор избрания меры пресечения, ставит их в один ранг с наказанием.

Сущность мер уголовно-процессуального и уголовно-правового принуждения

Содержание меры уголовно-правового воздействия составляет объем лишений и ограничений лица:

— признанного виновным в совершении преступления — при привлечении к уголовной ответственности;

— совершившего запрещенное уголовным законом деяние, которое не является преступлением в силу определенных УК РФ обстоятельств, — при реализации иных мер уголовно-правового характера.

Тождественными обременениями, составляющими сущность уголовно-процессуального принуждения, обладают и меры пресечения. Данный тезис неоднократно являлся аргументом в обосновании решения об их отнесении к плоскости уголовно-правовых отношений, складывающихся в связи с юридическим фактом в виде совершения запрещенного уголовным законом деяния, между лицом, нарушившим уголовно-правовой запрет, и государством. Более того, заявленная идентичность была отмечена и Президентом Российской Федерации в рамках заседания Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека***.

Действительно, лишения и ограничения, испытываемые лицом в рамках реализации избранной меры пресечения, нередко совпадают с бременем лица, в отношении которого вступил в силу обвинительный приговор суда. Например, обязанность подозреваемого или обвиняемого находиться в жилом помещении, сопряженная с возложенными запретами и контролем за ним в рамках домашнего ареста (ст. 107 УПК РФ), обязанность соблюдать запрет определенных действий (ст. 105.1 УПК РФ) связаны с принудительным пребыванием в ограниченном пространстве, изоляцией от общества, невозможностью свободного передвижения и общения с не-

* О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: заключение на проект федерального закона N 301930-8 (первое чтение) // Система обеспечения законодательной деятельности: официальный сайт. URL: <http://sozd.duma.gov.ru>

** Апелляционное постановление Верховного Суда Республики Дагестан N 22К-2880/2023 от 30 дек. 2023 г. по уголовному делу N 3/1-187/2023 // Судебные и нормативные акты РФ: сайт. URL: <https://sudact.ru/>

*** Владимир Путин обсудил с членами Совета по правам человека помощь бойцам, беженцам и бездомным // Рос. газ. 2024. 12 дек.

определенным кругом лиц. В соответствии с позицией Конституционного Суда РФ в данном случае речь идет о непосредственном ограничении права на физическую свободу и личную неприкосновенность*.

Подобные ограничения имеют схожий характер с обязанностями, возлагаемыми на осужденного при реализации наказания в виде ограничения свободы (ст. 53 УК РФ), условного осуждения (ст. 73 УК РФ), условно-досрочного освобождения от отбывания наказания (ст. 79 УК РФ). Заключение же под стражу по объему лишений и ограничений (ст. 108 УПК РФ) соответствует наказанию в виде лишения свободы (ст. 56 УК РФ).

Представленная общность обременений уголовно-процессуального и уголовного характера подтверждается нормативно регламентированным зачетом времени, в течение которого была реализована мера пресечения, в срок назначенного наказания (ст. 72 УК РФ). При этом допущенная погрешность в части исчисления срока окончательного наказания с учетом испытываемых лицом обременений до момента постановления обвинительного приговора суда влечет его отмену или изменение, на что неоднократно обращалось внимание Верховным Судом РФ**.

Приведенный, а равно иные аргументы тождественности объема государственного принуждения позволили некоторым авторам отказаться от социально-правового разграничения рассматриваемых мер и признать их самостоятельными формами реализации уголовной ответственности [9, с. 32].

С учетом некой идентичности рассматриваемых мер государственного принуждения на страницах специализированной литературы приводится точка зрения, согласно которой процесс избрания меры

пресечения в целом, а равно изменения меры пресечения на более строгую в частности есть проявление уголовно-процессуальной ответственности [16, с. 40]. В качестве аргументов своих доводов отдельные представители доктрины усматривают в данной процедуре карательный потенциал [17, с. 11], элемент порицания [18, с. 60] и даже умышленную форму вины [19, с. 134] подозреваемого или обвиняемого.

Представляется, что заявленные доводы уязвимы с точки зрения положений действующего законодательства. Мера пресечения есть средство обеспечения нормального хода предварительного расследования и судебного разбирательства в будущем. Она применяется в отношении лица, предположительно нарушившего уголовно-правовой запрет, то есть лица, вина которого не установлена вступившим в законную силу приговором суда. В противном случае нарушается конституционный принцип презумпции невиновности.

Указанная точка зрения подтверждается материалами следственно-судебной практики. Например, Судебная коллегия по уголовным делам Амурского областного суда рассмотрела апелляционную жалобу на постановление Благовещенского городского суда об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении Ф., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ. Анализ описательно-мотивировочной части судебного решения позволил констатировать следующие юридически значимые признаки. Во-первых, вопросы доказанности обвинения и назначения наказания не разрешаются судом при рассмотрении вопроса об избрании меры пресечения. Во-вторых, основанием избрания меры пресечения являются установленные в ст. 97 УПК РФ юридически значимые факты. В-третьих, цель применения меры пресечения сводится к обеспечению беспрепятственного осуществления уголовного судопроизводства. В-четвертых, мера пресечения не является наказанием либо иной репрессивной мерой воздействия***.

* По делу о проверке конституционности статьи 107 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Эстонской Республики А.Т. Федина: постановление Конституционного Суда РФ от 6 дек. 2011 г. N 27-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

** См.: Кассационное определение Верховного Суда РФ по уголовному делу от 5 дек. 2024 г. N 36-УД24-12-K2 // Верховный Суд РФ: официальный сайт. URL: <https://vsrf.ru/>

*** Апелляционное постановление Амурского областного суда от 21 июня 2018 г. по уголовному делу N 22-K1051/2018 // Судебные и нормативные акты РФ: сайт. URL: <https://sudact.ru/>

Акцентируя внимание на существенных ограничениях прав и свобод подозреваемого или обвиняемого, И.С. Тройнина полагает, что избираемая мера пресечения должна быть соразмерна наказанию, предусмотренному санкцией статьи инкриминируемого деяния [20, с. 491].

Развивая позицию автора, а равно учитывая принцип соразмерности, полагаем, что избрание меры пресечения в виде заключения под стражу будет зависеть от закрепления наказания в виде лишения свободы в санкции статьи УК РФ. В настоящее время Особенная часть уголовного закона включает в себя свыше 390 статей, определяющих конкретные составы преступлений. Санкции некоторых из них предусматривают возможность назначения лишения свободы лишь за квалифицированный (ч. 2 ст. 115 УК РФ) или особо квалифицированный состав (ч. 4 ст. 309 УК РФ), исключая данный вид наказания за совершение состава основного (простого) (ч. 1 ст. 115, ч. 1 ст. 309 УК РФ). Более того, санкции свыше 25 статей Особенной части УК РФ не определяют лишение свободы в качестве наказания за совершение преступления (ст.ст. 116.1, 140, 144.1, 145, 151.1, 154, 155, 170, 170.2, 171.4, 185.1, 200.1, 207.1, 257, 262, 271, 288, 297, 298.1, 308, 310, 319, 320, 324, 330.2, 336 УК РФ). Однако это не исключает возможности избрания

меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении лица, подозреваемого или обвиняемого в указанных преступлениях, при наличии определенных в ст. 97 УПК РФ оснований.

Заключение

С учетом сложившейся судебной и уголовной политики в современной действительности происходит слияние двух разнополярных форм государственного воздействия — уголовно-процессуальной и уголовно-правовой.

Нередко мера пресечения по аналогии с наказанием избирается с учетом характера и степени общественной опасности совершенного преступления с целью воздаяния за содеянное и, с определенной долей условности, выступает средством разрешения уголовно-правового конфликта. К сожалению, заявленная позиция является утопичной. В этом случае нарушается процесс деления права на отрасли, а также возникает прямое противоречие с общеправовыми принципами права. Признание меры пресечения формой реализации уголовно-процессуальной или же уголовной ответственности означает существование возможности привлечения лица к юридической ответственности дважды за одно и то же преступление, причем в первом случае без установления его вины в определенном законом порядке.

Список источников

1. Современный философский словарь / под ред. В.Е. Комарова. Бишкек, 1996. 608 с.
2. Математика. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. Ю.В. Прохоров. 3-е изд. Москва: Большая российская энцикл., 2000. 848 с.
3. Физика. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. А.М. Прохоров. 4-е изд. Москва: Большая российская энцикл., 1999. 944 с.
4. Райзберг Б.А. Современный социоэкономический словарь. Москва: ИНФРА-М, 2009. 629 с.
5. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. Москва: А ТЕМП, 2010. 874 с.
6. Юридический словарь / гл. ред. С.Н. Братусь [и др.]. Москва: Гос. изд-во юрид. лит., 1953. 685 с.
7. Юридический энциклопедический словарь / гл. ред. А.Я. Сухарев. Москва: Советская энцикл., 1984. 324 с.
8. Юридический энциклопедический словарь / М.О. Буянова [и др.]. Москва: Велби; Проспект, 2008. 816 с.
9. Муравьев К.В. Применение мер пресечения как процессуальный этап реализации уголовной ответственности // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2016. N 1. С. 27-35.
10. Михайлов В.А. Меры пресечения в советском уголовном судопроизводстве. Москва, 1991. 189 с.
11. Петрухин И.Л. Неприкосновенность личности и принуждение в уголовном процессе. Москва, 1989. 252 с.
12. Коврига З.Ф. Уголовно-процессуальное принуждение. Воронеж, 1975. 175 с.
13. Вершинина С.И. О совершенствовании института мер пресечения, предусмотренного главой 13 УПК РФ // Журнал российского права. 2017. N 6. С. 115-125.
14. Чукулина А.Р. Предмет и пределы доказывания при разрешении судом ходатайств об избрании мер пресечения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2024. 23 с.

15. Дадаев Х.М. Уголовная ответственность за незаконные задержание, заключение под стражу или содержание под стражей: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2007. 175 с.
16. Чечина Н.А., Элькинд П.С. Об уголовно-процессуальной и гражданской процессуальной ответственности // Советское государство и право. 1973. N 9. С. 33-41.
17. Корнуков В.М. Меры процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве. Саратов, 1978. 136 с.
18. Ветрова Г.Н. Уголовно-процессуальная ответственность. Москва, 1986. 111 с.
19. Галдин М.В. Изменение обвиняемому меры пресечения на более строгую как реализация уголовно-процессуальной ответственности // Судебная власть и уголовный процесс. 2016. N 2. С. 131-136.
20. Тройнина И.С. Понятие и система мер пресечения в российском уголовно-процессуальном законодательстве // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Право. 2010. N 1. С. 491-498.

References

1. Modern Philosophical Dictionary. Bishkek, 1996. 608 p. (In Russ.).
2. Mathematics. The Great Encyclopedic Dictionary. Moscow, Bol'shaya rossiyskaya entsiklopediya Publ., 2000. 848 p. (In Russ.).
3. Physics. The Great Encyclopedic Dictionary. Moscow, Bol'shaya rossiyskaya entsiklopediya Publ., 1999. 944 p. (In Russ.).
4. Rayzberg B.A. Modern socio-economic dictionary. Moscow: INFRA-M Publ., 2009. 629 p. (In Russ.).
5. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. Explanatory dictionary of the Russian language: 80,000 words and phraseological expressions. Moscow, A TEMP Publ., 2010. 874 p. (In Russ.).
6. Legal dictionary. Moscow, State Publishing House of Legal Literature, 1953. 685 p. (In Russ.).
7. Legal encyclopedia. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1984. 324 p. (In Russ.).
8. Legal encyclopedic dictionary. Moscow, Velbi, Prospekt Publ., 2008. 816 p. (In Russ.).
9. Murav'ev K.V. The use of preventive measures as a procedural stage in the implementation of criminal responsibility. Siberian criminal procedure and criminalistic readings, 2016, no. 1, pp. 27-35. (In Russ.).
10. Mikhaylov V.A. Preventive measures in Soviet criminal proceedings. Moscow, 1991, 189 p. (In Russ.).
11. Petrukhin I.L. Personal inviolability and coercion in criminal proceedings. Moscow, 1989, 252 p. (In Russ.).
12. Kovriga Z.F. Criminal procedural coercion. Voronezh, 1975. 175 p. (In Russ.).
13. Vershinina S.I. On improving the institution of preventive measures provided for in Chapter 13 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation. Journal of Russian Law, 2017, no. 6, pp. 115-125. (In Russ.).
14. Chikulina A.R. The subject and limits of evidence in the court's resolution of petitions for the election of preventive measures. Autoabstract Cand. Diss. Chelyabinsk, 2024. 23 p. (In Russ.).
15. Dadaev H.M. Criminal liability for unlawful detention, detention or detention in custody. Autoabstract Cand. Diss. Krasnodar, 2007. 175 p. (In Russ.).
16. Chechina N.A., El'kind P.S. On criminal procedural and civil procedural responsibility. The Soviet State and law, 1973, no. 9, pp. 33-41. (In Russ.).
17. Kornukov V.M. Measures of procedural coercion in criminal proceedings. Saratov, 1978. 136 p. (In Russ.).
18. Vetrova G.N. Criminal procedural responsibility, Moscow, 1986. 111 p. (In Russ.).
19. Galdin M.V. Changing the preventive measure to a stricter one for the accused as an implementation of criminal procedural responsibility. Judicial power and criminal procedure, 2016, no. 2, pp. 131-136. (In Russ.).
20. Troynina I.S. The concept and system of preventive measures in Russian criminal procedure legislation. Bulletin of Voronezh State University. Series: Law, 2010, no. 1, pp. 491-498. (In Russ.).

Раздел 3. Совершенствование правоохранительной практики

Научная специальность: 5.1.4

Технический аспект применения электронной подписи в уголовном судопроизводстве

Максим Рудольфович Глушков,

Санкт-Петербургская академия Следственного комитета Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия, glushkov.mr@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрен принцип технологии электронной подписи, показано, что ее основу составляет применение трех факторов аутентификации, реализуемых соответственно с помощью паролей (ПИН-кодов), токенов (смарт-карт) и биометрии, а также сквозное шифрование и участие удостоверяющих центров. В связи с этим делается вывод о том, что утверждение о тождестве рукописной и электронной подписей не соответствует действительности, а повсеместное применение современной и удобной технологии в уголовном судопроизводстве неизбежно будет сопряжено с рядом трудностей. Показана возможность удостоверения электронных документов посредством цифровой рукописной подписи, проставляемой на электронном планшете.

Ключевые слова: электронная подпись, удостоверяющий центр, фактор аутентификации, асимметричное шифрование, цифровая рукописная подпись, уголовное судопроизводство

Для цитирования: Глушков М.Р. Технический аспект применения электронной подписи в уголовном судопроизводстве // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2025. N 1 (71). С. 52-58.

Technical aspect of using the electronic signature in criminal proceedings

Maksim R. Glushkov,

St. Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia, glushkov.mr@mail.ru

Abstract. The article considers the principle of electronic signature technology. It is shown that this technology is based on the use of three authentication factors, implemented respectively through passwords (PIN codes), tokens (smart cards) and biometrics, as well as end-to-end encryption and the certification centers' participation. Therefore, it is concluded that the statement about the identity of the handwritten and electronic signatures does not correspond to reality, and the widespread application of the modern and convenient technology in criminal proceedings will inevitably pose a number of difficulties. The possibility of certifying the electronic documents via digital handwritten signature, affixed on electronic tablets, is shown.

Keywords: electronic signature, certification center, authentication factor, asymmetric encryption, digital handwritten signature, criminal proceedings

For citation: Glushkov M.R. Technical aspect of using the electronic signature in criminal proceedings // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2025. No. 1 (71). P. 52-58.

Внедрение информационных технологий в уголовное судопроизводство является одной из неотложных задач в области законодательной деятельности, а также задач, стоящих перед правоприменительными органами Российской Федерации. Бумажный формат ведения

уголовного судопроизводства отмечается сотрудниками следственных подразделений как фактор, существенно снижающий эффективность расследования [1, с. 97].

Одним из ключевых элементов информационных технологий является элек-

тронная подпись*, предназначенная для заверения документов, существующих в электронном виде. Правовой аспект ее применения представляет несомненный интерес, особенно учитывая наличие специального законодательства и изменения, внесенные в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации**.

Однако не менее актуальным является технический аспект электронной подписи. Авторы ряда научных статей о применении технических средств в уголовном судопроизводстве имеют (судя по текстам) поверхностные представления о принципах работы той или иной технологии, в том числе электронной подписи.

Как правило, исследователи, изучающие вопросы применения электронной подписи, являются сторонниками внедрения этого инструмента в уголовный процесс. Одни авторы ограничиваются предложениями общего характера: «потребуется регламентация применения квалифицированной электронной подписи» [2, с. 159], «необходимо широко применять электронную подпись» [3, с. 589] и т.д.

Другие высказываются конкретнее — о заверении такой подписью всех электронных документов, формируемых в уголовном деле, включая протоколы следственных действий [4, с. 1230; 5, с. 71].

* Название «электронная цифровая подпись» используется до сих пор, хотя в 2011 году был нормативно закреплён термин «электронная подпись». См.: Об электронной подписи: федер. закон от 6 апр. 2011 г. N 63-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. N 15. Ст. 2036. Данным нормативным правовым актом был отменен Федеральный закон от 10 января 2002 г. N 1-ФЗ «Об электронной цифровой подписи» (см.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. N 2. Ст. 127).

** Речь идет о Федеральном законе от 29 декабря 2022 г. N 610-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации», которым изменена ст. 474.1 (см.: Рос. газ. 2023. 10 янв.), и Федеральном законе от 25 декабря 2023 г. N 672-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации», которым введена ст. 474.2 (см.: Рос. газ. 2023. 29 дек.). В положениях обоих законов говорится о заверении электронных процессуальных документов усиленной квалифицированной электронной подписью.

Существует мнение о необходимости ставить электронную подпись на электронные образы протоколов [6, с. 77]. Некоторые авторы особо выделяют возможность подачи заявления о преступлении в электронном виде с условием подписания его электронной подписью [7, с. 128].

Представляется целесообразным проанализировать обоснованность этих предложений, а также определить виды электронной подписи. Прежде всего необходимо уточнить понятие электронной подписи. В большинстве случаев ее позиционируют как аналог собственноручной подписи, что не соответствует действительности и, вероятно, вызвано стремлением удостоверяющих центров и кредитных учреждений (именно на их сайтах чаще всего описываются преимущества и принципы работы электронной подписи) привлечь максимальное количество клиентов, убедив их в отсутствии технических сложностей.

Следует отметить, что личная рукописная подпись человека основана на индивидуальном для каждого человека стереотипе движений пишущего прибора, а электронная, как правило, — на наличии у него некой информации (пароля) и (или) предмета, например токена. Все три перечисленных способа аутентификации принципиально отличаются по своей природе и ни о каких «полных аналогах», «равноценных заменах», «абсолютном тождестве» речи не идет.

Российским законодательством предусмотрено три вида электронной подписи — простая, усиленная неквалифицированная и усиленная квалифицированная. Определения этих понятий содержатся в ст. 5 Федерального закона от 6 апреля 2011 г. N 63-ФЗ «Об электронной подписи».

Простая подпись посредством «кодов, паролей или иных средств» подтверждает факт подписания документа определенным лицом. Коды и пароли являются первым фактором аутентификации (он описывается формулой «я знаю») — предполагается, что они известны лишь уполномоченным лицам, обеспечивающим секретность сведений, и поэтому информация, для формирования которой требуется пароль, создана именно таким лицом. Данная аутентификация повсеместно распространена — по паролям заходят

в социальные сети, мобильные банки, интернет-магазины, личные кабинеты, в том числе портала государственных услуг Российской Федерации; ПИН-коды вводят в банкоматах, на кассах магазинов и т.д.

Аутентификацию следует отличать от идентификации, которая представляет собой отождествление объекта, его распознавание, и в случае с документом реализуется через отдельные его реквизиты. Это, как правило, вид и название документа, наименование издавшего органа или лица, а также номер и дата. В качестве примеров следует привести приказ Следственного комитета Российской Федерации от 15 января 2011 г. N 7 «О вежливом и внимательном отношении сотрудников Следственного комитета Российской Федерации к гражданам»* или постановление следователя от 20 февраля 2024 г. о прекращении уголовного дела N 029339, в котором целям идентификации служит номер не самого документа, а связанного с ним объекта — уголовного дела. В обоих случаях очевидно, о каком документе идет речь, и существует возможность выбрать его из множества остальных.

Аутентификация реализуется через другие реквизиты — для бумажных документов это подпись и печать. Их чернила пропитывают волокна целлюлозы, из которых изготовлен лист бумаги, вследствие чего оба реквизита неотделимы от него и (при условии их высокой уникальности) гарантируют его подлинность. Другими словами, подпись и печать фактически защищают от подмены бумажный носитель и опосредованно — размещенный на нем текст (если исключена возможность дописать или допечатать слова).

Иные средства, подтверждающие факт подписания документа определенным лицом, могут быть различными, в том числе технически сложными. Их главная задача — также «привязать» лицо к документу. При этом используются другие факторы аутентификации. Второй фактор («я владею») — это предмет, *обладание* которым подтверждает полномочия. Им может быть токен (USB-флеш-накопитель, содержащий секретную информацию), смарт-

карта (носитель информации, вставляемый в гаджет; ее частным случаем являются сим-карты сотовых телефонов, на которые приходит пароль) и любой другой носитель.

Третий фактор («я являюсь») — это *биометрические* данные человека, индивидуализирующие его, такие как голос, сетчатка глаза, черты лица, отпечаток пальца. Для того чтобы их задействовать, применяют специальные сканеры и распознаватели. У каждого фактора имеются свои «уязвимости» (пароль может быть узнан, токен — украден, папиллярный узор — подделан), поэтому для повышения достоверности их применяют в сочетании друг с другом — в процедурах двух- или трехфакторной аутентификации.

Неквалифицированная электронная подпись тоже может быть технически реализована по-разному, главное ее отличие — она должна быть получена «в результате криптографического преобразования информации», то есть шифрованием.

Современные подписи работают на алгоритмах асимметричного шифрования, первым и самым распространенным среди которых является RSA**. Суть данного алгоритма состоит в том, что исходное сообщение кодируется с помощью закрытого ключа. Это число в несколько сотен или тысяч разрядов. Сообщение может быть расшифровано только открытым ключом, который тесно связан с закрытым, поскольку тот вычислен из него по определенной формуле, включающей секретные компоненты. В связи с этим, зная открытый ключ, невозможно найти закрытый. Ключи соответствуют названиям — закрытый хранится отправителем в тайне, а открытый доступен для всех желающих.

Сгенерировать такие ключи теоретически может компьютерная фирма или опытный программист. При наличии у контрагентов договоренности они вправе в своей электронной переписке ограничиться неквалифицированным подписанием документов. Так же можно поступить

* Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

** Алгоритм создан Р. Ривестом, А. Шамиром и Л. Адлеманом, которые опубликовали его в 1977 году.

при организации внутреннего документооборота учреждения.

Процедура шифрования хотя и многократно усложняет работу с документом, но обеспечивает ему важное свойство — появляется гарантия того, что содержание документа не менялось с момента подписания (п. 3 ч. 3 ст. 5 Федерального закона от 6 апреля 2011 г. N 63-ФЗ «Об электронной подписи»). Простая электронная подпись может гарантировать лишь авторство (ч. 2 ст. 5 Федерального закона «Об электронной подписи»).

Однако чтобы документ порождал правовые последствия, он должен быть подписан **квалифицированной электронной подписью**. Вне зависимости от степени надежности алгоритма шифрования он остается уязвимым для атаки *man-in-the-middle* (человек посередине). Злоумышленник может вступить в коммуникацию с корреспондентами, выдавая себя первому из них за второго, и наоборот. Например, некто Мюллер пишет Алексу, представившись Юстасом, и просит открытый ключ. Тот, поверив, высылает ключ, после чего между ними начинается кодированная переписка. Точно так же, написав Юстасу, Мюллер становится посредником между корреспондентами, которые думают, что общаются напрямую. При такой угрозе становится необходимым подтверждение того, что отправитель или получатель сообщения — именно тот, за кого себя выдает.

Эта задача решается введением в процесс третьего лица, которое заслужи-

вает доверия. Именно оно должно подтвердить Алексу, что поступивший к нему документ за подписью Юстаса отправлен Юстасом и никем иным. Этими третьими лицами являются удостоверяющие центры.

Клиент (предприниматель или физическое лицо), обращаясь в удостоверяющий центр за получением электронной подписи, предъявляет документы, удостоверяющие личность. После этого центр генерирует пару ключей. Закрытый ключ записывается на какой-либо носитель (токен, смарт-карту, флеш-карту) и выдается соискателю. Открытый ключ записывается в сертификат вместе с установочными данными владельца, сроком действия и другой информацией и тоже вручается соискателю. Если сертификат бумажный, то на нем ставится обычная подпись, которая заверяется печатью удостоверяющего центра. Электронный сертификат снабжается электронной подписью удостоверяющего центра. В любом случае этот документ подтверждает, что указанный в нем открытый ключ принадлежит конкретному владельцу. Кроме того, соискателю выдается необходимое программное обеспечение (так называемый криптопровайдер) для установки на компьютер и организации рабочего места сотрудника, уполномоченного на работу с квалифицированной электронной подписью.

Если этому сотруднику необходимо подписать документ, то он вставляет в свой компьютер носитель с закрытым ключом и запускает криптопровайдер, который кодирует данные, обращаясь при этом к ключу.

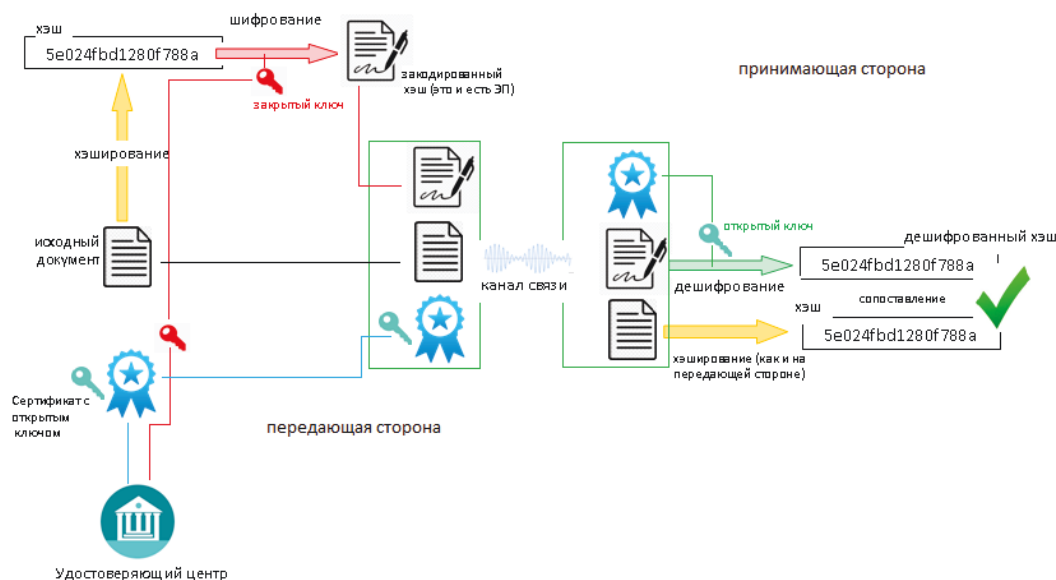

Рис. Принцип действия квалифицированной электронной подписи

Документ может быть очень большим, поэтому принято кодировать не его, а хэш данного документа. Хэш-функция — это преобразование исходных данных по некоторому алгоритму в код определенной длины, например 256 бит (в частности, в биткойне применяется хэширование именно по такому алгоритму — SHA-256). Причем этот алгоритм таков, что конечный код:

а) уникален (вероятность получить одинаковый хэш для двух разных исходных файлов близка к нулю);

б) неизменен;

в) исключает возможность получения входных данных, даже если известен сам алгоритм (хэширование — частный случай односторонней функции*).

Закодированный хэш сообщения (это и есть электронная подпись) прилагается к самому документу, к ним добавляется сертификат и все вместе это направляется адресату, который хэширует полученный документ по оговоренному алгоритму и декодирует открытым ключом из сертификата поступивший хэш. Если эти два хэша (полученный из сообщения и расшифрованный) совпали, то документ не изменялся с момента его подписания электронной подписью (см. рис.).

При этом получатель должен убедиться, что сертификат действующий (обычно он выдается сроком на один год, поскольку существует вероятность взлома шифра и пользоваться одним и тем же сертификатом в течение длительного времени небезопасно). Важно отметить, что сертификат удостоверяющего центра гарантирует следующее: если сообщение получилось расшифровать указанным там

* Это функция, для которой вычислить ее значение по аргументу легко (как в случае смешения красок), но обратная задача — найти x по известному $y = f(x)$ (то есть разделить краски) — практически нерешаема. Широко известно в качестве односторонней функции произведение больших простых чисел. Например, несложно разложить на простые множители число 360 — оно делится на два (частное составит 180), потом еще на два (частное — 90) и так далее: $2 \times 2 \times 2 \times 3 \times 3 \times 5 = 360$. Но уже число 361 на два не делится, на три — тоже, на пять, семь... не делится. Только дойдя до девятнадцати, получается, что $19 \times 19 = 361$. Задача значительно усложнится, если в расчете участвуют числа, занимающие не 2-3 разряда, а 200-300.

открытым ключом, это означает, что оно было зашифровано указанным там же лицом, поскольку закрытый ключ (использованный для кодирования), парный этому открытому, есть только у него — удостоверяющий центр может за это поручиться, так как сам генерировал ключи.

Таким образом, электронная подпись не является аналогом обычной подписи, это технология, требующая специального программного и аппаратного обеспечения, а также ряда достоверительных процедур и документов.

В последние годы получило развитие подписание электронных документов цифровой рукописной подписью, которая представляет собой сочетание личной рукописной подписи человека и электронной, — она проставляется стилусом на **электронном планшете**. Производители предлагают также альтернативу в виде монитора для подписи — он раза в полтора дороже и представляет собой экран компьютера, на котором, помимо основной работы, можно поставить автограф (в то время как планшет отображает лишь поле для подписи).

Планшет фиксирует не только сформированное изображение в виде автографа, но и множество (в некоторых моделях — десятки) биометрических характеристик автора, таких как скорость написания, давление пера, угол его наклона, вибрация и другие. Это позволяет аутентифицировать рукопись с высокой достоверностью — можно подделать визуальный рисунок подписи**, но не способ написания ее человеком.

Такая точность обусловлена тем, что планшеты оснащены особо чувствительными датчиками, например, нажим пишущего прибора они фиксируют с точностью в сотни уровней (в частности, для модели Wacom STU-540 чувствительность составляет 1024 уровня)***.

** Это один из главных недостатков рукописной подписи — она существует самостоятельно и открыто, что дает злоумышленнику возможность подделать ее, ознакомившись предварительно с оригиналом на каком-либо ином документе автора.

*** Wacom: официальный сайт. URL: <https://www.wacom.com/>

На протяжении нескольких лет для решения вопроса о тождестве подписи используются возможности так называемых нейросетей [8, с. 682; 9, с. 5-6]. Следует, однако, отметить, что технические достижения применяются и в противоправных целях. Например, утверждается, что «рукописные подписи, подделанные искусственным интеллектом, ближе, чем мы думаем»*.

Технически подписание на планшете происходит следующим образом. Компьютер, на котором находится электронный документ, предварительно оснащается программным обеспечением, работающим с цифровой рукописной подписью и поставляемым производителем вместе с планшетом. Планшет подключается к компьютеру через USB-порт и работает как обычное внешнее устройство. Когда документ готов к подписанию, он выводится на печать, но вместо принтера в диалоговом окне выбирается планшет. Пользователь отмечает на документе область, в которой будет поставлена подпись. Далее планшет, принимая сигналы с датчиков, формирует из них цифровой код — это и есть оцифрованная подпись, содержащая множество биометрических характеристик подписанта.

Главной проблемой цифровой рукописной подписи является ее «отчуждаемость» — будучи выполнена на планшете, она превращается в код, который теоретически может быть вставлен потом в какой-то иной документ. Производители, однако, гарантируют (для наиболее совершенных моделей), что подпись будет «привязана» к документу и нигде, кроме него, применяться не сможет. Это достигается использованием «технической» цифровой подписи.

Информации о распространении цифровой рукописной подписи в Российской Федерации автором настоящей статьи не обнаружено (не считая технической стороны вопроса — устройства и программное обеспечение в России применяются). Вместе с тем в сопредельных государствах цифровая рукописная подпись получила заслуженное признание.

Например, постановлением Правления Национального банка Республики Беларусь от 19 февраля 2018 г. N 65 закреплено решение о внедрении цифровой рукописной подписи как нового способа подписания (подтверждения) документа в электронном виде**.

Комиссия, образованная из сотрудников центрального аппарата Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь (управления экспертиз документов, денежных знаков и почерка главного управления криминалистических экспертиз), провела апробацию планшета Signotec Delta и программ SignoSign2, RSA Verifier, eSig Analyze (производства Signotec GmbH, Германия). По итогам апробации сделан вывод о возможности использования этих программного и аппаратного продуктов в судебно-экспертной деятельности при проведении почерковедческих экспертиз цифровых рукописных биометрических подписей, выполненных на планшетах Signotec***.

Электронный документооборот в уголовном судопроизводстве Республики Казахстан реализуется, в частности, посредством цифровой рукописной подписи, выполняемой на электронных планшетах. При этом используются устройства производства фирмы Wacom, в связи с чем в 2019 году в Реестр методик судебно-экспертного исследования внесена «Методика комплексного исследования подписи, выполненной с помощью графического планшета со стилусом Wacom» [10, с. 236].

Изложенное выше дает основания считать именно цифровую рукописную подпись аналогом личной рукописной подписи человека. В связи с этим в уголовном процессе, где значительная доля документов (протоколов, постановлений, расписок, обязательств и т.д.) требует подписи гражданина, она является более предпочтительной по сравнению с электронной, которая имеется у немногих участников судопроизводства.

** Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. URL: <https://pravo.by/>

*** См.: Графическая подпись в электронных документах в судебно-экспертной деятельности // Автоматизированные системы распознавания: сайт. URL: <https://bio-metria.ru/>

* Рукописные подписи, подделанные искусственным интеллектом, ближе, чем мы думаем // Playground: сайт. URL: <https://www.playground.ru/>

Список источников

1. Антонов И.А., Глушков М.Р. Актуальные проблемы следственной деятельности, требующие научного обеспечения: аналитический обзор // Правда и закон. 2022. N 2. С. 83-107.
2. Макарова О.В. Совершенствование судопроизводства путем внедрения электронной формы уголовного дела // Журнал российского права. 2019. N 2. С. 159-168.
3. Зуев С.В., Никитин Е.В. Информационные технологии в решении уголовно-процессуальных проблем // Всероссийский криминологический журнал. 2017. Т. 11. N 3. С. 587-595.
4. Халиуллин А.И. Электронная подпись в уголовном процессе России // Актуальные проблемы российского права. 2014. N 6. С. 1228-1231.
5. Воробьев Д.Н. Совершенствование предварительного следствия в условиях информатизации // Совершенствование следственной деятельности в условиях информатизации: сборник материалов науч.-практ. конф., Минск, 12-13 апреля 2018 г. Минск: Промышленно-торговое право, 2018. С. 68-72.
6. Гайдученок В.А. О некоторых аспектах подписания документов в электронном виде // Совершенствование следственной деятельности в условиях информатизации: сборник материалов науч.-практ. конф., Минск, 12-13 апреля 2018 г. Минск: Промышленно-торговое право, 2018. С. 73-78.
7. Колосович М.С., Колосович О.С. Электронная форма заявления как повод для возбуждения уголовного дела // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2011. N 3. С. 124-130.
8. Дикий Д.И., Артемьева В.Д. Исследование применимости искусственных нейронных сетей для верификации пользователей по динамике почерка // Научно-технический вестник информационных технологий, механики и оптики. 2017. Т. 17. N 4. С. 677-684.
9. Ложников П.С. Методология защиты смешанного документооборота на основе многофакторной биометрической аутентификации: автореферат дис. ... д-ра техн. наук: 05.13.19. Омск, 2019. 32 с.
10. Абайұлы К.Ж. О некоторых юридических и технических вопросах применения электронных (цифровых) подписей в Республике Казахстан // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. 2020. N 3. С. 228-238.

References

1. Antonov I.A., Glushkov M.R. Actual problems of investigative activity requiring scientific support: an analytical review. Truth and Law, 2022, no. 2, pp. 83-107. (In Russ.).
2. Makarova O.V. Improving judicial proceedings by introducing an electronic form of criminal proceedings. Journal of Russian Law, 2019, no. 2, pp. 159-168. (In Russ.).
3. Zuev S.V., Nikitin E.V. Information technologies in solving criminal procedural problems. All-Russian Journal of Criminology, 2017, vol. 11, no. 3, pp. 587-595. (In Russ.).
4. Khaliullin A.I. Electronic signature in the criminal process of Russia. Actual problems of Russian law, 2014, no. 6, pp. 1228-1231. (In Russ.).
5. Vorob'ev D.N. Improvement of the preliminary investigation in the conditions of informatization. Improving investigative activities in the context of informatization. Minsk, Industrial and Commercial Law Publ., 2018. Pp. 68-72. (In Russ.).
6. Gayduchenok V.A. On some aspects of signing documents in electronic form. Improving investigative activities in the context of informatization. Minsk, Industrial and Commercial Law Publ., 2018. Pp. 73-78. (In Russ.).
7. Kolosovich M.S., Kolosovich O.S. Electronic application form as a reason to initiate criminal proceedings. Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2011, no. 3, pp. 124-130. (In Russ.).
8. Dikiy D.I., Artem'eva V.D. A study of the applicability of artificial neural networks for user verification based on handwriting dynamics. Scientific and Technical Bulletin of Information Technologies, Mechanics and Optics, 2017, vol. 17, no. 4, pp. 677-684. (In Russ.).
9. Lozhnikov P.S. Methodology of protection of mixed document management based on multifactorial biometric authentication. Autoabstract Doct. Diss. Omsk, 2019. 32 p. (In Russ.).
10. Abayuly K.Zh. On some legal and technical issues of the use of electronic (digital) signatures in the Republic of Kazakhstan. Bulletin of the Institute of Legislation and Legal Information of the Republic of Kazakhstan, 2020, no. 3, pp. 228-238. (In Russ.).

Раздел 4. Проблемы юридической науки и правоохранительной практики: взгляд молодых исследователей

Научная специальность: 5.1.4

Перспективы применения технологий искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве

Егор Александрович Веревошников,

Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), Москва, Россия, egorverev@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена вопросу применения технологий искусственного интеллекта в рамках уголовного судопроизводства. Необходимость использования данных технологий обусловлена экстенсивным и интенсивным развитием науки и техники, результаты которого проникают не только в социально значимые сферы жизни, но и в противоправную деятельность. Проблемы применения технологий искусственного интеллекта носят как теоретический, так и практический характер, в связи с чем возникает необходимость в комплексном исследовании данного вопроса, а также поиске оптимальных способов и форм реализации указанных технологий в рамках уголовного судопроизводства. Учет результатов такого исследования может способствовать повышению качества предварительного расследования, а также снижению нагрузки на судебную систему.

Ключевые слова: уголовный процесс, уголовное судопроизводство, искусственный интеллект, технологии искусственного интеллекта, оценка доказательств

Для цитирования: Веревошников Е.А. Перспективы применения технологий искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2025. N 1 (71). С. 59-67.

Prospects of applying the artificial intelligence technologies in criminal proceedings

Egor A. Verevoshnikov,

All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of the Russian Federation), Moscow, Russia, egorverev@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the issue of applying the artificial intelligence technologies in criminal proceedings. The need to apply these technologies is due to the significant extensive and intensive development of science and technology, the results of which penetrate not only into socially useful spheres, but also into illegal activities. The problems of applying the artificial intelligence technologies are both theoretical and practical, and therefore there is a need for a comprehensive study of this issue, as well as for searching the optimal methods and forms of implementing these technologies in criminal proceedings. The result of such a study can have a positive impact on the quality of the preliminary investigation and can reduce the burden on the judicial system.

Keywords: criminal procedure, criminal proceedings, artificial intelligence, artificial intelligence technologies, evaluation of evidence

For citation: Verevoshnikov E.A. Prospects of applying the artificial intelligence technologies in criminal proceedings // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2025. No. 1 (71). P. 59-67.

Введение

Активная цифровизация всех сфер общественных отношений неразрывно связана с внедрением различных инфор-

мационных систем и их отдельных элементов в структуру данных отношений. Особенностью рассматриваемого направления развития является создание и вне-

дение в действие цифровых инструментов, способных осуществлять аналитические и когнитивные функции, в том числе выявление закономерностей, реализация которых ранее была возможна только человеком. К подобным технологиям современная теория относит искусственный интеллект.

В Российской Федерации действующее законодательство в целом и уголовно-процессуальное в частности в данный момент не содержит положений, прямо регламентирующих применение технологий искусственного интеллекта, однако отсутствует и запрет на их использование при условии соблюдения иных норм.

Значимость данного вопроса подтверждается наличием как в науке, так и на практике острой дискуссии относительно применения технологий искусственного интеллекта в рамках уголовного судопроизводства.

Актуальность вопроса находит свое отражение в актах Президента Российской Федерации. В частности, в соответствии с п. 9 перечня поручений Президента Российской Федерации от 14 января 2024 г. N Пр-64 Верховному Суду Российской Федерации совместно с Генеральной прокуратурой Российской Федерации, Следственным комитетом Российской Федерации, МВД России и Минюстом России было рекомендовано проанализировать практику применения технологий искусственного интеллекта при расследовании преступлений и при необходимости представить предложения по ее совершенствованию*.

В настоящей статье анализируется правовая основа применения технологий искусственного интеллекта, а также рассматриваются возможные формы и виды применения таких технологий в рамках уголовного судопроизводства.

Основная часть

Начать рассмотрение вопроса перспектив применения технологий искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве целесообразно с определе-

ния понятий «искусственный интеллект» и «технологии искусственного интеллекта». Легальные дефиниции данных понятий приведены в Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. N 490** (далее – Национальная стратегия).

Согласно Национальной стратегии искусственный интеллект – это «...комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека или превосходящие их», а технологии искусственного интеллекта – это «...совокупность технологий, включающая в себя компьютерное зрение, обработку естественного языка, распознавание и синтез речи, интеллектуальную поддержку принятия решений и перспективные методы искусственного интеллекта».

В.Н. Синельникова и О.В. Ревинский так раскрывают сущность искусственного интеллекта: «Искусственный интеллект – это компьютерная программа, созданная человеком и способная создавать новую информацию или выраженные объективно результаты своей деятельности» [1, с. 18-19]. Кроме того, Д.В. Бахтеев указывает: «Под искусственным интеллектом понимают компьютерные программы, программные комплексы, способные не просто действовать по заранее заданному алгоритму, но и реализовывать такие имманентные человеку творческие функции» [2, с. 43].

При этом часть ученых отмечает, что «...когнитивные функции, которые, по определению, призваны имитировать искусственный интеллект, используются человеком в его конструктивной активности, то есть при решении возникающих перед ним проблем» [3, с. 92]. В связи с этим различные направления развития искусственного интеллекта классифицируются в качестве технологий искусственного интеллекта, которые, в свою очередь, состоят из «машин-

* Перечень поручений по итогам заседания Совета по развитию гражданского общества и правам человека // Президент России: официальный сайт: URL: <http://www.kremlin.ru/>

** Собр. законодательства Рос. Федерации. 2019. N 41. Ст. 5700.

ного обучения, компьютерного зрения, обработки естественного языка, экспертных систем и распознавания речи» [4, с. 429]. Приведенная классификация является условной и призвана подтвердить возможность развития технологий искусственного интеллекта в различных направлениях. Аналогичная классификация приведена в Национальной стратегии.

Искусственный интеллект как концепция охватывает широкий спектр подходов, направленных на создание систем, способных выполнять задачи, требующие интеллектуальных усилий, ассоциируемых с человеческим мышлением. Сущность такого понятия, как «искусственный интеллект», включает в себя как теоретические, так и практические аспекты. Кроме того, технологии искусственного интеллекта предполагают практическое применение теории и алгоритмов искусственного интеллекта. Данный термин носит более узкий и специализированный характер, в связи с чем можно сделать следующий вывод: технологии искусственного интеллекта — это инструментальные средства, с помощью которых осуществляется работа и практическая реализация концепций искусственного интеллекта. Такие технологии представляют собой прикладные решения, которые позволяют интегрировать возможности искусственного интеллекта в реальные системы и процессы.

В целях наиболее полного понимания сути рассматриваемого вопроса необходимо также провести разграничение технологий искусственного интеллекта и существующих программных, аппаратно-программных комплексов (далее — АПК). Процесс принятия решений АПК обусловлен конкретными алгоритмами, принятие собственных решений исключено, в то время как технологии искусственного интеллекта основываются на принципе машинного обучения, посредством которого информационные системы способны самостоятельно выявлять закономерности и находить решения. Целесообразно отметить, что отдельные элементы технологий искусственного интеллекта могут интегрироваться в систему уже существующих АПК. В качестве примера следует привести включение в 2020 году в городе Москве модуля видео-

аналитики «Парсив» ГИС «ЕЦХД»* в архитектуру АПК «Безопасный город» [5, с. 179].

Современная теория определяет три основных подхода к пониманию роли технологий искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве. Первый подход обозначает проектируемую роль и место технологий искусственного интеллекта как полноценного участника уголовно-процессуальной деятельности наравне с иными [6]. Однако вопрос их правосубъектности остается крайне дискуссионным.

Второй подход устанавливает место технологий искусственного интеллекта в качестве вспомогательного при реализации полномочий участниками уголовного судопроизводства [7, с. 469-470]. Рассматриваемый подход представляется перспективным в связи с отсутствием нарушения принципа непосредственности предварительного расследования и судебного разбирательства.

Согласно третьему подходу технологии искусственного интеллекта относятся к категории технических средств, выполняющих отдельные виды деятельности, не связанные с доказыванием [8, с. 32].

Следует поддержать подход, определяющий роль и место технологий искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве в качестве вспомогательного средства, без участия в процессе доказывания. Существующие решения способны выполнять вспомогательные функции в деятельности участников уголовно-процессуальных правоотношений. Например, обобщать и формировать проекты ответов на обращения граждан, что было продемонстрировано в ходе прямой линии с Владимиром Путиным**, а также осуществлять юридико-технический и лингвистический контроль проектов процессуальных документов. Возможным также представляется их применение в качестве средств автоматизации, примеры которых будут приведены ниже.

Безусловно, существует возможность применения технологий искусственного

* Государственная информационная система «Единый центр хранения и обработки данных».

** Путин оценил работу ИИ при обработке вопросов к прямой линии // РИА Новости: сайт. URL: <https://ria.ru/>

интеллекта в качестве инструмента, реализующего функции вспомогательного характера в рамках полномочий лица, ведущего производство по делу. Однако данный подход потребует разработки специализированного программного и (или) аппаратно-программного обеспечения, его апробирования, а также обучения сотрудников его применению. Концептуально данный подход поддерживается при условии достижения вышеназванных целей.

Возможность применения технологий искусственного интеллекта необходимо оценить и через призму законодательных положений. В связи с научно-техническим характером таких технологий целесообразно начать рассмотрение с вопроса применения технических средств в уголовном судопроизводстве. Легальная дефиниция технических средств в настоящий момент отсутствует. Однако многие ученые представляют собственное определение данного понятия. Например, Р.С. Белкин технические средства делит на следующие группы: «...средства, специально изготовленные для криминалистических целей, приспособленные для названных целей и применяемые без дополнительной переделки или приспособления» [9, с. 62]. А.Е. Федюнин определяет технические средства как «совокупность... приборов, устройств, приспособлений, программных продуктов, применяемых участниками уголовного процесса в целях обеспечения производства процессуальных действий, собирания, проверки и оценки доказательств» [10, с. 69]. З.Ф. Аминева отмечает, что «техническими средствами в общем смысле можно назвать совокупность устройств, приспособлений, созданных человеком для реализации задач в определенной деятельности» [11, с. 138].

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее — УПК РФ) содержит ряд положений, регламентирующих возможность применения технических средств в рамках уголовного судопроизводства. Например, ст. 58 УПК РФ закрепляет за специалистом право на применение технических средств. Часть 6 ст. 164 УПК РФ допускает применение в ходе следственных действий технических средств и способов обнаружения, фиксации и изъятия следов преступления

и вещественных доказательств. Статья 170 УПК РФ предписывает применение технических средств в случае проведения ряда следственных действий без участия понятых. Таким образом, действующее правовое регулирование не содержит запрета на применение технологий искусственного интеллекта. Однако при рассмотрении данного вопроса необходимо обратиться к некоторым нормам, регламентирующим институт доказывания. В частности, ст. 17 УПК РФ предписывает суду, присяжным заседателям, прокурору, следователю и дознавателю проводить оценку доказательств по своему внутреннему убеждению. Статья 74 УПК РФ относит к компетенции суда, прокурора, следователя и дознавателя определение наличия или отсутствия обстоятельств, подлежащих доказыванию. В связи с этим технологии искусственного интеллекта не могут быть применены во всех сферах уголовно-процессуальных правоотношений и не могут в настоящий момент выполнять роль участника уголовного судопроизводства.

В рамках теории следует учитывать особенности машинного обучения, за счет которого становится возможным выявление закономерностей построения алгоритмов, а также подготовка результатов [12, с. 86], которые заключаются в необходимости достаточного количества релевантного и репрезентативного набора данных для подготовки наиболее полного и непредвзятого ответа, а также отсутствие прозрачности в принятии решения [13, с. 92].

По мнению ряда ученых, существуют достаточно конкретные риски, связанные с применением технологий искусственного интеллекта в качестве полноценного участника уголовного судопроизводства. Например, И.А. Гилев и Е.В. Трапезникова отмечают: «риски принятия искусственным интеллектом неверных решений в связи с его обучением на некорректных примерах» [14, с. 18]. Д.А. Пашенцев и К.С. Новикова излагают аналогичную точку зрения, указывая, что технологии искусственного интеллекта не обладают возможностью нравственной оценки обстоятельств уголовного дела, а также обозначают отсутствие у искусственного интеллекта таких категорий, как самоанализ, самоконтроль и чувство ответственности [15, с. 201].

В Национальной стратегии также отмечается сложность интерпретации алгоритма принятия решения искусственным интеллектом. В связи с этим принятие им процессуальных решений способно не только нарушить принцип непосредственности исследования доказательств, но и ограничить право на защиту, поскольку даже в случае предоставления доступа к алгоритму таких технологий его детальный анализ потребует специальных познаний и компетенции, а также займет много времени, что, в свою очередь, при предоставлении достаточного количества времени для ознакомления с данным решением и апелляции способно породить ситуации, при которых лица могут злоупотреблять правом на защиту путем «затягивания» процессуальных сроков.

Целесообразным представляется применение технологий искусственного интеллекта в целях автоматизации отдельных элементов деятельности участников уголовного судопроизводства путем поиска необходимой информации, ее анализа, а также подготовки проектов различных документов. Перспективными направлениями развития технологий искусственного интеллекта представляются проверка проектов процессуальных документов на соответствие формальным требованиям законодательства, возможность интеллектуального поиска правоприменительной практики, подготовка проектов ответов на обращения граждан, системы перевода речевой и рукописной информации в машиночитаемый вид и др. Применение технологий искусственного интеллекта в предлагаемом формате возможно уже на современном этапе как с точки зрения требований законодательства, так и с учетом существующих технологий.

В качестве следующей ступени развития технологий искусственного интеллекта возможно рассмотреть их применение в рамках содействия профессиональной деятельности лиц, ведущих производство по делу. Однако практическая реализация данной концепции может потребовать внесения корреспондирующих изменений в уголовно-процессуальное законодательство. Одной из возможных форм таких изменений является проведение эксперимента. Следует отметить, что подобная практика не является новой для правового пространства

Российской Федерации: например, она реализуется в рамках Федерального закона от 24 апреля 2020 г. N 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации — городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона “О персональных данных”»*. Возможное введение режима эксперимента обосновывается как содержательной сложностью вопроса внедрения технологий искусственного интеллекта в практическую деятельность, так и его новизной. Кроме того, целесообразно рассмотреть вопрос о специфических требованиях к защите информации в сфере уголовного судопроизводства, таких как тайна следствия, тайна совещания судей и иные виды тайн, о лицах, уполномоченных на применение технологий искусственного интеллекта.

Представляется, что концептуальный подход к применению технологий искусственного интеллекта в рамках уголовного судопроизводства заключается в максимальной автоматизации рутинных задач, которые нередко отнимают много времени, а также оптимизации работы следователей, прокуроров и судей. При этом оптимизация выражается не в сокращении самой работы или ее полной передаче искусственному интеллекту, а в перераспределении сил и времени на более трудоемкие направления деятельности. Руководящую роль в уголовном судопроизводстве в настоящий момент в любом случае играет человек в силу положений действующего законодательства, регламентирующего институт доказывания, который закрепляет особый ряд полномочий именно за человеком. Однако вопросы пределов применения и этики использования технологий искусственного интеллекта нуждаются в дальнейшей теоретической и практической проработке.

На современном этапе развития науки и техники уже разработаны и применяются различные формы и виды технологий искусственного интеллекта как в рамках пред-

* Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. N 17. Ст. 2701.

варительного расследования, так и при от-
правлении правосудия. В качестве примера
можно рассмотреть практику автоматиза-
ции протоколирования судебных заседаний,
реализованную Арбитражным судом города
Москвы посредством применения техноло-
гий искусственного интеллекта*. Как следует
из письма председателя суда В.В. Панкрато-
ва, система группового стенографирования
и текстовой расшифровки стенограмм в ре-
жиме реального времени и в отложенном
режиме «Нестор» прошла успешную апро-
бацию в ряде органов государственной вла-
сти, обладает необходимыми сертификата-
ми и лицензиями и успешно применяется
для указанных целей.

Помимо этого, ректор Московской
академии Следственного комитета име-
ни А.Я. Сухарева А.А. Бессонов отмечает:
«...технологии искусственного интеллекта
уже несколько лет используются при рас-
следовании преступлений, и изучение это-
го опыта позволило выявить как основные
ограничения для использования этих тех-
нологий, так и их преимущества. В част-
ности, высокий потенциал в обработке
больших объемов информации (Big Data),
высокую вычислительную скорость, воз-
можность работать с цифровыми следами
преступлений и в целом с информацией в
цифровом формате, способность выявле-
ния как явных, так и неочевидных законо-
мерностей в данных, представляющих пре-
ступное деяние как явление окружающего
мира, недоступных иным методам работы
с информацией»**.

Другие органы государственной вла-
сти также имеют положительный опыт,
связанный с использованием технологий
искусственного интеллекта. В частности,
Министерством юстиции Российской Фе-
дерации в 2020 году была разработана
система, «...которая позволяет проводить с
применением технологии искусственного
интеллекта анализ нормативных правовых

актов, поступающих в Минюст на реги-
страцию или правовую экспертизу»***.

Кроме того, возможно обратиться
и к международному опыту. Например, в
рамках прошедшей в июне 2024 г. встречи
руководителей прокурорских служб стран
БРИКС представители Китайской Народ-
ной Республики сообщили о создании
системы «Искусственный интеллект про-
курора», которая способна оценить на-
личие состава преступления по наиболее
распространенным преступлениям, таким
как кража, мошенничество с кредитными
картами, опасное вождение, после чего
предъявить обвинение с точностью до
97 % [16, с. 29].

Вместе с тем имеются не только по-
ложительные примеры, но и негативные.
А.И. Зазулиным в рамках рассмотрения
различных аспектов цифровизации права
делается вывод об излишнем доверии к
результатам работы цифровых систем, в
том числе с применением технологий ис-
кусственного интеллекта, и приводится
пример сбоя программного обеспечения,
произошедшего в Дании в 2019 году и
приведшего к пересмотру 10 700 пригово-
ров суда [17, с. 9].

При рассмотрении вопроса о пер-
спективах внедрения технологий искус-
ственного интеллекта в систему уголовно-
го судопроизводства нельзя не упомянуть
о современных тенденциях развития за-
конодательства об информации, а имен-
но укреплении суверенитета Российской
Федерации в информационном простран-
стве, формировании безопасной среды
обмена достоверной информацией, повы-
шении защищенности информационной
инфраструктуры Российской Федерации, а
также снижении количества утечек инфор-
мации ограниченного доступа. Эти тенден-
ции обусловлены, в частности, статисти-
ческой информацией. Например, по данным
МВД России, каждое третье преступление
совершается с использованием инфор-
мационно-телекоммуникационных техноло-
гий****. Количество зарегистрированных

* Отзыв о сотрудничестве суда с ООО «Центр
речевых технологий» // Группа ЦРТ: сайт.
URL: <https://www.speechpro.ru/>

** Ректор Московской академии СК России
имени А.Я. Сухарева выступил с докладом на
Международном технологическом конгрессе //
Следственный комитет Российской Федерации:
официальный сайт. URL: <https://sledcom.ru/>

*** Минюст внедрит искусственный интеллект
для анализа нормативных актов // ТАСС: Ново-
сти в России и мире: сайт. URL: <https://tass.ru/>

**** Краткая характеристика состояния пре-
ступности в Российской Федерации за январь
– декабрь 2023 года // МВД России: офици-
альный сайт. URL: <https://мвд.рф/>

преступлений в рамках указанной сферы в 2023 году по сравнению с 2022 годом возросло на 29,7 %. Данные обстоятельства также должны учитываться как в рамках развития теоретических положений, так и в рамках практической реализации рассматриваемого вопроса.

Заключение

На основании вышеизложенного можно сформулировать следующие выводы. Активная цифровизация всех сфер жизнедеятельности человека, экстенсивное и интенсивное развитие науки и техники безусловно создают все необходимые предпосылки для создания и введения в действие отдельных технологий искусственного интеллекта. Общеизвестно, что в современной действительности уже существуют успешные примеры практической реализации внедрения таких технологий. Однако сфера уголовного судопроизводства обладает специфическим набором характеристик, которые накладывают определенные ограничения.

Во-первых, необходимо отметить, что действующее правовое регулирование уголовного судопроизводства, хотя и допускает применение технических средств, однако закрепляет основную роль в принятии процессуальных решений именно за человеком, что, в свою очередь, влечет недопустимость использования технологий искусственного интеллекта в качестве полноценного участника уголовного процесса. Следует поддержать концепцию о возможности включения технологий искусственного интеллекта в систему уголовно-процессуальных отношений в качестве вспомогательного инструмента, автоматизирующего отдельные виды деятельности участников уголовного судопроизводства. При этом результат работы машины в любом случае должен быть проверен и интерпретирован человеком. Самостоятельное участие искусственного интеллекта в доказательственной деятельности представляется недопустимым.

Во-вторых, перспективы применения технологий искусственного интеллекта напрямую коррелируют со знаниями, умениями и навыками пользователей данных технологий. В связи с этим делается вывод о том, что успех внедрения технологий искусственного интеллекта в систему дея-

тельности правоохранительных органов и судов невозможен без соответствующего обучения сотрудников основам его функционирования.

В-третьих, по мере развития науки и техники перед учеными и практиками неизбежно встанет вопрос о необходимости нормативного регулирования технологий искусственного интеллекта. В связи с этим автором настоящей статьи акцентируется внимание на возможности установления режима эксперимента в отношении данного вида научно-технических средств.

Однако нельзя забывать и о сотрудниках, которые будут заниматься «обучением искусственного интеллекта». Данная деятельность обусловлена рядом особенностей, а именно необходимостью всестороннего подбора материала, его разметки для последующей обработки, а также анализа результатов. Именно благодаря данной деятельности будет возможно последующее внедрение технологий искусственного интеллекта в деятельность участников уголовного судопроизводства.

В целом стремление к цифровизации и автоматизации уголовно-процессуальной деятельности имеет положительные тенденции. Применение технологий искусственного интеллекта в деятельности правоохранительных органов и судов в качестве инструмента оптимизации их работы способно повысить качество предварительного расследования и судебного разбирательства, а также вызвать иные благоприятные последствия.

Перспективным направлением апробации применения технологий искусственного интеллекта в рамках уголовного судопроизводства также представляется деятельность некоторых лиц, содействующих осуществлению правосудия. Например, переводчик, выполняя свою функцию в уголовном процессе, при условии соблюдения иных требований уголовно-процессуального законодательства вправе применять технологии искусственного интеллекта.

Отдельно необходимо отметить принципиальную недопустимость применения технологий искусственного интеллекта для принятия процессуальных решений без руководящей роли человека. Принцип непосредственности заключается

в такой оценке доказательств, когда следователь, прокурор и суд действуют по внутреннему убеждению без вмешательства кого-либо, руководствуясь при этом законом и совестью. Целесообразно

продолжать теоретическую проработку вопроса применения технологий искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве, сопровождая ее практической реализацией.

Список источников

1. Синельникова В.Н., Ревинский О.В. Права на результаты искусственного интеллекта // Копирайт (вестник Академии интеллектуальной собственности). 2017. N 4. С. 17-27.
2. Бахтеев Д.В. Искусственный интеллект в криминалистике: состояние и перспективы использования // Российское право: образование, практика, наука. 2018. N 2. С. 43-49.
3. Ват'ян А.С., Гусарова Н.Ф., Добренко Н.В. Системы искусственного интеллекта. Санкт-Петербург: Ун-т ИТМО, 2022. 186 с.
4. Вешнева И.В. Технологии искусственного интеллекта: классификация, ограничения, перспективы и угрозы // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер.: Экономика. Управление. Право. 2023. Т. 23. Вып. 4. С. 428-438.
5. Кузьмин Н.А., Половинка А.Ю. О некоторых возможностях использования искусственного интеллекта в системе АПК «Безопасный город» при раскрытии преступлений в г. Москве // Вестник Московского университета МВД России. 2021. N 5. С. 177-180.
6. Эберт Е.С., Эмишян Е.А., Шаблова Е.Г. Правосудие и искусственный интеллект: перспективы и проблемы // Электронный научный архив УрФУ: сайт. URL: <https://elar.urfu.ru/> (дата обращения: 23 дек. 2024 г.).
7. Мосечкин И.Н. Искусственный интеллект и уголовная ответственность: проблемы становления нового вида субъекта преступления // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2019. Т. 10. N 3. С. 461-476.
8. Цветков Ю.А. Искусственный интеллект в управлении следственными органами // Российский следователь. 2021. N 9. С. 29-33.
9. Криминалистика: учебник / Т.В. Аверьянова, Р.С. Белкин, Ю.Г. Корухов, Е.Р. Россинская; под ред. Р.С. Белкина. Москва: НОРМА, 2000. 990 с.
10. Федюнин А.Е. Правовое регулирование применения технических средств в сфере уголовного судопроизводства: дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2009. 390 с.
11. Аминова З.Ф. К вопросу о закреплении в уголовно-процессуальном законе понятия «технические средства» // Правовое государство: теория и практика. 2018. N 2. С. 135-142.
12. Черкасов Д.Ю., Иванов В.В. Машинное обучение // Наука, техника и образование. 2018. N 5. С. 85-87.
13. Иванова А.П. Искусственный интеллект в осуществлении правосудия: новые возможности и новые проблемы // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 4: Государство и право. 2022. N 3. С. 89-98.
14. Гилев И.А., Трапезникова Е.В. Что может, а что нет компьютер в правоприменении // Вестник Московского университета МВД России. 2021. N 3. С. 17-22.
15. Пашенцев Д.А., Новикова К.С. Искусственный интеллект как субъект судебного толкования права // Образование и право. 2020. N 7. С. 198-202.
16. Кунев Д.А., Симонов А.А. Развитие технологий искусственного интеллекта как перспективное направление цифровой трансформации органов прокуратуры // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2024. N 3. С. 27-33.
17. Зазулин А.И. Позитивный и негативный взгляды на цифровизацию права: в поисках объективной точки зрения // Правопорядок: история, теория, практика. 2022. N 1. С. 6-12.

References

1. Sinel'nikova V.N., Revinskiy O.V. Rights to the results of artificial intelligence. Copyright (bulletin of the Academy of Intellectual Property), 2017, no. 4, pp. 17-27. (In Russ.).
2. Bakhteev D.V. Artificial intelligence in criminalistics: state and prospects of use. Russian law: education, practice, science, 2018, no. 2, pp. 43-49. (In Russ.).
3. Vat'yan A.S., Gusarova N.F., Dobrenko N.V. Artificial intelligence systems. St. Petersburg, ITMO University, 2022. 186 p. (In Russ.).
4. Veshneva I.V. Artificial intelligence technologies: classification, limitations, prospects and threats. Proceedings of the Saratov University. A new series. Series: Economics. Management. Right, 2023, vol. 23, issue 4, pp. 428-438. (In Russ.).
5. Kuz'min N.A., Polovinka A.Yu. About some possibilities of using artificial intelligence in the agro-industrial complex "Safe City" in solving crimes in Moscow. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2021, no. 5, pp. 177-180. (In Russ.).

6. Ebert E.S., Emishyan E.A., Shablova E.G. Justice and artificial intelligence: prospects and problems. UrFU Electronic Scientific Archive: website. Available at: <https://elar.urfu.ru/> (Accessed 23 December 2024). (In Russ.).
7. Mosechkin I.N. Artificial intelligence and criminal liability: problems of the formation of a new type of crime subject. Bulletin of St. Petersburg University. Right, 2019, vol. 10, no. 3, pp. 461-476. (In Russ.).
8. Tsvetkov Yu.A. Artificial intelligence in the management of investigative bodies. Russian investigator, 2021, no. 9, pp. 29-33. (In Russ.).
9. Averyanova T.V., Belkin R.S., Korukhov Yu.G., Rossinskaya E.R. Criminalistics. Moscow, NORMA Publ., 2000. 990 p. (In Russ.).
10. Fedyunin A.E. Legal regulation of the use of technical means in the field of criminal proceedings. Doct. Diss. Moscow, 2009. 390 p. (In Russ.).
11. Amineva Z.F. On the issue of fixing the concept of "technical means" in the criminal procedure law. The rule of law: theory and practice, 2018, no. 2, pp. 135-142. (In Russ.).
12. Cherkasov D.Yu., Ivanov V.V. Artificial Intelligence in the Administration of Justice: New Opportunities and New Problems. Social and Humanitarian Sciences. Domestic and Foreign Literature. Series 4: State and Law, 2022, no. 3, pp. 89-98. (In Russ.).
13. Ivanova A.P. Artificial Intelligence in the Administration of Justice: New Opportunities and New Problems. Social and Humanitarian Sciences. Domestic and Foreign Literature. Series 4: State and Law, 2022, no. 3, pp. 89-98. (In Russ.).
14. Gilev I.A., Trapeznikova E.V. What a computer can and cannot do in law enforcement. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2021, no. 3, pp. 17-22. (In Russ.).
15. Pashentsev D.A., Novikova K.S. Artificial intelligence as a subject of judicial interpretation of law. Education and Law, 2020, no. 7, pp. 198-202. (In Russ.).
16. Kunev D.A., Simonov A.A. The development of artificial intelligence technologies as a promising area of digital transformation of the Prosecutor's office. Bulletin of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, 2024, no. 3, pp. 27-33. (In Russ.).
17. Zazulin A.I. Positive and negative views on the digitalization of law: in search of an objective point of view. Law and order: history, theory, practice, 2022, no. 1, pp. 6-12. (In Russ.).

Научная специальность: 5.1.2

**Участие органов внутренних дел Российской Федерации
в обеспечении режима военного положения:
правовые категории и юридическая природа**

Селди Короглуевич Агарзаев,

Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации, Москва, Россия, agarzaev.1998@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0004-1121-8184>

Аннотация. Статья посвящена определению правовых категорий, характеризующих участие органов внутренних дел Российской Федерации в обеспечении режима военного положения, а также установлению юридической природы данной деятельности. Предпринята попытка систематизации накопленных знаний об участии органов внутренних дел Российской Федерации в обеспечении режима военного положения, учитывая современные вызовы и угрозы безопасности. В завершение уточняются правовые категории, выявленные закономерности системы участия органов внутренних дел Российской Федерации в обеспечении режима военного положения, ее свойства и элементы, основное назначение которых состоит в дополнении научных знаний, способствовании совершенствованию действующего законодательства, юридической практики, обеспечению упорядочения общественных отношений на основе заложенных в них регулятивно-инструментальных возможностей.

Ключевые слова: публично-правовой режим, военное положение, обеспечение режима военного положения, органы внутренних дел

Для цитирования: Агарзаев С.К. Участие органов внутренних дел Российской Федерации в обеспечении режима военного положения: правовые категории и юридическая природа // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2025. N 1 (71). С. 68-74.

**Participation of the internal affairs bodies of the Russian Federation
in ensuring martial law regime: legal categories and juridical nature**

Seldi K. Agarzaev,

Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia, agarzaev.1998@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0004-1121-8184>

Abstract. The article centers around defining the legal categories, which characterize the participation of the internal affairs bodies of the Russian Federation in ensuring martial law regime, as well as establishing the legal nature of this activity. The author attempts to systematize the accumulated knowledge about the participation of the internal affairs bodies of the Russian Federation in ensuring martial law regime, considering the modern challenges and security threats. The article clarifies the legal categories, as well as identified patterns of the system of participation of the Russian internal affairs bodies in ensuring martial law regime, its properties and elements, intended for: supplying scientific knowledge, contributing to the improvement of both current legislation and legal practice, and also ensuring the regulation of public relations on the basis of their inherent regulatory-instrumental capabilities.

Keywords: public law regime, martial law, ensuring the martial law regime, internal affairs bodies

For citation: Agarzaev S.K. Participation of the internal affairs bodies of the Russian Federation in ensuring martial law regime: legal categories and juridical nature // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2025. No. 1 (71). P. 68-74.

Актуальность темы настоящей статьи предопределена необходимостью решения научной задачи, возникновение которой обусловлено событиями в новейшей истории Российской Федерации, связанными с введением на отдельных территориях страны режима военного положения* и возникшим запросом на повышение эффективности деятельности органов исполнительной власти по обеспечению режима военного положения, охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности**. Потребность в научном осмыслении отмеченных правовых категорий продиктована, в свою очередь, рядом сложностей, совокупность которых на современном этапе составили: несоответствие правовых норм военного положения и участия органов внутренних дел в его обеспечении современным угрозам безопасности; множественность правоотношений, возникающих в условиях военного положения, и их изменчивость, нуждающаяся в оперативном правовом регулировании; существенные организационно-штатные изменения в структуре Министерства внутренних дел Российской Федерации и ряда других федеральных органов исполнительной власти; отсутствие специальных монографических исследований, посвященных участию органов внутренних дел Российской Федерации в обеспечении режима военного положения.

Решению обозначенной задачи способствуют активизация научного интереса и значительный рост количества исследований теоретико-правового характера, посвященных как правовым режимам в целом, так и режиму военного положения в частности. Ключевую роль в этом процессе играет определение фундаментальных понятий, отражающих наиболее суще-

ственные закономерности возникновения, развития и функционирования государственно-правовых явлений и процессов. Как справедливо отмечают Е.Ю. Архипова и П.С. Баринов, «правовые категории предоставляют возможность упорядочить юридические знания, привести их в непротиворечивую систему, что, в свою очередь, влечет состояние всестороннего отражения не только на теоретическом, но и на практическом уровнях коренных государственно-правовых вопросов. Последнее подтверждает способность качественно сформулированных правовых категорий находить наиболее эффективные решения государственно-правовых проблем современности» [1, с. 81].

Следует сформулировать дефиницию, определить принципы, сущность, содержание и юридическую природу участия органов внутренних дел Российской Федерации в обеспечении режима военного положения, а также проанализировать с позиций системы и ее свойств. Вследствие незначительного количества научных исследований монографического характера, посвященных настоящей проблематике, определение понятийного аппарата требует применения общенаучных и частнонаучных методов познания, а также анализа понятий смежных областей научных знаний.

С методологических позиций представляется верным обращение к понятиям «режим военного положения» и «органы внутренних дел Российской Федерации», в качестве производной от которых может выступать искомая категория. Под военным положением понимается особый правовой режим, вводимый на территории Российской Федерации или в отдельных ее местностях в соответствии с Конституцией Российской Федерации Президентом Российской Федерации в случае агрессии против Российской Федерации или непосредственной угрозы агрессии***. Однако с учетом изменившихся общественных отношений и возникновением новых угроз

* О введении военного положения на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей: указ Президента Российской Федерации от 19 окт. 2022 г. N 756 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>

** О мерах, осуществляемых в субъектах Российской Федерации в связи с Указом Президента Российской Федерации от 19 окт. 2022 г. N 756: указ Президента Российской Федерации от 19 окт. 2022 г. N 757 // Там же.

*** О военном положении: федер. конституционный закон от 30 янв. 2002 г. N 1-ФКЗ: ред. от 13 дек. 2024 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. N 5. Ст. 375; Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>

безопасности Российской Федерации в условиях проводимой в отношении России гибридной прокси-войны, а также анализа доктринальных подходов исследователей к научному определению режима военного положения и практических особенностей его развития и реализации необходимо, как отмечалось ранее, его уточнение как особого многоуровневого публично-правового режима [2, с. 14].

Важность определения места органов внутренних дел в системе субъектов обеспечения режима военного положения отмечается в трудах Э.К. Утяшова, который указывает, что значительная роль в достижении целей правового регулирования будет принадлежать субъектам правореализации, особенно правоприменительным органам [3, с. 141].

Анализ нормативных правовых актов позволяет констатировать, что органы внутренних дел Российской Федерации входят в единую централизованную систему МВД России, являющуюся федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере внутренних дел*. Полиция, являющаяся составной частью органов внутренних дел, предназначена для защиты жизни, здоровья, прав и свобод граждан Российской Федерации, иностранных граждан, лиц без гражданства (далее также — граждане; лица), для противодействия преступности, охраны общественного порядка, собственности и для обеспечения общественной безопасности**.

Следует поддержать позицию А.М. Боброва, который, проводя анализ

существующих подходов к понятию «органы внутренних дел», предлагает следующую дефиницию: органы внутренних дел — это система правоохранительных, исполнительно-распорядительных органов государственной власти, осуществляющих защиту прав и свобод человека и гражданина, борьбу с правонарушениями (преступлениями и административными проступками), охрану общественного порядка и обеспечение общественной и личной безопасности [4, с. 91].

Последующее определение места органов внутренних дел в системе субъектов обеспечения режима военного положения позволит сформулировать определение исследуемой категории. В частности, ст. 6 Федерального конституционного закона от 30 января 2002 г. N 1-ФКЗ «О военном положении» (далее — ФКЗ «О военном положении») относит к субъектам обеспечения режима военного положения органы государственной власти и органы военного управления, а также органы местного самоуправления, в совокупности образующие единую систему органов публичной власти, в качестве субъекта, оказывающего содействие органам государственной власти и органам военного управления в обеспечении режима военного положения. При этом в ст. 9 ФКЗ «О военном положении» субъектами обеспечения режима военного положения в порядке, установленном нормативными правовыми актами Президента Российской Федерации, названы Вооруженные Силы Российской Федерации, другие войска, воинские формирования и органы.

Исходя из вышеизложенного, специальное законодательство о военном положении не выделяет органы внутренних дел в качестве обособленного и самостоятельного субъекта обеспечения режима военного положения, однако подразумевает их в категориях «органы государственной власти» (ст. 6 ФКЗ «О военном положении»), а также «органы» (ст. 9 ФКЗ «О военном положении»). Между тем среди полномочий МВД России при военных угрозах нормативно определено: участие в обеспечении режима военного положения в случае его введения на территории Российской Федерации или в отдельных ее местностях, участие в проведении меро-

* Об утверждении Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации и Типового положения о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 21 дек. 2016 г. N 699 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. N 52 (ч. V). Ст. 7614.

** О полиции: федер. закон от 7 февр. 2011 г. N 3-ФЗ: ред. от 28 дек. 2024 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. N 7. Ст. 900; Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>

приятий военного времени, а также повышение устойчивости работы органов внутренних дел в условиях военного времени*. Аналогичные положения закреплены в числе обязанностей полиции**.

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что, несмотря на отсутствие прямого указания в специальном законодательстве о военном положении на органы внутренних дел Российской Федерации, входящие в систему органов государственной власти, они составляют наибольшую часть единой централизованной системы МВД России и выступают субъектом обеспечения режима военного положения, осуществляющим свою деятельность совместно с другими органами государственной власти и военного управления.

Опираясь на проведенный анализ нормативных правовых актов, с учетом принципа преемственности в науке, под участием органов внутренних дел Российской Федерации в обеспечении режима военного положения предлагается понимать совместную деятельность органов внутренних дел с органами государственной власти и военного управления по реализации многоуровневой системы мер реагирования на угрозы безопасности, направленной на создание условий для отражения или предотвращения агрессии против Российской Федерации, защиты жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, противодействия преступности, охраны общественного порядка, собственности и обеспечения общественной безопасности. Данная категория приближает юридическую науку и правоохранительную практику к решению научной задачи повышения эффективности деятельности органов власти по обеспечению режима военного положения и безопасности в целом.

Это порождает дискуссию относительно природы и содержания анализи-

* Об утверждении Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации и Типового положения о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации по субъекту Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 21 дек. 2016 г. N 699.

** О полиции: федер. закон от 7 февр. 2011 г. N 3-ФЗ.

руемого понятия, обусловленную трудностью их четкого разграничения. Категория сущности, как отмечает Н.В. Сильченко, ориентирует исследователя на поиск главного, всегда присущего данному регулятору, которое составляет его качественное ядро и выделяет из системы родственных явлений [5, с. 21]. При этом категория сущности может фиксироваться в категории содержания, более подверженного динамизму. К пониманию взаимосвязи и различий отмеченных категорий приближают следующие рассуждения Н.В. Сильченко: «Раскрыть содержание — значит определить все соответствующие сформулированному пониманию сущности элементы, указать на их свойства, охарактеризовать связи между элементами, раскрыть закономерности и тенденции развития. Таким образом, категория содержания права переменчива, знания, не соответствующие пониманию сущности права, категорией содержания не охватываются. Точно так же развитие представлений о сущности сопровождается переменами в категории содержания права» [5, с. 21].

Дополняет вышеизложенное позиция Л.В. Авраменко, которая подчеркивает, что сущность права наилучшим образом раскрывается через его принципы [6, с. 16]. В исследовании, направленном на поиск и реализацию закономерностей и принципов функционирования правоохранительных органов, выработку методологических подходов к развитию полиции в условиях угрозы и с началом войны, Л.Л. Грищенко выделяет общегосударственные и специальные принципы [7, с. 46]. Заслуживает внимания выделение в рамках специальных принципов правового, организационного и непосредственно военного блоков. Такое разделение видится небезынтересным и структурно верным.

Перечень и классификация предлагаемых к осмыслению принципов носят дискуссионный и неисчерпывающий характер. С правовых позиций следует рассмотреть принципы нормативности, концептуальности и универсальности.

Принцип нормативности участия органов внутренних дел Российской Федерации в обеспечении режима военного положения может быть определен как обязательное выражение и закрепление

регулятивных норм в актах российского законодательства.

Под концептуальностью в настоящей статье предлагается понимать масштабность и значимость деятельности органов внутренних дел, осуществляемой на всей территории Российской Федерации в целях установления и обеспечения режима военного положения, отражения агрессии, охраны общественного порядка и безопасности.

Принцип универсальности может отражать реализацию органами внутренних дел для обеспечения национальной безопасности и внутригосударственной стабильности ряда ключевых мер по защите жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, противодействия преступности, охраны общественного порядка, собственности и обеспечения общественной безопасности, осуществляемых как в обычных условиях, так и в условиях действия правовых режимов, и особенно режима военного положения.

Организационный блок может быть представлен принципами иерархичности, адаптивности, синергичности и эмерджентности.

Иерархичность системы участия органов внутренних дел Российской Федерации проявляется в иерархической структуре, образующей строгую подчиненность подсистем, входящих в состав более крупных систем. Система органов внутренних дел построена по принципу многоуровневой иерархии, что позволяет эффективно распределять силы и средства в зависимости от конкретной ситуации. На федеральном уровне МВД России координирует действия всех подразделений и взаимодействует с другими силовыми структурами. На региональном уровне территориальные органы внутренних дел сотрудничают с органами местного самоуправления, что обеспечивает оперативное реагирование на возникающие угрозы.

Адаптивность системы предполагает стремление к состоянию устойчивого функционирования, развитию и приспособлению к изменяющимся внешним обстоятельствам и возникающим угрозам. Примером такой деятельности является, как следует из доклада министра внутренних дел Российской Федерации В.А. Колоколь-

цева на расширенном заседании коллегии МВД России в 2023 году, оптимизация организационно-штатного построения в целях выполнения новых задач. В частности, было отмечено, что «для эффективной координации имеющихся в Министерстве сил и средств, в том числе на освобожденных территориях, создано Главное управление оперативного реагирования. Одновременно образован главк по работе с личным составом. Среди его функций – повышение качества подготовки сотрудников полиции к профессионально грамотным действиям в условиях любой оперативной обстановки»*. На расширенном заседании коллегии МВД России в 2024 году было указано, что «с учетом современных реалий расширялся функционал в области применения робототехнических комплексов, беспилотных воздушных судов и средств противодействия им. В территориальных органах на региональном и районном уровне создано 91 подразделение для выполнения задач по указанным направлениям»**.

Синергичность образуется общей целенаправленностью действий органов внутренних дел, интеграцией усилий в системе, приводящих к достижению цели режима военного положения по созданию условий для отражения агрессии против Российской Федерации или угрозы агрессии. Поскольку в условиях военного положения государство сталкивается с дестабилизирующими факторами и опасностями, постольку охрана общественного порядка и обеспечение общественной безопасности приобретает первостепенное значение. Повышению эффективности способствует тесное взаимодействие с другими силовыми структурами, внедрение и использование современных технологий, подготовка и обучение личного состава. Синергичность системы участия органов внутренних дел в обеспечении режима военного положения выступает залогом эффективного реагирования на вызовы, возникающие в этот критический период.

* Расширенное заседание коллегии МВД России в 2023 году // Президент России: официальный сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/>

** Расширенное заседание коллегии МВД России в 2024 году // Там же.

Эмерджентность в качестве принципа появляется при взаимодействии входящих в систему элементов, в результате которого у данной системы образуется новое интегративное качество, нехарактерное для ее отдельных элементов. Реализация определенных мер военного положения либо их применение на отдельных территориях органами внутренних дел не способствует достижению цели введения режима военного положения. Важность принципа состоит в комплексной деятельности, включающей применение всего режимного инструментария при функциональной целостности органов внутренних дел в масштабе всей системы, обеспечиваемой направленностью каждого элемента в отдельности и их совокупности на достижение цели.

Военная составляющая специальных принципов основана на соблюдении законов военного времени, принятых на уровне международного и внутрироссийского права, на единоначалии и централизации управления [7, с. 47]. Кроме того, в период действия особого правового режима деятельность органов внутренних дел носит выраженный императивный характер. Административная составляющая приобретает первостепенное значение, выражающееся в запретно-ограничительных мерах. При этом ограничиваются и конституционные права и свободы граждан. Следует выделить важнейший принцип военного времени, который заключается в необходимости подчинения в деятельности всех составляющих государства единому результату — победе [8, с. 371-383].

Принципы системы представляют собой фундаментальные правила и положения, определяющие ее структуру, функционирование и взаимодействие с окружающей действительностью. Они служат основополагающими элементами, на которых строится вся архитектура и логика системы, и играют решающую роль в обеспечении ее целостности, эффективности и устойчивости. Понимание и применение принципов системы позволяет выявлять слабые места и находить пути оптимизации. Нарушение этих принципов может привести к непредсказуемому поведению, снижению производительности и даже к полному разрушению системы.

Системный подход обеспечивает возможность рассматривать объекты исследования в их целостности, учитывая взаимосвязи между элементами. Предложенная совокупность взаимосвязанных принципов позволяет рассматривать участие органов внутренних дел Российской Федерации в обеспечении режима военного положения в качестве системы, характеризующейся рядом свойств: законность, комплексность, организационная и функциональная целостность, непротиворечивость, адаптивная гибкость, оперативность и интегрированность.

Возвращаясь к рассуждениям о сущности участия органов внутренних дел Российской Федерации в обеспечении режима военного положения, основываясь на анализе вышеописанных принципов и тезисе Т.А. Дураева и Н.В. Тюменевой о том, что «сущность — это важнейшая характеристика явления, она уникальна и неповторима» [9, с. 20], представляется возможным сформулировать определение данной категории. Под сущностью участия органов внутренних дел Российской Федерации в обеспечении режима военного положения следует понимать нормативно закрепленную в актах российского законодательства правоохранительную деятельность органов внутренних дел, осуществляемую совместно с иными органами государственной власти при централизации подчинения органам военного управления, направленную на достижение цели режима военного положения по созданию условий для отражения или предотвращения агрессии против Российской Федерации.

Категория содержания будет дополняться признаками свойства структурной многоуровневости в реализации дополнительных мер военного положения, применении дополнительных временных запретно-ограничительных режимных мер, сопровождаемых организационно-штатными и функциональными перестроениями, проведением подготовительных и мобилизационных мероприятий, усилением материально-технической оснащенности и интеграции передового опыта противодействия современным угрозам безопасности Российской Федерации. Соответственно, отмеченные особенности более подвержены динамичным изменениям, отражаю-

щим складывающиеся обстоятельства оперативно-служебного характера и потребности в реализации мер их преодоления.

Вышеизложенное позволяет полагать, что юридическая природа участия органов внутренних дел Российской Федерации в обеспечении режима военного положения носит законный, материальный, вторичный и временный характер установления.

В заключение следует подчеркнуть, что участие органов внутренних дел Российской Федерации в обеспечении режима военного положения в качестве системы играет ключевую роль в защите конституционных прав граждан и интересов госу-

дарства. Ее эффективность зависит от постоянного совершенствования и адаптации к изменяющимся условиям, характеризующимся растущей непредсказуемостью и сложностью геополитической обстановки. Совершенствование системы участия органов внутренних дел Российской Федерации в обеспечении режима военного положения является приоритетным направлением, включающим постоянное совершенствование нормативно-правового регулирования, повышение профессионального уровня сотрудников, развитие всестороннего обеспечения и внедрение современных технологий ситуационного управления.

Список источников

1. Архипова Е.Ю., Баринов П.С. К вопросу о сущности и назначении правовых категорий // Право и государство: теория и практика. 2023. N 11. С. 78-81.
2. Агарзаев С.К. Многоуровневый режим военного положения: понятие и признаки // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. 2023. N 12. С. 11-15.
3. Утяшов Э.К. Особенность правоотношений в условиях режима военного положения как элемента его юридической конструкции // Правоотношение: теория и практика современного правового регулирования: материалы Всерос. науч.-практ. конф., Казань, 15 октября 2021 г. Казань: Отечество, 2022. С. 137-145.
4. Бобров А.М. Понятие органов внутренних дел Российской Федерации // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. N 9. С. 90-92.
5. Сильченко Н.В. Вопросы понимания сущности, содержания и формы права // Юстиция Беларуси. 2021. N 12. С. 21-25.
6. Авраменко Л.В. Значение категорий «сущность», «содержание» и «форма» в формулировании понятия права // Проблемы законности. 2014. N 125. С. 15-23.
7. Грищенко Л.Л. Закономерности, принципы и методология функционирования полиции в системе правоохранительных органов при угрозе и с началом войны // Академическая мысль. 2023. N 3. С. 44-50.
8. Военное законодательство Российской империи (Кодекс русского военного права). Москва, 1996. 410 с.
9. Дураев Т.А., Тюменева Н.В. Правовая природа как категория правоведения // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2022. N 6. С. 15-22.

References

1. Arkhipova E.Yu., Barinov P.S. On the question of the essence and purpose of legal categories. Law and the state: theory and practice, 2023, no. 11, pp. 78-81. (In Russ.).
2. Agarzaev S.K. Multilevel martial law regime: concept and signs. Law in the Armed Forces – Military and legal review, 2023, no. 12, pp. 11-15. (In Russ.).
3. Utyashov E.K. The peculiarity of legal relations under martial law as an element of its legal structure. Legal relations: theory and practice of modern legal regulation. Kazan, Otechestvo Publ., 2022. Pp. 137-145. (In Russ.).
4. Bobrov A.M. The concept of the internal affairs bodies of the Russian Federation. Bulletin of the Chelyabinsk State University, 2010, no. 9, pp. 90-92. (In Russ.).
5. Sil'chenko N.V. Questions of understanding the essence, content and form of law. Justice of Belarus, 2021, no. 12, pp. 21-25. (In Russ.).
6. Avramenko L.V. The meaning of the categories "essence", "content" and "form" in the formulation of the concept of law. Problems of legality, 2014, no. 125, pp. 15-23. (In Russ.).
7. Grishchenko L.L. Patterns, principles and methodology of police functioning in the law enforcement system under threat and with the outbreak of war. Academic thought, 2023, no. 3, pp. 44-50. (In Russ.).
8. Military legislation of the Russian Empire (Code of Russian Military Law). Moscow, 1996. 410 p. (In Russ.).
9. Duraev T.A., Tyumeneva N.V. Legal nature as a category of jurisprudence. Bulletin of the Saratov State Law Academy, 2022, no. 6, pp. 15-22. (In Russ.).

Научная специальность: 5.1.2

**Ответственность за неповиновение законному распоряжению
или требованию сотрудника полиции (милиции) согласно
административному законодательству государств –
участников Содружества Независимых Государств**

Иван Николаевич Астафьев,

Омская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, Омск, Россия,
ast_ivn@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7835-1746>

Аннотация. Статья посвящена гармонизации диспозиций общей нормы, предусматривающей административную ответственность за неповиновение законному распоряжению или требованию сотрудника полиции (милиции) и содержащейся в законодательстве об административных правонарушениях государств – участников СНГ. Сравнительно-правовой анализ положений законодательства данных государств относительно обеспечения охраны служебной деятельности полиции (милиции) показал наличие общих и специальных норм. Верификация терминов, применяемых в общей норме (часть 1 статьи 19.3 КоАП РФ), позволила сделать вывод о возможности использования этих терминов при конструировании соответствующих норм административного законодательства государств – участников СНГ. Сделан вывод о необходимости унификации содержания частей 3 и 4 статьи 30 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. N 3-ФЗ «О полиции» и части 1 статьи 19.3 КоАП РФ. Определено, что родовым объектом посягательства при совершении административных правонарушений, связанных с неповиновением законному распоряжению или требованию сотрудника полиции, выступают институты государственной власти.

Ключевые слова: Содружество Независимых Государств, полиция, милиция, административное законодательство, неповиновение законному требованию, административно-правовая охрана

Для цитирования: Астафьев И.Н. Ответственность за неповиновение законному распоряжению или требованию сотрудника полиции (милиции) согласно административному законодательству государств – участников Содружества Независимых Государств // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2025. N 1 (71). С. 75-82.

**Liability for disobedience to a lawful order or demand
of a police (militia) officer under the administrative legislation
of the member-states of the Commonwealth of Independent States**

Ivan N. Astafyev,

Omsk Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Omsk, Russia,
ast_ivn@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7835-1746>

Abstract. The article focuses on improving the disposition of the general norm, providing for administrative liability for disobedience to a lawful order or demand of a police (militia) officer and contained in the legislation on administrative offenses of the CIS member-states. The conducted comparative legal analysis of the provisions of the legislation of these states regarding ensuring the protection of the police (militia) official activities shows the existence of general and special norms. Verifying the terms, used in the general norm (Part 1 of Article 19.3 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation), indicates that these terms can be utilized in constructing the relevant norms of the administrative legislation of the CIS member-states. It is concluded that there is a need to unify the content of Parts 3 and 4 of Article 30 of the Federal Law "On Police" and Part 1 of Article 19.3 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation. It is determined that the generic object of encroachment when committing administrative offenses related to disobedience to a lawful order or demand of a police officer are institutions of state power.

Keywords: Commonwealth of Independent States, police, militia, administrative legislation, disobedience to a lawful demand, administrative-legal protection

For citation: Astafyev I.N. Liability for disobedience to a lawful order or demand of a police (militia) officer under the administrative legislation of the member-states of the Commonwealth of Independent States // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2025. No. 1 (71). P. 75-82.

Для государств — участников Содружества Независимых Государств (далее — СНГ) является целью «всестороннее и сбалансированное экономическое и социальное развитие в рамках общего экономического пространства»*.

Одним из ключевых механизмов обеспечения межгосударственной интеграции выступает гармонизация законодательства, в том числе законодательства об административных правонарушениях. В связи с этим Совет министров иностранных дел СНГ одобрил и внес на рассмотрение Совета глав государств СНГ проекты Межгосударственной программы совместных мер борьбы с преступностью на 2024-2028 годы**. Соответственно, среди стратегических направлений правовой регламентации и юридической поддержки деятельности МВД России на период 2022-2026 годы была обозначена «гармонизация законодательства Российской Федерации и законодательства других государств — участников Содружества Независимых Государств, а также государств — членов Организации Договора о коллективной безопасности, Республики Абхазии и Республики Южной Осетии в аспектах, касающихся интересов МВД РФ» [1, с. 31]. Предметом исследования явилась гармонизация диспозиций общей нормы, устанавливающей административную ответственность за неповиновение законному распоряжению или требованию сотрудника полиции (милиции) и содержащейся в законодательстве государств — участников СНГ, и унификация родового объекта посягательства.

* Устав Содружества Независимых Государств (г. Минск, 22 января 1993 г.) // Содружество. Информационный вестник Совета глав государств и Совета глав правительств СНГ. 1993. N 1.

** О проекте Межгосударственной программы совместных мер борьбы с преступностью на 2024-2028 годы // Единый реестр правовых актов и других документов Содружества Независимых Государств. URL: <http://cis.minsk.by/>

Гармонизация законодательства представляет собой один из ключевых механизмов обеспечения интеграции государств, что позволит государствам — участникам СНГ эффективнее решать задачи, изложенные в Межгосударственной программе совместных мер борьбы с преступностью на 2024-2028 годы***. В частности, в 2003 году Межпарламентской Ассамблеей государств — участников СНГ был принят «Модельный закон о полиции (милиции)», представляющий собой унифицированный закон, отличительной особенностью которого является то, что права полиции (милиции) государств — участников СНГ структурированы по основным направлениям ее деятельности****.

Гармонизация подразумевает согласование основных методологических подходов и концептуальных направлений развития национального законодательства, а также выработку универсальных юридических принципов и отдельных нормативных положений. В отличие от гармонизации, унификация законодательства состоит в разработке и введении единообразных правовых норм, обязательных для исполнения всеми государствами — членами СНГ.

В условиях межгосударственной интеграции государств — членов СНГ наблюдается значительное повышение интереса среди ученых-правоведов к таким аспектам, как гармонизация, унификация

*** О проекте Межгосударственной программы совместных мер борьбы с преступностью на 2024-2028 годы: решение Совета министров иностранных дел СНГ (Принято в Бишкеке 12 окт. 2023 г.) // Единый реестр правовых актов и других документов СНГ. URL: <http://cis.minsk.by/>

**** Модельный закон «О полиции (милиции)» (Принят на двадцатом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств — участников СНГ Постановлением от 7 дек. 2002 г. N 20-12) // Информационный бюллетень. Межпарламентская Ассамблея государств — участников Содружества Независимых Государств. 2003. N 30 (ч. 2). С. 250-276.

и стандартизация в сфере правообразования и правоприменения [2, с. 76]. Особое внимание уделяется изучению вопросов соотносительности российского административного законодательства с правом Евразийского экономического союза [3, с. 19], в том числе частным правом [4, с. 42]. Обсуждаются вопросы унификации международного частного права [5, с. 668].

Исследования в области административного законодательства преимущественно направлены на гармонизацию санкций за административные правонарушения в области таможенного дела [6, с. 74], гармонизацию в сфере миграции [7, с. 153] и административного судопроизводства [8, с. 132].

В настоящей статье используется впервые предложенное Ю.П. Соловьевым ключевое понятие «административно-правовая охрана деятельности милиции», под которым понимается «установление и реализация административно-правовых норм, определяющих систему мер пресечения милицией актов противодействия ее деятельности и предусматривающих ответственность за их совершение» [9, с. 10]. Актуальность исследования определяется отсутствием работ, посвященных вопросам гармонизации норм, направленных на обеспечение административно-правовой охраны служебной деятельности полиции (милиции).

Административно-правовые нормы по уровню обобщенности диспозиций классифицируются на общие и специальные. Принцип применения специальных составов административных правонарушений заключается в их приоритетном значении перед общими нормами при условии их конкуренции.

Общей (базовой) административно-правовой нормой, направленной на обеспечение защиты служебной деятельности сотрудников полиции, является ч. 1 ст. 19.3 КоАП РФ, а также норма, имеющая бланкетную конструкцию, — ч. 5 ст. 20.2 КоАП РФ, которая отсылает к ст. 6 Федерального закона от 19 июня 2004 г. N 54-ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях»*, а последняя, в свою очередь, к ч. 1 ст. 19.3 КоАП РФ.

К специальным нормам административно-правовой охраны служебной деятельности сотрудников полиции относятся нормы, которые содержат конкретизированное законом описание правонарушающего поведения (чч. 1, 2 ст. 12.25 КоАП РФ; чч. 1, 2 ст. 12.26 КоАП РФ; ч. 3 ст. 12.27 КоАП РФ; ст. 17.7 КоАП РФ; ч. 28 ст. 19.5 КоАП РФ; ч. 4.2 ст. 20.8 КоАП РФ), нормы, которые содержат два состава административных правонарушений (ч. 1 ст. 6.9 КоАП РФ), а также нормы, которые представляют собой сопряжение двух составов административных правонарушений (ч. 2 ст. 20.1 КоАП РФ).

Полнота отражения общей характеристики состава административного правонарушения посредством терминов, используемых в диспозиции ч. 1 ст. 19.3 КоАП РФ

При решении данной задачи следует учитывать то, что, с одной стороны, интеграция выступает основным фактором развития российского административного законодательства [10, с. 36], с другой стороны, гарантией прогресса в сфере административных правоотношений является разумный консерватизм [11, с. 32].

Полноту отражения общей характеристики состава административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 19.3 КоАП РФ, целесообразно проанализировать посредством используемых в ее диспозиции терминов «распоряжение», «требование», «неповиновение» и «воспрепятствование». Необходимо отметить, что перечисленные выше термины не представлены в терминологическом словаре административного права [12].

Термин «требование» в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля определяется как «письменное служебное сношение» [13, с. 707]. В «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой требование «означает выраженную в решительной, категорической форме просьбу, распоряжение. Правило, условие, обязательное для выполнения» [14, с. 809]. Таким образом, следует определить, что требование сотрудника полиции имеет письменную форму (например, официальное предостережение, постановление по делу об административном правонарушении). Например, административное правонарушение,

* Собр. законодательства Рос. Федерации. 2004. N 25. Ст. 2485.

предусмотренное ч. 1 ст. 19.3 КоАП РФ, может представлять собой отказ от исполнения постановления по делу об административном правонарушении, выражающемся в продолжении управления транспортным средством с недостаточной светопропускной способностью стекол (ч. 3.1 ст. 12.5 КоАП РФ), в отказе от исполнения постановления по делу об административном правонарушении, выражающемся в продолжении управления транспортным средством при отсутствии обязательного страхования гражданской ответственности владельца транспортного средства (ч. 2 ст. 12.37 КоАП РФ) [15, с. 51].

Термин «распоряжение» в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля означает «отдача приказания» [13, с. 98]. Согласно «Толковому словарю русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой термин «распоряжение» означает «приказ», «постановление» [14, с. 651].

Термин «неповиновение», в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля – «неповиновенье», определяется как «непослушание, ослушание, непокорность, строптивость, самовольство». Подобный термин «непокорный» означает «непокоренный, непокорившийся; непослушный, ослушный, своевольный, не признающий над собою начальства, власти» [16, с. 867]. В «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой понятие «неповиновение» трактуется как «отсутствие повиновения, отказ повиноваться» [14, с. 410]. Таким образом, применительно к административно-правовой охране служебной деятельности полиции неповиновение, которое может быть выражено в различной форме, есть результат отказа правонарушителя от выполнения требования или распоряжения сотрудника полиции (пп. 1, 3, 7, 13, 14, 16, 17 ч. 1 ст. 13 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. N 3-ФЗ «О полиции»* (далее – Федеральный закон «О полиции»)).

В «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля слово «воспрепятствовать» определяется как «воспротивиться, возбранить» [17, с. 422]. В «Толко-

вом словаре русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой понятие «воспрепятствовать» представлено как производное от термина «препятствовать» и означает «создание препятствия, служить препятствием, не допускать чего-нибудь (препятствовать чьим-то намерениям)» [14, с. 99]. Применительно к административно-правовой охране служебной деятельности полиции воспрепятствованием является умышленное невыполнение законных требований следователя, дознавателя или должностного лица, осуществляющего производство по делу об административном правонарушении (ст. 17.7 КоАП РФ); воспрепятствование законной деятельности должностного лица органа государственного контроля (надзора), должностного лица организации, уполномоченной в соответствии с федеральными законами на осуществление государственного надзора (ч. 1 ст. 19.4.1 КоАП РФ); воспрепятствование законной деятельности народного дружинника или внештатного сотрудника полиции (ч. 1 ст. 19.35 КоАП РФ). Например, к воспрепятствованию исполнения служебных обязанностей сотрудников охранно-конвойных подразделений полиции судебные органы относили такие действия (бездействие), совершаемые подозреваемыми и обвиняемыми, содержащимися в изоляторах временного содержания, как: отказ от получения повестки в суд, подтвержденный актом сотрудника полиции; воспрепятствование осуществлению надзора за карцерным помещением; отказ пройти в следственную комнату для прохождения личного досмотра; отказ в добровольной выдаче сотового телефона и т.д. [18, с. 86].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что используемые в диспозиции ч. 1 ст. 19.3 КоАП РФ термины «распоряжение», «требование», «неповиновение» и «воспрепятствование» в обобщенном виде в полной мере характеризуют действия сотрудника полиции: вручение правонарушителю письменного «требования» в виде официального предостережения, предупреждения, постановления по делу об административном правонарушении либо отдача правонарушителю «распоряжения» в устной или жестовой (конклюдентной) форме, а также результат дей-

* Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. N 7. Ст. 900.

ствий (бездействия) правонарушителя в виде «неповиновения» либо «воспрепятствования».

Проведенный анализ свидетельствует о том, что при конструировании диспозиций общей нормы административно-правовой охраны служебной деятельности сотрудников полиции в законодательстве об административных правонарушениях государств – участников СНГ целесообразно использовать термины «распоряжение», «требование», «неповиновение», «воспрепятствование».

Унификация чч. 3, 4 ст. 30 «Гарантии правовой защиты сотрудника полиции» Федерального закона «О полиции» с ч. 1 ст. 19.3 КоАП РФ

В статье 30 «Гарантии правовой защиты сотрудника полиции» Федерального закона «О полиции» используются только термины «требование» и «воспрепятствование», термины «распоряжение» и «неповиновение» не применяются. В связи с этим следует унифицировать чч. 3, 4 ст. 30 «Гарантии правовой защиты сотрудника полиции» Федерального закона «О полиции» с ч. 1 ст. 19.3 КоАП РФ, а именно:

– часть 3 ст. 30 Федерального закона «О полиции» изложить в следующей редакции: «Законные распоряжения и требования сотрудника полиции обязательны для выполнения гражданами и должностными лицами»;

– часть 4 ст. 30 Федерального закона «О полиции» изложить в следующей редакции: «Невыполнение законных распоряжений и требований сотрудника полиции, воспрепятствование выполнению сотрудником полиции служебных обязанностей, оскорбление сотрудника полиции, оказание ему сопротивления, насилие или угроза применения насилия по отношению к сотруднику полиции в связи с выполнением им служебных обязанностей влечет ответственность, предусмотренную законодательством Российской Федерации».

Верификация терминов, используемых в диспозиции ч. 1 ст. 19.3 КоАП РФ, с целью гармонизации норм административных законодательств государств – участников СНГ

Верификация терминов «распоряжение», «требование», «неповиновение»

и «воспрепятствование», используемых в диспозиции ч. 1 ст. 19.3 КоАП РФ, выполнена автором настоящей статьи посредством их перевода на международный язык общения (английский язык) с целью проверки соответствия их содержанию на русском языке. В частности, «распоряжение» на английском языке соответствует слову “command”; «требование» – слову “demand”; «требование (письменное)» – фразе “written requirement”; «постановление» – слову “decree”; «неповиновение (неподчинение, непослушание)» – слову “disobedience”; «воспрепятствование (преднамеренное создание препятствий чему-либо)» – словам “obstruction” или “inhibit”.

Сравнение значений слов «распоряжение», «требование», «неповиновение» и «воспрепятствование» на русском и английском языках показало соответствие их смыслового содержания, что позволяет использовать данные понятия при конструировании норм законодательства об административных правонарушениях государств – участников СНГ. Полагаем, что создаваемый в Российской Федерации Национальный словарный фонд, представляющий собой федеральную государственную информационную систему с использованием информационно-коммуникационной сети «Интернет», сформированную из совокупности содержащейся в нормативных словарях современного русского литературного языка, справочниках и грамматиках информации о языковых нормах, позволит обеспечить единство используемых терминов и их толкования при конструировании нормативных правовых актов*.

* Перечень поручений по итогам заседания Совета по русскому языку (утв. Президентом Российской Федерации 1 марта 2020 г. N Пр-355) // Президент России: официальный сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/>; О внесении изменения в Федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации»: проект федер. закона // Система обеспечения законодательной деятельности: официальный сайт. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/>; О государственном языке Российской Федерации: федер. закон от 1 июня 2005 г. N 53-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2005. N 23. Ст. 2199.

Унификация родового объекта посягательства административных правонарушений, связанных с неповиновением законному распоряжению или требованию сотрудника полиции (милиции), в административном законодательстве государств – участников СНГ

Общие нормы административно-правовой охраны служебной деятельности сотрудников полиции в большинстве нормативных правовых актов об административных правонарушениях государств – участников СНГ включены в главу «Административные правонарушения против порядка управления». Это обстоятельство имеет место в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях (ч. 1 ст. 19.3 КоАП РФ), в Кодексе Туркменистана об административных правонарушениях (ст. 364 «Воспрепятствование законной деятельности государственных и иных органов и их должностных лиц»)*, в Кодексе Республики Узбекистан об административной ответственности (ст. 194 «Невыполнение законных требований сотрудника органов внутренних дел», ст. 195 «Противодействие выполнению служебного долга сотрудниками органов внутренних дел»)**, в Кодексе Республики Беларусь об административных правонарушениях (ст. 24.3 «Неповиновение законному распоряжению или требованию должностного лица при исполнении им служебных полномочий»***, в Кодексе Республики Таджикистан об административных правонарушениях (ст. 479 «Неповиновение законному приказу и требованию сотрудника милиции или других лиц, осуществляющих обязанности по охране общественного

порядка»****, в Кодексе Азербайджанской Республики об административных проступках (ст. 535 «Злостное неповиновение законному требованию работника полиции или военнослужащего»)*****, в Кодексе Республики Молдова о правонарушениях (ст. 336 «Злонамеренное неподчинение законному распоряжению или требованию сотрудника правоохранительных органов»)*****.

В Кодексе Республики Казахстан об административных правонарушениях общая норма, направленная на административно-правовую охрану служебной деятельности сотрудников полиции и иных органов исполнительной власти государства, представлена в главе 33 «Административные правонарушения, посягающие на институт государственной власти» (ст. 667 «Неповиновение законному распоряжению или требованию сотрудника (военнослужащего) правоохранительного или специального государственного органа, органа военной полиции, государственной фельдъегерской службы, судебного пристава, судебного исполнителя»)*****.

Верным представляется подход, который использован в Кодексе Республики Казахстан об административных правонарушениях. В данном акте родовым объектом административных правонарушений, связанных с неповиновением законному распоряжению или требованию сотрудника полиции, а равно воспрепятствованием исполнению ими служебных обязанностей является институт государственной власти. Основанием для такого вывода является то, что в соответствии с Конституцией Российской Федерации в единую систему пу-

* Кодекс Туркменистана об административных правонарушениях (утв. Законом Туркменистана от 29 авг. 2013 г. N 422-IV) // КОНТИНЕНТ: информационная система. URL: <https://continent-online.com/>

** Кодекс Республики Узбекистан об административной ответственности (утв. Законом Республики Узбекистан от 22 сент. 1994 г. N 2015-XII) // Новости. Zakon.kz. URL: <https://online.zakon.kz/>

*** Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях от 6 янв. 2021 г. N 91-3 // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. URL: <https://pravo.by/>

**** Кодекс Республики Таджикистан об административных правонарушениях (принят Законом Республики Таджикистан от 31 дек. 2008 г. N 455) // Новости. Zakon.kz. URL: <https://online.zakon.kz/>

***** Кодекс Азербайджанской Республики об административных проступках (утв. Законом Азербайджанской Республики от 29 дек. 2015 г. N 96-VQ) // Там же.

***** Кодекс Республики Молдова о правонарушениях от 24 окт. 2008 г. N 218-XVI // Там же.

***** Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях от 5 июля 2014 г. N 235-V // Там же.

бличной власти в Российской Федерации входят органы государственной власти, иные государственные органы, органы местного самоуправления*, а МВД России является федеральным органом исполнительной власти** и, соответственно, относится к органам государственной вла-

* Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации: федер. закон от 21 дек. 2021 г. N 414-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2021. N 52 (ч. I). Ст. 8973.

** Об утверждении Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации и Типового положения о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации по субъекту Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 21 дек. 2016 г. N 699 // Там же. 2016. N 52 (ч. V). Ст. 7614.

сти. Таким образом, следует согласиться с мнением о том, что общая (базовая) норма законодательства, направленная на административно-правовую охрану служебной деятельности сотрудников полиции (ч. 1 ст. 19.3 КоАП РФ), должна быть представлена в главе 17 КоАП РФ «Административные правонарушения, посягающие на институты государственной власти» [19, с. 253].

Гармонизация общей нормы административно-правовой охраны служебной деятельности сотрудников полиции (милиции) законодательств об административных правонарушениях государств – участников СНГ на основе результатов проведенного исследования позволит существенно повысить уровень правовой защиты сотрудников полиции (милиции).

Список источников

1. Котляр А.И. Приоритетные направления правового регулирования и юридического сопровождения деятельности Министерства внутренних дел Российской Федерации // Военно-юридический журнал. 2023. N 4. С. 30-33.
2. Примак Т.К., Серова О.А. Гармонизация, унификация, стандартизация в доктрине, правообразовании и правоприменении // Юридический вестник Самарского университета. 2015. N 3. С. 71-78.
3. Винницкий А.В. Право Евразийского экономического союза и российское административное законодательство: актуальные вопросы соотношения и взаимодействия // Международное право и международные организации. 2017. N 4. С. 9-20.
4. Бублик В.А., Семякин М.Н., Губарева А.В. Модернизация частного права стран Евразийского экономического союза // Международное публичное и частное право. 2019. N 6. С. 39-43.
5. Проблемы унификации международного частного права: монография / Н.В. Власова, Н.Г. Доронина, Т.П. Лазарева [и др.]; отв. ред. Н.Г. Доронина. 2-е изд., перераб. и доп. Москва, 2023. 670 с.
6. Сарксян И.Л. Гармонизация санкций за административные правонарушения в области таможенного дела в государствах – членах Евразийского экономического союза // Административное право и процесс. 2022. N 2. С. 72-75.
7. Недрага Я.Н. К вопросу о гармонизации федерального и регионального административного законодательства // Вестник экономической безопасности. 2018. N 4. С. 152-157.
8. Самсонов Н.В. Типология административного судопроизводства и пути унификации цивилистического процесса // Вестник гражданского процесса. 2020. T. 10. N 5. С. 118-133.
9. Соловей Ю.П. Теория и практика административно-правовой охраны деятельности милиции: учебное пособие. Омск, 1987. 94 с.
10. Долгополов А.А., Жеребцов А.Н. Интеграция как фактор дальнейшего развития структуры системы российского административного права // Административное право и процесс. 2022. N 1. С. 34-37.
11. Старилов Ю.Н. Консерватизм правовой политики как гарантия прогресса в сфере административных и иных публичных правоотношений // Административное право и процесс. 2023. N 6. С. 15-33.
12. Административное право: современный терминологический словарь / Е.В. Евсикова, А.В. Пономарев, В.В. Костылев [и др.]; науч. ред. М.И. Никулин. Симферополь: АРИАЛ, 2020. 400 с.
13. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: Современное написание: в 4 т. Т. 4. Москва: АСТ: Астрель, 2002. 1142 [1] с.
14. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов / под ред. Н.Ю. Шведовой. 4-е изд., доп. Москва: Азбуковник, 1990. 944 с.
15. Астафьев И.Н. Особенности применения ч. 1. ст. 19.3 КоАП РФ при невыполнении законного требования сотрудника полиции о прекращении эксплуатации автомобиля с недостаточной светопропускной способностью стекол // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2024. N 1. С. 51-61.

16. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: Современное написание: в 4 т. Т. 2. Москва: АСТ: Астрель, 2002. 1178 [1] с.

17. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: Современное написание: в 4 т. Т. 1. Москва: АСТ: Астрель, 2002. 1155 [1] с.

18. Астафьев И.Н. Привлечение подозреваемых и обвиняемых, содержащихся под стражей, к административной ответственности за неповиновение законным требованиям сотрудников полиции // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2024. N 2. С. 79-87.

19. Цыкунов М.В. Административные правонарушения, посягающие на институты государственной власти // Вестник Московского университета МВД России. 2009. N 3. С. 252-254.

References

1. Kotlyar A.I. Priority areas of legal regulation and legal support for the activities of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. *Military Law Journal*, 2023, no. 4, pp. 30-33. (In Russ.).

2. Primak T.K., Serova O.A. Harmonization, unification, standardization in doctrine, law formation and law enforcement. *Legal Bulletin of Samara University*, 2015, no. 3, pp. 71-78. (In Russ.).

3. Vinnitskiy A.V. The Law of the Eurasian Economic Union and Russian Administrative Legislation: Current Issues of Relationship and Interaction. *International Law and International Organizations*, 2017, no. 4, pp. 9-20. (In Russ.).

4. Bublik V.A., Semyakin M.N., Gubareva A.V. Modernization of private law of the countries of the Eurasian Economic Union. *International public and private law*, 2019, no. 6, pp. 39-43. (In Russ.).

5. Vlasova N.V., Doronina N.G., Lazareva T.P. [i dr.]. Problems of unification of international private law. Moscow, 2023. 670 p. (In Russ.).

6. Sarksyian I.L. Harmonization of sanctions for administrative offenses in the field of customs affairs in the member states of the Eurasian Economic Union. *Administrative law and process*, 2022, no. 2, pp. 72-75. (In Russ.).

7. Nedraga Ya.N. On the issue of harmonization of federal and regional administrative legislation. *Bulletin of Economic Security*, 2018, no. 4, pp. 152-157. (In Russ.).

8. Samsonov N.V. Typology of administrative proceedings and ways of unification of civil procedure. *Bulletin of civil procedure*, 2020, vol. 10, no. 5, pp. 118-133. (In Russ.).

9. Solovey Yu.P. Theory and practice of administrative and legal protection of police activities. Omsk, 1987. 94 p. (In Russ.).

10. Dolgoplov A.A., Zherebtsov A.N. Integration as a factor in the further development of the structure of the Russian administrative law system. *Administrative Law and Process*, 2022, no. 1, pp. 34-37. (In Russ.).

11. Starilov Yu.N. Conservatism of legal policy as a guarantee of progress in the sphere of administrative and other public legal relations. *Administrative law and process*, 2023, no. 6, pp. 15-33. (In Russ.).

12. Evsikova E.V., Ponomarev A.V., Kostylev V.V. [i dr.]; Administrative law: a modern terminological dictionary. Simferopol, ARIAL Publ., 2020. 400 p. (In Russ.).

13. Dal' V.I. Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language: Modern spelling. In 4 volumes. Vol. 4. Moscow, AST: Astrel Publ., 2002. 1142 [1] p. (In Russ.).

14. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. Explanatory dictionary of the Russian language: 80 000 words. Moscow, Azbukovnik Publ., 1990. 944 p. (In Russ.).

15. Astafyev I.N. Features of the application of Part 1 of Art. 19.3 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation in case of failure to comply with the legal requirement of a police officer to stop operating a vehicle with insufficient light transmittance of glass. *Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2024, no. 1, pp. 51-61. (In Russ.).

16. Dal' V.I. Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language: Modern spelling. In 4 volumes. Vol. 2. Moscow, AST: Astrel Publ., 2002. 1278 [1] p. (In Russ.).

17. Dal' V.I. Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language: Modern spelling. In 4 volumes. Vol. 1. Moscow, AST: Astrel Publ., 2002. 1155 [1] p. (In Russ.).

18. Astafyev I.N. Bringing suspects and accused persons in custody to administrative responsibility for disobeying the lawful demands of police officers. *Legal Science and Law Enforcement Practice*, 2024, no. 2, pp. 79-87. (In Russ.).

19. Tsykunov M.V. Administrative offenses that encroach on the institutions of state power. *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2009, no. 3, pp. 252-254. (In Russ.).

Раздел 5. Обзоры, рецензии, критика

Научная специальность: 5.1.2

Рецензия на учебник В.Е. Горюнова «Организационные основы защиты информации»*

Владимир Иванович Майоров,

доктор юридических наук, профессор, Тюменский институт повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации, Тюмень, Россия, 1955715@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6490-3546>

Аннотация. В рецензируемом учебнике в систематизированном виде излагаются базовые положения теоретико-методологического, правового и организационного обеспечения защиты информации. Достижения научно-правового знания раскрываются в одиннадцати учебных темах (главах) с учетом последних изменений и дополнений законодательства в данной сфере. Подчеркивается, что автором учебника представлено современное состояние правоприменительной практики. К каждой теме прилагаются исчерпывающий терминологический (понятийный) аппарат, рекомендуемая литература (законодательные акты и нормативная документация), а также контрольные вопросы, позволяющие закрепить полученные знания. Выявленные рецензентом недостатки являются незначительными и относятся к оформлению работы. Делается вывод о соответствии учебника актуальным требованиям федерального государственного образовательного стандарта высшего образования.

Ключевые слова: правовое регулирование, защита информации, информационная безопасность, государственная тайна, учебник

Для цитирования: Рецензия на учебник В.Е. Горюнова «Организационные основы защиты информации» // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2025. N 1 (71). С. 83-89.

**Review of the textbook by V.E. Goryunov
"Organizational principles of data protection"**

Vladimir I. Mayorov,

Doctor of Legal Sciences, Professor, Tyumen Advanced Training Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Tyumen, Russia, 1955715@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6490-3546>

Abstract. The textbook under review systematically outlines the basic provisions of theoretical-methodological, legal and organizational support of data protection. The achievements of scientific and legal knowledge are described in eleven educational topics (chapters) considering the latest amendments and additions to the legislation in this area. It is emphasized that the author of the textbook provides the current state of law enforcement practice. Each topic is accompanied by an exhaustive terminological (conceptual) apparatus, recommended literature (legislative acts and regulatory documentation), as well as test questions for consolidating the acquired knowledge. The deficiencies identified by the reviewer are insignificant and related to the design of the work. It is concluded that the textbook under review complies with the current requirements of the federal state educational standard of higher education.

Keywords: legal regulation, data protection, information security, state secret, textbook

For citation: Mayorov V.I. Review of the textbook by V.E. Goryunov "Organizational principles of data protection" // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2025. No. 1 (71). P. 83-89.

* Горюнов В.Е. Организационные основы защиты информации: учебник. Челябинск: Южно-Уральский технологический ун-т, 2024. 345 с.

Введение

Активное развитие глобальных информационных систем, компьютерных и телекоммуникационных средств передачи информации все больше погружают современного человека в виртуальный мир, в котором поддерживаются личные связи, осуществляется профессиональная деятельность. Ключевой характеристикой информационного общества является то, что большинство профессионалов занято производством, хранением, переработкой, распространением и обеспечением безопасности информации. В настоящее время наблюдаются количественные и качественные изменения деструктивных угроз безопасности информационным системам со стороны как внешних, так и внутренних источников, уровень и распространенность которых постоянно возрастают.

Следует отметить, что в последнее время значительно возросла активность хакеров и хакерских групп, атакующих компьютерные системы, криминальных групп компьютерных взломщиков, различных специальных подразделений и специальных служб недружественных государств, осуществляющих свою деятельность в области создания средств воздействия на критически уязвимые объекты информатизации, в том числе связанные с государственной тайной.

С развитием информационных технологий совершенствуется и правовое регулирование информационной безопасности. Учитывая вышеперечисленные условия, представляется важным издание современной учебной литературы для студентов, обучающихся в образовательных организациях высшего образования (университеты, институты, академии) по юридическим направлениям подготовки и специальностям, с целью повышения их профессиональной компетентности.

Основная часть

Учебник «Организационные основы защиты информации» (рукопись, представленная к рецензированию) подготовлен кандидатом юридических наук, доцентом Горюновым Владимиром Евгеньевичем и предназначен для студентов, изучающих учебную дисциплину «Правовое регулирование информационной безопасности» и обучающихся по специаль-

ности 40.05.04 Судебная и прокурорская деятельность.

Учебник принадлежит к совокупности ранее изданных учебников, учебных пособий и других работ, посвященных организационным основам защиты информации, обеспечивая преемственность изучения учебной дисциплины «Правовое регулирование информационной безопасности», в содержании которой используется понятийный (терминологический) аппарат, соответствующий предметной области научного знания.

Автор справедливо акцентирует внимание на том, что в настоящее время вопросы правового регулирования информационной безопасности рассматриваются в образовательных организациях высшего образования (университеты, институты, академии), осуществляющих подготовку по юридическим направлениям и специальностям, достаточно односторонне — только с позиции защиты информации. В опубликованных ранее изданиях в области защиты информации рассматриваются основы построения и использования компьютерных сетей; основы построения, расчета и анализа современных систем защиты информации, информационных систем и вычислительных ресурсов; обеспечение безопасности программного обеспечения; теоретические и прикладные аспекты криптографической защиты информации; физические основы средств передачи информации; экономические оценки обеспечения информационной безопасности автоматизированных систем и вопросов управления кибербезопасностью, осуществление информационного противодействия на уровне противодействия распространению информационных потоков в социальных сетях; основные понятия сетевых служб глобальных компьютерных сетей; информационные сервисы глобальных сетей и т.п.

Действительно, анализ трудов в указанной сфере показывает отсутствие комплексных работ, в которых рассматривались бы вопросы теоретико-методологического, правового и организационного обеспечения защиты информации. Таким образом, предполагается, что настоящий учебник восполнит часть указанных недостатков, в том числе теоретических про-

белов научно обоснованного организационного обеспечения защиты информации. Именно в этом заключается его теоретическая новизна и практическая значимость.

Учебник «Организационные основы защиты информации» подготовлен В.Е. Горюновым в соответствии с федеральным государственным образовательным стандартом высшего образования по учебной дисциплине «Правовое регулирование информационной безопасности».

Методологическая основа и структурно-содержательные компоненты рецензируемого учебника

Представляется, что автор использовал фундаментальную методологическую основу, которую составляют: во-первых, общенаучные методы исследования (диалектический, логический, метод системного анализа); во-вторых, формально-юридические методы исследования (позволяющие определять юридические понятия, выявлять их признаки, проводить классификацию, толковать содержание правовых предписаний и др.); в-третьих, педагогические методы (комплексность, педагогический дизайн, дидактические приемы).

Автор определяет объект и предмет изучения. Объектом исследования в излагаемом материале выступают общественные отношения, складывающиеся по поводу реализации функций в сфере организационных основ защиты информации. Предметом исследования является нормативная правовая база, на основании которой осуществляют свои права и обязанности подразделения по защите информации, а также теория и практика организационных основ защиты информации.

Введение, являясь самостоятельной структурной единицей учебного произведения, в данном случае выполняет ряд функций: во-первых, отражает вовлеченное отношение автора к излагаемому материалу; во-вторых, «открывает дверь» студентам не только к новым, но и актуальным и востребованным знаниям в будущей профессиональной деятельности; в-третьих, посредством четкой формулировки предмета и объекта исследования, а также последующей постановки ключевой цели и задач изучения мотивирует студентов к активному постижению учебного материала.

Автор верно отмечает, что преподавание учебной дисциплины «Правовое регулирование информационной безопасности» носит теоретико-прикладной характер и предполагает ознакомление студентов с нормативными правовыми актами и стандартами в области защиты информации, а также основами организационного и технического обеспечения защиты информации с учетом практики применения и достижений правовой науки. Освоение учебной дисциплины направлено на формирование у студентов практических навыков работы в современных реалиях осуществления профессиональной деятельности.

Во введении автор точно определяет цель и задачи обучения. Цель обучения состоит в формировании научно обоснованного представления об основах организационной защиты информации в Российской Федерации и о ее значении в деятельности правоохранительных органов, органов власти и других организаций (учреждений, предприятий). Учебная дисциплина посвящена изучению современного представления о методах и средствах организационных основ защиты информационных ресурсов, а также информационной безопасности личности, общества и государства.

Автором дифференцированно представлены девять задач обучения, что стимулирует учебную активность студентов, концентрирует их внимание и позволяет охватить в реперных точках панораму изучаемого материала. В соответствии с задачами автором кратко сформулированы результаты (знания, умения, владение) освоения студентами учебной дисциплины «Правовое регулирование информационной безопасности» в контексте повышения их будущей профессиональной компетентности.

В современную парадигму образования прочно вошло понятие педагогического дизайна. В общем виде определение данного понятия предполагает наличие единства и взаимосвязи цели обучения, учебного материала и инструментария для обеспечения процесса обучения [1, с. 63], что в полной мере относится и к традиционным типам учебной литературы (учебники, учебные пособия, практикумы

и др.). Суть педагогического дизайна заключается в том, что учебный материал должен быть представлен интересно, доступно и удобно для студента, включая как основной, так и дополнительный материал.

Структура рецензируемого учебника соответствует требованиям, предъявляемым к учебным изданиям, и состоит из введения, основной части и заключения. Содержание основной части излагается в 11 темах (главах), в каждой из них рассматривается 2-4 больших вопроса (параграфа), что в общей сложности составляет 33. Учебник отличается строго научное и вместе с тем доступное изложение материала. Прослеживается четкая логика и емкость изложения. В учебнике расположено 14 таблиц, способствующих концентрированному восприятию учебного материала. Объем учебника составляет 342 страницы.

С точки зрения педагогического дизайна рецензируемый учебник «Организационные основы защиты информации» представляет собой целостный контент, композиционно включая изложение темы, терминологический аппарат, рекомендуемую литературу, контрольные вопросы, графику.

Следует отметить, что терминологический (понятийный) аппарат, рекомендуемая литература (законодательные акты и нормативные документы), контрольные вопросы расположены в конце каждой рассматриваемой темы, что стимулирует студентов последовательно и в сегментированном виде осваивать учебный материал, а при необходимости легко возвращаться к востребованной информации для более основательной аргументации при ответе на вопросы.

Автор удачно применяет комбинированные приемы графической подачи текста, а именно выделение важной информации жирным начертанием шрифта, а концептуально важной — жирным начертанием шрифта в рамке, что будет способствовать концентрации внимания студентов и лучшему запоминанию материала.

Для наглядного и систематизированного представления однотипного учебного материала автор в оформлении учебника использует четырнадцать таблиц, что мож-

но отнести к достоинствам работы, так как это позволяет студентам компактно представить объемную информацию и легко воспринимать ее визуально.

Формулировка контрольных вопросов по каждой теме составлена таким образом, чтобы помочь студентам не только самостоятельно проверить собственные знания, но и подготовиться к промежуточным аттестационным мероприятиям (зачет, экзамен).

Автором обоснованно выбрана структурно-содержательная модель учебника «Организационные основы защиты информации». Темы соразмерно наполнены учебно-информационным и сравнительно-содержательным материалом, практическими уточнениями и примерами. Несмотря на то, что содержание учебного материала излагается на 342 страницах учебника, это создает ощущение не избыточности, а наоборот — целостности и «сжатой полноты» (компрессии) изложения. Все подчинено достижению поставленной цели — успешному освоению студентами учебной дисциплины.

Достоинством учебника «Организационные основы защиты информации» является то, что автор смог обширную сферу научного знания представить обзорно, выбрав одиннадцать учебных тем, содержание которых раскрывается тесной связью теоретических положений с конкретной реальностью. Практически во всех темах автор показывает основные достижения предшествующих научных исследований и современное состояние законодательства. В каждой теме раскрывается ряд вопросов, в том числе вводятся понятия, определяются задачи, дается описание функций, указываются последовательность этапов, меры защиты, современная нормативно-правовая база.

В первой теме — «Информация, подлежащая защите» — раскрыто содержание государственной тайны и сведений, отнесенных к государственной тайне. Представляется уместным указать обоснования, с которых автор начинает раскрытие этой ключевой темы. Согласно п. 1 ч. 1 ст. 2 Закона Российской Федерации от 21 июля 1993 г. N 5485-1 «О государственной тайне» государственная тайна — это защищаемые государством сведения, распростра-

нение которых может нанести ущерб безопасности Российской Федерации*.

Согласно Указу Президента Российской Федерации от 30 ноября 1995 г. N 1203 «Об утверждении Перечня сведений, отнесенных к государственной тайне»**, сведения, относящиеся к государственной тайне, сгруппированы в четыре группы, систематизированные по родовому признаку:

- 1) сведения в военной области;
- 2) сведения в области экономики, науки и техники;
- 3) сведения в области внешней политики и экономики;
- 4) сведения в области разведывательной, контрразведывательной и оперативно-розыскной деятельности, в области противодействия терроризму и обеспечения безопасности лиц, в отношении которых принято решение о применении мер государственной защиты.

Во второй теме — «Допуск лиц к государственной тайне» — автором рассмотрен порядок допуска должностных лиц и граждан Российской Федерации к государственной тайне, а также порядок оформления допуска к государственной тайне.

В третьей теме — «Сведения для служебного пользования» — изложены следующие вопросы: служебная информация ограниченного распространения; перечень нормативных актов, относящих сведения к категории ограниченного доступа; законодательные акты и нормативные документы по защите конфиденциальной информации и персональных данных. Автор весьма удачно представил в виде таблицы сведения, отнесенные к категории ограниченного доступа, и основания (нормативные правовые акты) отнесения сведений к категории ограниченного доступа.

* О государственной тайне: закон Российской Федерации от 21 июля 1993 г. N 5485-1: ред. от 4 авг. 2023 г. // Рос. газ. 1993. 21 сент.; Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>

** Об утверждении Перечня сведений, отнесенных к государственной тайне: указ Президента Российской Федерации от 30 нояб. 1995 г. N 1203: ред. от 11 апр. 2024 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. N 49. Ст. 4775; Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>

В четвертой теме — «Оценка рисков информационной безопасности» — приведен порядок оценки рисков информационной безопасности. Автор акцентирует внимание на том, что целью идентификации риска является определение нанесения возможного ущерба. Обоснованно показаны этапы оценки рисков информационной безопасности, критерии и шкалы ценностей.

В пятой теме — «Факторы, воздействующие на безопасность защищаемой информации» — автором раскрыты вопросы: классификация факторов, влияющих на безопасность защищаемой информации; порядок создания автоматизированных систем в защищаемом исполнении; содержание и порядок выполнения работ на стадиях и этапах создания автоматизированных систем в защищенном исполнении.

В шестой теме — «Меры защиты информации в информационных системах» — освещены вопросы: направленность мер защиты информации в информационных системах; состав и содержание мер по обеспечению безопасности персональных данных; автоматизированные системы в защищенном исполнении.

В седьмой теме — «Методика определения угроз безопасности персональных данных при их обработке в информационных системах персональных данных» — автором представлено понятие и содержание угроз безопасности персональных данных при их обработке в информационных системах персональных данных; классификация угроз безопасности персональных данных; общая характеристика источников угроз несанкционированного доступа в информационной системе персональных данных; порядок определения актуальных угроз безопасности персональных данных в информационных системах персональных данных.

В восьмой теме — «Меры защиты информации в государственных информационных системах» — проводится анализ мер защиты информации в государственных информационных системах, включающих выбор мер защиты информации для их реализации в информационной системе в рамках ее системы защиты информации; классификацию таких мер; защиту информационных технологий и автоматизированных систем от угроз информа-

ционной безопасности, реализуемых с использованием скрытых каналов.

В девятой теме — «Аттестация объектов» — автор представляет для изучения: основания для проведения аттестации; организационную структуру системы аттестации объектов информатизации по требованиям безопасности информации; порядок проведения аттестации и контроля; требования к нормативным и методическим документам по аттестации объектов информатизации.

В десятой теме — «Требования к защите информации, не составляющей государственную тайну» — подробно освещаются требования к обеспечению защиты информации ограниченного доступа, не содержащей сведения, составляющие государственную тайну, от утечки по техническим каналам, несанкционированного доступа, специальных воздействий на такую информацию (носители информации) в целях ее добывания, уничтожения, искажения или блокирования доступа к ней (далее — защита информации).

В одиннадцатой, завершающей теме — «Организация служебного расследования по фактам разглашения конфиденциальной информации или утраты носителей информации» — рассматриваются вопросы: ответственность за разглашение конфиденциальной информации и утрату носителей информации; организация и проведение служебного расследования по факту разглашения конфиденциальной информации или утраты носителей, содержащих такую информацию; порядок действий в случае разглашения конфиденциальной информации или утраты носителей, содержащих такую информацию.

В заключении автор вполне справедливо резюмирует, что необходимой составляющей обеспечения информационной безопасности является нормативно-правовая база, регулирующая деятельность в данной сфере, состоящая из общегосударственной системы стандартов и других нормативных и методических документов по организационным основам информационной безопасности, и рекомендации, устанавливающие требования к создаваемым и эксплуатируемым программным продуктам по уровню реализации защитных функций.

Незначительные замечания, которые можно сделать после ознакомления с рецензируемым учебником, касаются не содержания, а оформления материала. Отсутствует единообразие оформления некоторых тем. Например, в теме 5 автор подробно рассматривает содержание и порядок выполнения работ в процессе десяти стадий и многочисленных этапов создания автоматизированных систем в защищенном исполнении, описание составляет десять страниц, при этом не применяется обычное выделение жирным начертанием шрифта, что снижает визуальное восприятие значимой информации. В теме 11 выделены вопросы для изучения, что отсутствует в оформлении иных тем, в которых выделяются подпункты. Указанные замечания легко устранимы и не влияют на общую положительную оценку рецензируемого учебника.

Таким образом, учебник «Организационные основы защиты информации» относится к жанру научной литературы, позволяет в полной мере представить систематизированное знание в указанной сфере с целью дидактического использования в образовательном процессе высших учебных заведений. Важно подчеркнуть, что автору удалось создать полноценный «функционал» современного учебника «Основы защиты информационной безопасности» как стержневого элемента учебно-методического комплекса в указанной отрасли, включающего функции координации, мотивации, самообразования, закрепления и самоконтроля.

Выводы

Актуальность издания учебника «Организационные основы защиты информации», подготовленного В.Е. Горюновым, не вызывает сомнения, так как в современном мире увеличиваются информационные угрозы в различных областях общественной жизни, государственного управления, экономической и коммерческой деятельности.

В учебнике «Организационные основы защиты информации» в систематизированном виде излагаются базовые положения теоретико-методологического, правового и организационного обеспечения защиты информации. Учтены последние изменения и дополнения, внесенные

в законодательство, регламентирующее данную сферу. Представлено современное состояние правоприменительной практики.

Учебник соответствует актуальным требованиям федерального государственного образовательного стандарта высшего образования. Содержание учебника дополняет и обогащает ранее выпущенную учебную литературу в данной области знания.

В силу актуальности и полноты раскрытия изучаемого материала учебник может быть востребован в образовательном процессе и интересен студентам по другим юридическим направлениям подготовки, в том числе укрупненным группам подготовки обучающихся, изучающих дисциплину «Правовое регулирование информационной безопасности». Освоение предлагаемого учебника позволит студентам повы-

сить уровень профессиональной компетентности и в дальнейшем существенно повлиять на качество создания и эффективность функционирования защищенной информации различного назначения.

В.Е. Горюновым проделана значительная работа по подготовке качественного учебника «Организационные основы защиты информации», которая заслуживает положительной оценки. Учебник соответствует всем требованиям, предъявляемым к работам такого уровня, может быть рекомендован к использованию в образовательных организациях, реализующих программы высшего образования по специальности 40.05.04 Судебная и прокурорская деятельность, при изучении дисциплины «Правовое регулирование информационной безопасности».

Список источников

1. Никитина Л.Л., Гаврилова О.Е. Педагогический дизайн в проектировании учебника для вуза // Казанский педагогический журнал. 2021. N 6. С. 62-67.

References

1. Nikitina L.L., Gavrilova O.E. Pedagogical design in designing a textbook for a university. Kazan Pedagogical Journal, 2021, no. 6, pp. 62-67. (In Russ.).

Научная специальность: 5.1.4

Отзыв на диссертацию И.В. Матвеева «Использование лицом служебного положения как признак состава коррупционного преступления»*

Виктор Иванович Морозов,

кандидат юридических наук, доцент, заслуженный юрист Российской Федерации, Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия, vik-mor@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-0627-4083>

Аннотация. В отзыве подтверждаются актуальность избранной темы исследования, высокая степень обоснованности научных положений, выводов и рекомендаций, сформулированных в диссертации, достоверность и новизна полученных результатов, их значимость для теории уголовного права, законотворческой деятельности и судебной практики. Делается вывод о том, что работа представляет собой комплексное монографическое исследование вопросов квалификации коррупционных преступлений, совершенных с использованием служебного положения. Акцентируется внимание на содержащихся в диссертации результатах исследования, которые обогащают науку уголовного права выводами о сущности использования служебного положения при совершении коррупционных преступлений, об основных признаках таких деяний. Подчеркивается, что следует согласиться с большинством положений, выносимых на защиту, а также предложений диссертанта по совершенствованию механизма уголовно-правового регулирования. В порядке дискуссионных замечаний высказываются возражения относительно некоторых положений, содержащихся в тексте диссертации. Они имеют частный характер и не влияют на положительную оценку работы в целом.

Ключевые слова: служебное положение, состав преступления, коррупционное преступление, квалификация общественно опасных деяний должностных лиц

Для цитирования: Морозов В.И. Отзыв на диссертацию И.В. Матвеева «Использование лицом служебного положения как признак состава коррупционного преступления» // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2025. N 1 (71). С. 90-96.

Review of the dissertation by I.V. Matveev "Abuse of official position as a sign of a corruption crime"

Viktor I. Morozov,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Tyumen State University, Tyumen, Russia, vik-mor@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-0627-4083>

Abstract. The review confirms the relevance of the chosen research topic, the high degree of validity of the scientific provisions, conclusions and recommendations, formulated in the dissertation, as well as the reliability and novelty of the results obtained, their significance for the criminal law theory, legislative activities and judicial practice. It is concluded that the dissertation is a comprehensive monographic research of the issues of qualifying the corruption crimes, committed through the use of official position. Attention is focused on the research results, which enrich the criminal law science with new useful conclusions about the essence of using official position when committing corruption crimes and also about the main signs of such acts. It is emphasized that most of the provisions for the defense, as well as the dissertator's proposals on improving the mechanism of criminal-legal regulation should be accepted. For the sake of argument, comments and objections regarding some dissertation provisions, having a private nature and not influencing the positive assessment of the work as a whole, are expressed.

Keywords: official position, elements of crime, corruption crime, qualification of socially dangerous acts of officials

* Матвеев И.В. Использование лицом служебного положения как признак состава коррупционного преступления: дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.4. Екатеринбург, 2024. 238 с.

For citation: Morozov V.I. Review of the dissertation by I.V. Matveev "Abuse of official position as a sign of a corruption crime" // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2025. No. 1 (71). P. 90-96.

Работа И.В. Матвеева выполнена на кафедре уголовного права имени М.И. Ковалева Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева. Изучение диссертации, автореферата и научных публикаций, подготовленных соискателем, позволяет сформулировать ряд выводов.

Актуальность темы диссертационного исследования сомнений не вызывает. Важность эффективного противодействия коррупционным проявлениям во всех сферах общественной жизни трудно переоценить. Как справедливо отмечает соискатель, коррупционное поведение выступает вызовом и угрозой экономической (и не только) безопасности государства, наибольшую опасность представляет незаконное использование властных полномочий вопреки задачам государственной службы (с. 4-5 диссертации).

Противодействие коррупционным проявлениям сложно представить без эффективного использования уголовно-правовых средств, однако даже законодательно закрепленное понятие «преступление коррупционной направленности» подвергается справедливой критике в юридической литературе, не решен вопрос о соотношении данного понятия с термином «коррупционное преступление», отсутствует четкий перечень признаков, которые их характеризуют. Кроме того, в теории и на практике неоднозначно трактуется использование лицом своего должностного и служебного положения при совершении преступления. И.В. Матвеев верно подчеркивает важность единообразия в правоприменительной деятельности и необходимости четкого толкования использования служебного положения как криминообразующего признака состава преступления коррупционной направленности и квалифицирующего признака составов альтернативно-должностных преступлений (с. 6 диссертации), учитывая, что этот признак предусмотрен в 73 статьях Особенной части УК РФ (с. 95 диссертации). Различное толкование квалифицирующего признака

«использование лицом своего служебного положения» в постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации также не способствует единообразию практики применения уголовно-правовых норм. Уже в самом начале диссертации автор убедительно аргументирует важность и актуальность изучения использования лицом служебного положения как признака состава коррупционного преступления. Необходимость таких разработок соискатель последовательно демонстрирует и обосновывает практически во всех разделах диссертации.

Высокая степень обоснованности и достоверности научных положений, выводов и рекомендаций, сформулированных в диссертации, достигнута И.В. Матвеевым благодаря использованию данных, полученных ранее учеными в ходе исследования теоретических и практических аспектов уголовно-правового противодействия коррупционным преступлениям; эффективно-го применения комплекса общенаучных и частнонаучных методов познания при проведении исследования; проведения сравнительного анализа полученных данных с имеющимися в юридической литературе сведениями, касающимися изучаемых соискателем аспектов коррупционных преступлений.

Посредством метода системного анализа и синтеза автором определены основные понятия своего научного исследования, получено унифицированное толкование такого признака альтернативно-должностного преступления, как «использование лицом своего служебного положения». Применение исторического метода позволило соискателю выявить проблемные вопросы развития и содержания ответственности за совершение преступлений с использованием своего служебного положения. Умелое применение сравнительно-правового метода способствовало выявлению особенностей института должностных и иных служебных преступлений в законодательстве зарубежных стран и позволило соискателю учесть положительный опыт правового регулирова-

ния в этих странах при разработке авторских предложений по совершенствованию отечественного уголовного законодательства и правоприменительной практики. Используя правовое моделирование и формально-юридический метод, автор сформулировал новые редакции уголовно-правовых норм и отдельных пунктов постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

Достоверность полученных результатов, выводов и рекомендаций, содержащихся в диссертации, подтверждает также умелое использование соискателем некоторых статистических данных и скрупулезный анализ 265 апелляционных, кассационных определений и приговоров судов различных инстанций, касающихся коррупционных преступлений. Как представляется, экспертный опрос судей и сотрудников правоохранительных органов мог бы дополнить данное исследование. Внушительный и более чем достаточный список используемых автором источников при подготовке работы также обеспечивает надежность полученных результатов. Об основательности проведенного исследования свидетельствует и список из 23 опубликованных работ, в которых изложены основные теоретические положения и выводы диссертационного исследования. При этом 3 из них размещены в ведущих рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК при Минобрнауки России для опубликования основных научных результатов диссертаций.

Научная новизна работы проявляется в самом подходе к выявлению проблем, их рассмотрению, в теоретических и практических решениях целого комплекса вопросов, касающихся содержания, классификации и квалификации коррупционных преступлений. В частности, научная новизна проявляется и в оригинальном авторском подходе к решению проблем, связанных с содержанием признака состава преступления «совершение деяния лицом с использованием своего служебного положения», и в авторском понимании роли этого признака в составах коррупционных преступлений, и в предложенных диссертантом дефинициях коррупционного преступления и подрыва авторитета публичного властного аппарата. Научная новизна

отразилась и в других положениях, выносимых на защиту, подавляющее большинство которых заслуживает одобрения и поддержки.

Результаты научного исследования И.В. Матвеева обогащают науку уголовного права новыми полезными выводами о сущности коррупционных преступлений, о значении, содержании и роли в этих преступлениях такого признака, как «использование лицом служебного положения», и позволяют сделать вывод о значимом вкладе, внесенном диссертантом в уголовно-правовую науку. Полученные результаты, несомненно, имеют не только большое теоретическое значение, но и важны и ценны для судебной практики, касающейся уголовно-правовой оценки коррупционного поведения лица, использующего служебное положение, а кроме того, для органов и лиц, обладающих правом законодательной инициативы, при разработке законопроектов, направленных на повышение эффективности уголовно-правового противодействия преступлениям коррупционного характера.

Результаты диссертационного исследования И.В. Матвеева прошли апробацию и вполне обоснованно используются в учебном процессе Новосибирского государственного университета экономики и управления, а также Сибирского университета потребительской кооперации. Без сомнения, эти результаты достойны более широкого внедрения в учебный процесс юридических образовательных организаций высшего образования и судебно-следственную практику. Основные теоретические выводы и практические рекомендации освещены соискателем на международных и всероссийских научно-практических конференциях.

Материал диссертационного исследования изложен логически верно, последовательно, юридически грамотным языком. Следует согласиться с утверждением автора о том, что структура диссертации соответствует логике построения научного исследования и отражает последовательность решения поставленных задач (с. 14 автореферата диссертации). В работе рассматриваются понятие и признаки коррупционного преступления (глава I), исторические аспекты и зарубежный опыт

ответственности за преступления, совершаемые с использованием служебного положения, соотношение понятий «должностное» и «служебное» положение лица в современном отечественном уголовном законодательстве, дается характеристика использования лицом своего служебного положения как криминообразующего признака деяний, предусмотренных главой 30 УК РФ (глава II), затем рассматривается этот же признак, использующийся законодателем в других главах Особенной части УК РФ в качестве квалифицирующего (глава III). Такая структура работы позволила И.В. Матвееву выстроить стройную и убедительную частную теорию о содержании и роли признака «совершение деяния лицом с использованием своего служебного положения» в составах преступлений коррупционной направленности.

Оформление работы не вызывает нареканий, поскольку соответствует предъявляемым требованиям.

Характеризуя содержательную часть диссертации, следует отметить весьма квалифицированное проведение исследования истории отечественного законодательства об ответственности за преступления, совершенные лицом с использованием своего служебного положения (с. 50-76 диссертации). При этом И.В. Матвеев не просто пересказывает содержание законодательства разных периодов, как это часто бывает при использовании сравнительно-исторического метода исследования, а проводит системный и целенаправленный анализ действовавших в разное время норм и акцентирует внимание на тех положениях, которые представляют интерес для совершенствования механизма уголовно-правового регулирования в настоящее время.

Анализируя современные уголовные законы зарубежных стран, соискатель убедительно доказывает, что в большинстве из них закреплено понятие должностного лица, отмечает, что в уголовных кодексах стран — участниц СНГ подход к включению в конструкцию состава преступления признака «использование лицом служебного положения» соответствует российскому криминализационному подходу, выделяет положительный законодательный опыт Республики Казахстан, в Общей части уго-

ловного законодательства которой содержится обозначение основных понятий, в том числе указан перечень деяний, относящихся к коррупционному преступлению (с. 76-93 диссертации).

Заслуживающими внимания и требующими дальнейшего изучения представляются выявленные во время проведения исследования признаки коррупционных преступлений (с. 20-39 диссертации), предложенные автором классификация таких преступлений и редакция понятия коррупционного преступления (с. 40-49 диссертации). Следует согласиться с утверждением соискателя об ошибочности использования законодателем понятия «должностное лицо» в контексте ст. 274.2 УК РФ, заимствованного из КоАП РФ, и предложением об изменении редакции этой статьи (с. 32 диссертации). Не вызывает сомнений позиция диссертанта о необходимости внесения изменений в примечание 1 к ст. 285 УК РФ, которые позволят распространить закрепленное в ней понятие должностного лица на все уголовно-правовые нормы (с. 104 диссертации). Являются убедительными выводы соискателя о необходимости указания не на должностное, а на служебное положение лица в тексте ст. 4 УК РФ (с. 94 диссертации), о признаках служебного положения лица (с. 99 диссертации). Трудно не согласиться с мнением автора о том, что целесообразна законодательная унификация такого признака состава преступления, как «использование лицом своего служебного положения», и исключение из этого словосочетания в тексте уголовного закона указания на должностное положение лица, поскольку должностное положение лица является одной из разновидностей служебного положения (с. 105-106 диссертации). Бесспорен вывод автора о том, что сам по себе подрыв авторитета власти не может определять существенность вреда при квалификации деяний по ст. 285 УК РФ (с. 127 диссертации). Несомненный интерес вызывает позиция автора относительно названия и содержания объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 285 УК РФ, которую И.В. Матвеев предлагает назвать «Злоупотребление должностным положением» (с. 131 диссертации).

Большое методологическое значение имеет вывод автора о том, что унифицированное понятие «использование лицом своего служебного положения» должно включать в себя использование полномочий должностного лица, иного государственного или муниципального служащего, а также лица, выполняющего управленческие функции в коммерческой или иной организации (отвечающего требованиям, предусмотренным п. 1 примечания к ст. 201 УК РФ) (с. 143 диссертации), и предложение о включении этого положения во все постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации, касающиеся разъяснения этого признака состава преступления, которые трактуют его содержание по-иному. Следует согласиться с соискателем и в том, что использование служебного положения относится к способу совершения преступления (с. 148 диссертации), и что к такому способу должно относиться и оказание влияния, исходя из значимости и авторитета занимаемой им должности, на других лиц, а также в том, что данное положение следует распространить на все постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации, содержащие данный признак (с. 151 диссертации). И.В. Матвеев верно отмечает, что хищение, совершенное с использованием своего служебного положения, может быть в некоторых случаях признано малозначительным деянием, подкрепляя свои выводы примерами из судебной практики (с. 173 диссертации).

Не вызывает возражений утверждение автора о необходимости включения в ст. 163 УК РФ такого квалифицирующего признака, как «совершение лицом с использованием служебного положения» (с. 181 диссертации). Следует согласиться с подавляющим большинством предложений автора по совершенствованию механизма уголовно-правового противодействия коррупционным преступлениям (с. 185-194 диссертации).

Таким образом, учитывая вышеизложенное, можно констатировать, что поставленные перед исследованием задачи решены, а его цели автором достигнуты.

Однако в диссертации имеется ряд спорных моментов, наличие которых сви-

детельствует о сложности и неоднозначности рассматриваемых проблем.

1. Едва ли можно согласиться с утверждением соискателя о том, что использование лицом служебного положения является единственным признаком, характерным для всех коррупционных преступлений (с. 37 диссертации). Считая этот признак основным признаком таких преступлений, И.В. Матвеев относит наличие умышленной формы вины, корыстной или иной личной заинтересованности к факультативным признакам коррупционного преступления, обосновывая это тем, что «Факультативными признаками в рассматриваемом случае следует считать такие признаки, которые нужны для дополнения характеристики состава преступления коррупционной направленности чертами, из которых складывается заверченный образ таких преступлений с точки зрения общественной опасности. При этом такого рода признаки могут заимствоваться у составов преступлений, не относящихся к коррупционным». Исходя из этого и использование лицом служебного положения также следует относить к факультативным признакам, поскольку его использование может быть характерно и для составов преступлений, не относящихся к коррупционным. Представляется, что все эти признаки только при наличии их совокупности характеризуют коррупционное преступление. При отсутствии умышленной формы вины и корыстной или иной личной заинтересованности коррупционное преступление является маловероятным.

Кроме того, предлагая относить к коррупционным преступлениям любое деяние должностного лица, совершенное с использованием своего должностного положения по мотивам иной личной заинтересованности, соискатель фактически отождествляет понятие должностного и коррупционного преступления. Представляется, что вряд ли можно отнести к коррупционному преступлению сокрытие преступлений от учета или незаконное применение насилия, совершенные должностным лицом по мотиву ложно понятых интересов службы, хотя, безусловно, это должностные преступления. Такой подход автора необоснованно расширяет понятие коррупционного преступления. И.В. Матвеев, соглашаясь

с мнением ученых, ранее исследовавших этот вопрос (с. 34-36 диссертации), не приводит какой-либо классификации такого мотива, как «иная личная заинтересованность», которая позволила бы выделить коррупционное преступление из всей массы должностных преступлений.

2. Вызывают возражение и некоторые аспекты предложенной соискателем редакции ст. 285 УК РФ (с. 135 диссертации). В частности, автор предлагает относить к использованию должностным лицом своего должностного положения как признака злоупотребления должностным положением умышленное бездействие должностного лица. Однако в науке уголовного права неоднократно подчеркивалось, что термин «использование» подразумевает активные действия. Кроме того, сам соискатель на с. 149 диссертации подчеркивает, что использование «означает применение чего-либо для извлечения пользы...». Единственным аргументом для отнесения бездействия к признакам состава преступления, предусмотренного ст. 285 УК РФ, является ссылка на п. 15 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 октября 2009 г. N 19, подкрепленная примерами из судебной практики.

Однако это, к сожалению, не единственный случай, когда Верховный Суд Российской Федерации берет на себя функции законодателя, пытаясь минимизировать ущерб от его недоработок. Следует обратить внимание соискателя на то, что некоторые ученые по-иному подходят к решению этого вопроса. Например, В.Н. Борков предлагает установить самостоятельную уголовную ответственность за уклонение от осуществления государственных функций, которое выражается в неисполнении должностным лицом своих обязанностей или в уклонении от использования полномочий [1, с. 13]. К сожалению, анализ этой и других точек зрения относительно уголовно-правовой оценки умышленного бездействия должностного лица в тексте диссертации И.В. Матвеева отсутствует.

3. Следует полностью поддержать предложение автора о необходимости внесения изменений в постановления Пленума Верховного Суда Российской Фе-

дерации в целях унификации толкования такого признака состава преступления, как «использование лицом своего служебного положения». Однако с предлагаемой авторской редакцией некоторых пунктов этих постановлений трудно согласиться. В частности, говоря об особенностях квалификации хищений по ч. 3 ст. 160 УК РФ, И.В. Матвеев предлагает следующую редакцию одного из пунктов постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации: «Не являются использованием лицом своего служебного положения случаи, когда лицо при совершении преступления пользуется преимуществами, ставшими ему доступными единственно в связи с выполнением трудовых и профессиональных обязанностей (продавца, кассира, экспедитора) и пр. В таких случаях действия лица квалифицируются как деяние, совершенное общим субъектом» (с. 146-147 диссертации).

Последнее предложение является излишним, поскольку в целом для хищения, совершаемого путем присвоения или растраты, характерны признаки специального субъекта преступления. В качестве одного из дополнительных специфических критериев малозначительности мошенничества, присвоения или растраты, совершенных лицом с использованием своего служебного положения, И.В. Матвеев предлагает судам учитывать уровень официальных доходов виновного (с. 174 диссертации). Это, по моему мнению, противоречит принципу равенства граждан перед законом независимо от имущественного положения (ст. 4 УК РФ).

Рецензируемая диссертация, как и любая другая творческая научная работа, не может не содержать дискуссионных моментов, поэтому необходимо подчеркнуть, что указанные замечания ни в коей мере не снижают общей положительной оценки и значимости исследования, выполненного соискателем.

В целом ознакомление с работой И.В. Матвеева позволяет сделать вывод о том, что диссертация «Использование лицом служебного положения как признак состава коррупционного преступления» представляет собой внутренне единую научно-квалификационную работу, в которой на основании проведенного автором

исследования решена задача, имеющая важное значение для развития науки уголовного права.

Аннотация диссертации отражает основные положения диссертационного исследования. Работа соответствует критериям, которым должна отвечать диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук, предусмотренным пп. 9-14 Положения о порядке присуждения ученых степеней, утвержденного Постановлением Правительства Рос-

сийской Федерации от 24 сентября 2013 г. N 842*, а ее автор — Матвеев Илья Викторович — заслуживает присуждения ему ученой степени кандидата юридических наук по специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки).

* См.: О порядке присуждения ученых степеней: постановление Правительства Российской Федерации от 24 сент. 2013 г. N 842: ред. от 25 янв. 2024 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

Список источников

1. Борков В.Н. Преступления против осуществления государственных функций, совершаемые должностными лицами: аннотация дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08. Омск, 2015. 39 с.

References

1. Borkov V.N. Crimes against the implementation of state functions committed by officials. Autoabstract Doct. Diss. Omsk, 2015. 39 p. (In Russ.).